

DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9

ISSN 2227-9245
eISSN 2500-1728

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА 2020

Том 26. № 9

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Bulletin of ZabGU

Чита
Забайкальский государственный университет
2020

ISSN 2227-9245
eISSN 2500-1728
DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9

**Основан
в 1995 г.**

Учредитель и издатель: **ФГБОУ ВО
«Забайкальский государственный
университет»**

Юридический адрес: 672039,
Забайкальский край, г. Чита,
ул. Александрово-Заводская, 30

Адрес редакции: 672039, г. Чита,
ул. Александрово-Заводская, 30, каб. 320

Тел.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-сайт: http://zabvestnik.com

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-71265 от 17.10.2017 г.

Периодичность издания: 10 номеров в год
Журнал «Вестник Забайкальского государ-
ственного университета» до № 8 (87) 2012 г.
выходил под названием «Вестник Читинского
государственного университета»

Журнал «Вестник Забайкальского государ-
ственного университета» имеет отдельно
издаваемое приложение – журнал «Аспи-
рант» (ISSN 2074-9155), периодичность
издания: 2 номера в год

**Журнал рекомендован ВАК РФ для пу-
бликации результатов исследований
на соискание ученой степени канди-
дата и доктора наук**

Научные направления журнала:

- науки о Земле;
- политология;
- экономические науки

Журнал включен в:

- систему Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ);
- базу данных ВИНТИ РАН;
- НЭБ «Киберленинка»;
- каталог периодических изданий Ulrich's
Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» мож-
но оформить в любом почтовом отделении.
Подписной индекс по федеральному почто-
вому Объединенному каталогу «Пресса
России» и интернет-каталогу «Российская
периодика» – www.arpr.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редак-
цию. Цена свободная.

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЗабГУ», являются автор-
скими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за
подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях, высказываемые взгляды могут не
отражать точку зрения редакции

Фотографии предоставлены авторами и
опубликованы с их согласия

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор – Романова Н. П., д-р социол. наук, профессор;
Ответственный секретарь – Пешкова Н. Г.;
Редактор перевода – Каплина С. Е., д-р пед. наук, профессор;
Кучинская Т. Н., д-р филос. наук, доцент;
Литературный редактор – Шевчук Т. Р.;
Технический редактор – Петрова И. В., канд. социол. наук

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С. А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор Забай-
кальского государственного университета;

Зам. председателя редакционного совета: А. Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор, проректор
по научной и инновационной работе Забайкальского государственного университета

Члены редакционного совета

Науки о Земле

25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения – И. В. Быч-
ков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); А. А. Кирдяшкин, д-р геол.-минер. наук, профессор
РАН (Новосибирск); В. Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск);
Ю. В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г. В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслу-
женный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск); С. М. Синица, д-р геол.-минер. наук, профессор
(Чита); Г. А. Юргенсон, д-р геол.-минер. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита);

25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых (технические науки) – В. Р. Алексеев, д-р геогр.
наук, профессор, член-корр. Академии водного хозяйства, почетный член Русского географического обще-
ства (Якутск); А. Г. Кирдяшкин, д-р техн. наук, профессор РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат
Государственной премии РФ (Новосибирск); Н. Н. Орехова, д-р техн. наук, доцент (Магнитогорск); В. И. Ро-
стовцев, д-р техн. наук (Новосибирск); А. Г. Секисов, д-р техн. наук, профессор, ИГД СО РАН (Хабаровск);
В. П. Мязин, д-р техн. наук, Заслуженный профессор ЗабГУ (Чита); В. Я. Потапов, д-р техн. наук, профессор
кафедры горной механики (Екатеринбург); И. В. Шадрунова, д-р техн. наук, профессор (Москва);

25.00.36 – Геоэкология (по отраслям) (геолого-минералогические науки) – В. Н. Заслонов-
ский, д-р техн. наук, профессор (Чита); Е. В. Зелинская, д-р техн. наук, профессор кафедры обогащения
полезных ископаемых и охраны окружающей среды (Иркутск); В. Н. Макаров, д-р геол.-минер. наук,
профессор (Якутск); Л. В. Шумилова, д-р техн. наук, профессор (Чита)

Политология

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – Т. Е. Бейдина, д-р полит. наук, про-
фессор (Чита); О. В. Омеличкин д-р полит. наук, профессор (Кемерово); Т. Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент
(Улан-Удэ);

**23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и региональ-
но развития** – В. В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); А. В. Жуков, д-р филос. наук, профессор (Чита);
Е. В. Матвеева, д-р полит. наук, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ (Кемерово); В. Ф. Печерица,
д-р ист. наук, профессор (Владивосток);

23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика – А. Д. Воскресенский, д-р полит. наук,
профессор (Москва); Ю. А. Зуляр, д-р ист. наук, профессор (Иркутск); А. А. Протасевич, д-р юрид. наук,
профессор (Иркутск); И. В. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита); Ю. Н. Туганов, д-р юрид. наук,
профессор (Москва); А. С. Чесноков, д-р полит. наук, доцент, Первый секретарь Посольства РФ в Республи-
ке Кении (Екатеринбург)

Экономические науки

**08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятель-
ности)** – С. А. Городкова, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета (Чита);
Е. А. Малышев, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); М. С. Оборин, д-р экон. наук, профессор ка-
федры экономического анализа и статистики (Пермь); О. П. Санжина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ);
С. А. Шелковников, д-р экон. наук, профессор (Новосибирск);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит – Е. С. Вылкова, д-р экон. наук, профессор
(Санкт-Петербург); И. П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); Л. В. Кох, д-р экон. наук, профессор
(Санкт-Петербург);

08.00.14 – Мировая экономика – Н. И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); В. Ю. Буров, д-р
экон. наук, доцент (Чита); Е. Л. Дугина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В. Р. Алабьев, д-р техн. наук (Украина); О. Баастын, д-р геогр. наук (Монголия); В. С. Во-
лошин, д-р техн. наук, профессор (Украина); Б. Ж. Жумабаев, д-р техн. наук (Кыргызская Республика);
К. Ч. Кожоголов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика); Ч. В. Колев, профессор (Болгария);
Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам); Н. Б. Рыспанов, д-р техн. наук (Республика Казахстан)

Политология: Ан Сен Ир, профессор (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, профессор (Китай); Ш. Шмыт,
профессор (Польша); Т. Т. Шоболотов, д-р полит. наук (Кыргызская Республика)

Экономические науки: Мауи Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); L. G. Hassel, д-р экон. наук,
профессор (Швеция); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор (Монголия)

Drafting committee

Editor-in-chief	– Romanova N. P., scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
Assistant editor	– Peshkova N. G.;
Editor of translation	– Kaplina S. E., doctor of pedagogical sciences, professor; Kuchinskaya T. N., doctor of philosophical sciences, associate professor;
Literary editor	– Shevchuk T. R.;
Technical editor	– Petrova I. V., candidate of sociological sciences

Editorial board

Chairman of editorial board: S. A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;

Vice chairman of editorial board: A. N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University

Members of editorial board

Earth sciences

25.00.11 – Geology, prospecting and exploration of minerals, minerageny – I. V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); A. A. Kiryashkin, doctor of technical sciences, professor RAS (Novosibirsk); V. N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); Yu. V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk); S. M. Sinita, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. A. Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, (Chita);

25.00.13 – Processing of minerals (technical science) – V. R. Alekseev, doctor of geographical sciences, professor, corresponding member, Academy of Water Management, honorary member of the Russian Geographical Society (Yakutsk); A. G. Kiryashkin, doctor of technical sciences, professor RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, laureate of the State Prize of the Russian Federation (Novosibirsk); V. I. Rostovcev, doctor of technical sciences (Novosibirsk); N. N. Orechova, doctor of technical sciences, professor (Magnitogorsk); A. G. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, IMA SB RAS (Khabarovsk); V. P. Myazin, doctor of technical sciences, Honored Professor of ZabSU (Chita); V. Ya. Potapov, doctor of technical sciences, professor, Mining Mechanics department (Yekaterinburg); I. V. Shadrinova, doctor of technical sciences, professor (Moscow);

25.00.36 – Geoecology (in branches) (geological and mineralogical sciences) – V. N. Zaslonsky, doctor of technical sciences, professor (Chita); E. V. Zelinskaya, doctor of technical sciences, professor, Department of Mineral Processing and Environmental Protection (Irkutsk); V. N. Makarov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Yakutsk); L. V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita)

Politology

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies – T. E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); O. V. Omelychkin, doctor of political sciences, professor (Kemerovo); T. B. Tserenova, doctor of political sciences, associate professor (Ulan-Ude)

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development – V. V. Grib, doctor of law sciences, associate professor (Moscow); A. V. Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, (Chita); E. V. Matveeva, doctor of political sciences, Honored Worker of Science and Education RAE (Kemerovo); V. F. Pecheritsa, doctor of historical sciences, professor (Vladivostok)

23.00.05 – Political regionalism. Ethnopolitics – A. D. Voskresensky, doctor of political sciences, professor (Moscow); Yu. A. Zulyar, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A. A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); I. V. Romanova, doctor of sociological sciences, professor (Chita); Yu. N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow); A. S. Chesnokov, doctor of political sciences, associate professor, First Secretary of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kenya (Yekaterinburg)

Economics

08.00.05 – Economy and management of national economy (by industry and field of activity) – S. A. Gorodkova, doctor of economic sciences, professor, Economics and Accounting department (Chita); E. A. Malyshev, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); M. S. Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department (Perm); O. P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); S. A. Shelkovich, doctor of economic sciences, professor (Novosibirsk);

08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit – E. S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); I. P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); L. Kokh, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg);

08.00.14 – World economy – N. I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); V. Yu. Burov, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); E. L. Dugina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude)

Members of international editorial board

Earth sciences: V. R. Alabiev, doctor of technical sciences (Ukraine); O. Baastyn, doctor of geographical sciences (Mongolia); V. S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); B. Zh. Zhumabaev, doctor of technical sciences (Kyrgyz Republic); K. Ch. Kozhugulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch. V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam); N. B. Ryspanov, doctor of technical sciences (Republic of Kazakhstan)

Politology: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland); T. T. Shobolotov, doctor of political sciences (Kyrgyz Republic)

Economics: Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia)

Founded
in 1995

Founder and editor FSBI HE
«Transbaikal State University»

Legal address: 672039, Transbaikal
region, Chita
Aleksandro-zavodskaya, str. 30

Editorial address: 672039, Chita,
Alexandro-Zavodskaya str., 30,
study 320

Tel.: +7 (3022) 21-88-73

E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

Web-site: <http://zabvestnik.com>

The Journal is registered by Federal
Service for Supervision in the Sphere of
Communications, Information Technology and
Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration in Mass Media
PI № FS 7771265 dated by 17.10.2017

Frequency of publication:

10 issues per year

The Transbaikal State University Journal up to
the number 8 (87) 2012 was published under
the title «Bulletin of the Chita State University»
The Transbaikal State University

"Transbaikal State University Journal" has a
separately published supplement - the journal
"Postgraduate" (ISSN 20749155), publication
frequency 2 journals per year

**Journal is recommended by the High
Certification Commission for the
publication of research for the degrees
of doctor and candidate of sciences**

Research directions of the Journal:

- Earth sciences;
- Politology;
- Economics

The journal is included into:
– the system of the Russian index of scientific
citation (RISC);
– the database of VINITI RAN;
– SEL «Ciberleninka»;
– the catalogue of periodicals Ulrich's
Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State Uni-
versity Journal can be registered at any post
office. Index is in accordance with the federal
postal general catalogue «The Russian Press»
and internet-catalogue «Russian periodicals»
www.arpk.org: 82102.

Subscription can be also registered by means
of editorship. The price is free

All materials published in the scientific journal
«Transbaikal State University Journal» have
intellectual property rights and are protected
by copyright. Translation of the materials
and their republication in any form, including
electronic one, cannot be performed without
written consent with the editorial board.

Authors are fully responsible for the choice
and presentation of facts contained in the
articles, the expressed views do not
necessarily reflect the views
of the editorial board

Photos provided by the authors and
published with their consent

Содержание

Наки о Земле

Веселков Г. О. Современные деструктивные русловые процессы р. Онон Забайкальского края	6
Мороз П. В., Курганович К. А., Босов М. А., Юргенсон Г. А., Разгильдеева И. И., Кочев Д. В. Геоархеологическое картирование памятников каменного века и выходов минерального сырья Титовской сопки (Восточное Забайкалье): практический аспект	13

Политология

Кононов С. В. Предпосылки становления социальной безопасности в дореволюционной России и советском союзе	24
Младенов В. И., Романова И. В., Жукова А. А. Методология исследований религиозно-политических угроз в современной социально-политической науке и философии	33
Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Выборы в региональные парламенты России на примере Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)	42
Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Трансграничное сотрудничество России и Китая: опыт и проблемы	49
Романов В. Г., Романова И. В. Социальное мошенничество "Covid-19" и манипулятивные технологии социальной инженерии	57
Шаренкова Т. А., Тарабарко К. А. Краткий анализ образовательной политики КНР	68

Экономические науки

Blanutsa V. (Блануца В. И.) Development of a Platform Economy in Russia: Possible negative Consequences for the Siberian and far Eastern Regions (Развитие платформенной экономики в России: возможные негативные последствия для сибирских и дальневосточных регионов)	75
Ло Тхи Хонг Ван, Гузикова Л. А. Вызовы и перспективы развития обрабатывающей промышленности Вьетнама в контексте Индустрии 4.0	84
Лукьянова М. Н. Влияние инструментов государственного финансового контроля на оценку эффективности управления государственным и муниципальным имуществом	93
Оборин М. С. Стратегические факторы технологического прогресса строительства в регионах страны	102
Тарханова Н. П., Романов В. А. Цифровизация экономики сферы услуг: преимущества и угрозы	111
Тумунбаярова Ж. Б., Бочкарева И. В., Деревцова Е. А. Совершенствование методики оценки качества управления муниципальными финансами	121

Персоналии

Кирдяшкин Анатолий Григорьевич – член редакционного совета журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»	132
---	-----

Contents

Earth sciences

Veselkov G. Modern Destructive Riverbed Processes of the River Onon in the Transbaikal Region	6
Moroz P., Kurganovich K., Bosov M., Yurgenson G., Razgildeeva I., Kochev D. Geoarchaeological Mapping of Stone Age Sites and Mineral Outputs of Titovskaya Sopka (Eastern Transbaikalia): a Practical Aspect	13

Politology

Kononov S. Prerequisites for the Formation of a Social Security Philosophy in Pre-Revolutionary Russia and the Soviet Union	24
Mladenov V., Romanova I., Zhukova A. Methodology for Studies of Religious and Political Threats in Modern Socio-Political Science and Philosophy.....	33
Petrov Yu., Grigoriev N. Elections to Regional Parliaments of Russia on the Example of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia)	42
Pecheritsa V., Mefodyeva S. Cross-Border Cooperation Between Russia and China: Experience and Problems	49
Romanov V., Romanova I. Social Fraud-Covid-19 and Manipulative Social Engineering Technologies	57
Sharenkova T., Tarabarko K. Brief Analysis of Educational Policy of the People's Republic of China	68

Economics

Blanutsa V. Development of a Platform Economy in Russia: Possiblenegative Consequences for the Siberian and far Eastern Regions	75
Lo Thi Hong Van, L. Guzikova Challenges and prospects for the Vietnam's manufacturing industry development in the context of Industry 4.0.....	84
Lukiyanova M. The Impact of State Financial Control Instruments on the Assessment of the State and Municipal Property Management Efficiency	93
Oborin M. Innovative Factors of Construction Technological Progress in Russia	102
Tarkhanova N., Romanov V. Digitalization of the Service Economy: Advantages and Threats.....	111
Tumunbayarova Zh., Bochkareva I., Derevtsova E. Improvement of the Quality Assessment Methodology of Municipal Finance Management	121

Personalities

Kirdyashkin Anatoliy – Member of the Editorial Board of the Transbaikal State University Journal	132
--	-----

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ РУСЛОВЫЕ ПРОЦЕССЫ р. ОНОН ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

MODERN DESTRUCTIVE RIVERBED PROCESSES OF THE RIVER ONON IN THE TRANSBAIKAL REGION

Г. О. Веселков, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СОРАН, г. Чита
telepinus@mail.ru

G. Veselkov, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch, Russian Academy
of Sciences, Chita

Показана специфика территории Верхнеамурского бассейна, заключающаяся в значительном разнообразии и сложности природных комплексов. Объектом исследования явилась р. Онон; предметом – русловые процессы, возникающие на территории под воздействием природных факторов. Цель исследования – анализ и оценка масштабов развития русловых процессов на территории Верхнеамурского бассейна. Задачи – выделение активных участков водной эрозии р. Онон; пространственный анализ полученной информации; выявление динамики и интенсивности русловых процессов на активных участках в период разрушительного паводка 2018 г. и последующее время. Актуальность работы определена необходимостью оперативного выявления и предотвращения развития русловых процессов для разработки мер по рациональному использованию земельных ресурсов. В качестве методов исследования приняты анализ и дешифрирование космических снимков высокого разрешения и других разновременных картографических материалов, обработка и оцифровка изображений. Установлены и проанализированы основные природные руслоформирующие факторы р. Онон, обуславливающие современную динамику русловых деформаций. Выявлены участки, подверженные интенсивным деструктивным русловым процессам, вызывающим усиление активности современных преобразований русел рек, что особенно актуально для близко расположенных населенных пунктов. Составлены карты участков реки с характерными изменениями морфологии русла. Показано, что паводковые процессы 2018 г. сказались на активизации русловых процессов р. Онон в течение последующих трех лет, что потенциально может влиять на безопасное проживание населения. Установлено, что выявление опасных русловых участков способствует разработке эффективных мер борьбы с эрозией и сохранению земельных ресурсов для дальнейшего производственного использования. Теоретическое и практическое значение исследования заключается в определении степени воздействия на русловые процессы разнообразных руслоформирующих природных факторов. Обоснована необходимость проведения мероприятий на территории Верхнеамурского бассейна по решению водохозяйственных проблем

Ключевые слова: Верхнеамурский бассейн; р. Онон; русло; морфология русла; река; паводок; русловые процессы; русловые деформации; динамика; преобразования

The specificity of the territory of the upper Amur basin is shown, which consists in a significant variety and complexity of natural complexes. The object of the study was the Onon river, the subject-riverbed processes that occur in the territory under the influence of natural factors. The purpose of the study is to identify, analyze and evaluate the scale of development of riverbed processes in the upper Amur basin. The tasks were to identify active areas of water erosion. Onon, spatial analysis of the received information, identification of the dynamics and intensity of riverbed processes in active areas during the destructive leash of 2018 and beyond. The relevance of the work has been determined by the need to quickly identify and prevent the development of riverbed processes for erosion control and rational use of land resources for further industrial use. The research methods used

are analysis and interpretation of high-resolution satellite images and other multi-time cartographic materials, processing and digitization of images. The main natural channel-forming factors of the Onon river that determine the current dynamics of channel deformations are identified and analyzed.

The theoretical and practical significance of the study is to determine the degree of influence on riverbed processes of various riverbed-forming natural factors. The necessity of carrying out measures on the territory of the upper Amur basin to solve water management problems is justified

Key words: upper Amur basin, Onon river, channel, channel morphology, river, flood, channel processes, channel deformations, dynamics, transformations

Введение. Многолетние изменения климата приводят к преобразованию природных процессов, создают условия для катастрофических явлений с увеличением их частоты и интенсивности, осложняют условия жизни и хозяйственной деятельности населения [7]. Геоэкологические исследования русловых процессов являются одной из важных проблем в естественных науках. Как известно, реки являются одними из наиболее динамичных природных объектов [5]. Деформации речных русел вызывают разрушение объектов жизнедеятельности человека, нарушают их нормальное функционирование. С 1990-х гг. русловые процессы рассматриваются как опасное природное и природно-антропогенное (антропогенно обусловленное) явление. Поэтому многолетнее изучение закономерностей развития русловых деформаций имеет большое практическое и теоретическое значение [4], т. к. можно выявить влияние тех или иных факторов и степень их воздействия. Прогнозирование и комплексная оценка необходимы для предотвращения негативных процессов в пределах речных долин. К сожалению, специальные исследования по оценке влияния больших паводков на русловые процессы крупных рек региона российскими учеными ранее не проводились. Подобные работы активизировались лишь после наводнения 2013 г. в бассейне р. Амур, но в них дана лишь общая характеристика эрозионно-аккумулятивных процессов под воздействием катастрофического паводка [6].

Современные геоэкологические исследования ландшафтных территорий не могут быть достаточными без оценки роли русловых процессов, природные комплексы которых являются наиболее динамичными, но в то же время часто используемыми для различных видов хозяйственной деятельности. Вместе с тем локальные природные

воздействия оказывают существенное влияние на характер процессов рельефа, что необходимо учитывать при различных условиях природопользования. Таким образом, изучение русловых процессов является одним из важнейших элементов геоэкологических исследований. Микроклиматические, геологические и другие природные условия обуславливают особый характер динамики и структуры современных русловых процессов.

Объектом исследования является р. Онон.

Предмет исследования – русловые процессы р. Онон на выбранных участках (с. Оловянная и с. Нижний Цасучей), возникающие под воздействием природных факторов.

Актуальность работы определяется необходимостью оперативного выявления и предотвращения развития русловых процессов для разработки мер по рациональному использованию земельных ресурсов. Экологическое картографирование позволяет дать оценку современного состояния территории. С помощью космических снимков существует возможность проводить экологический мониторинг, отслеживая негативные и опасные явления. Международные базы данных космических снимков и программные обеспечения их обработки и анализа как количественно, так и качественно доступные, активно развиваются [12].

Цель работы – при помощи данных дистанционного зондирования и ГИС-технологий выявить, проанализировать и оценить масштабы развития русловых процессов на территории Верхнеамурского бассейна. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выделить по космическим снимкам высокого разрешения участки водной эрозии р. Онон на территории Забайкальского края;
- 2) провести пространственный анализ полученной информации с помощью ГИС-технологий;

3) проследить динамику и активность русловых процессов на данных участках в период разрушительного паводка 2018 г.

Река Онон характеризуется многообразием русловых процессов и активной динамикой русловых деформаций. Количественные характеристики водной эрозии за отдельные паводки определяются предшествующим паводку увлажнением почво-грунтов [9]. Водная эрозия особенно интенсивно проявляется в летний период. Этому способствует обилие осадков, большая высота и значительные уклоны местности, которые обуславливают быстрый сток поверхностных вод, распаханность земельных участков и т. д. Освоенные в сельскохозяйственном отношении территории в южной части Забайкалья (водосборы рек Онон и Борзя) характеризуются распространением оврагов; нередко наибольший в течение года смыв почвы приходится именно на весенние месяцы. Региональная специфика элементов географической среды (рельеф, геологические условия, климат, почвенный и растительный покровы и т. д.) оказывает огромное влияние на условия формирования и характер развития речных русел [1].

Материал и методы исследования. В ходе работы применялись общегеографические методы. Проведен анализ космических снимков высокого разрешения. Для определения динамики развития русловых деформаций применялось совместное дешифрирование, предполагающее совмещение нескольких разновременных снимков. Составлены карты участков реки, которые показывают характерные изменения морфологии русла. Обработка и оцифровка изображений проводились с помощью картометрических инструментов программы ArcGIS Desktop 10.4.1. В работе использованы космические снимки высокого качества с пространственным разрешением (1 м – Google Earth) и среднего качества с пространственным разрешением (5 м – Google Earth). Результаты наблюдений по космическим снимкам разного времени оформлены в виде пространственных (карта, векторные слои) и количественных данных. Составлены описания проявлений русловых процессов.

Проведенный анализ позволил выявить участки, подверженные усиленным русловым деформациям.

Данные о расходах и уровнях воды взяты из фондов ФГБУ «Забайкальское УГМС».

Результаты исследования и их обсуждение. Онон является трансграничной рекой, относится к бассейну р. Амур. Полуторная река. В верхнем течении протекает в широкопойменной долине с пологими склонами, покрытыми лиственничной тайгой. Имеет разветвленное, извилистое русло с широкими галечными побочными, достаточно большим количеством галечных перекатов. Русло образует систему пойменно-русловых разветвлений. Относится к транзитным рекам, т. к. протекает по территории районов с различными природными условиями. Колебания уровня отражают суммарное изменение водности, которое происходит в бассейне в течение года.

Одним из главных факторов, определяющих формирование гидрологического режима и, как следствие, развитие пойменно-руслового комплекса, является климатическая основа (климат) [2]. Режим реки характеризуется неравномерным распределением стока. Водный режим определяется преобладанием летне-осеннего паводочного периода в стоке [3]. Для многолетних изменений атмосферных осадков характерна цикличность. Связь температуры воздуха и количества атмосферных осадков достаточно слабая. Рост средних годовых температур воздуха обусловлен в феврале–апреле.

Паводки наблюдаются в основном в июле, августе. Обильные дожди вызывают относительно высокие подъемы воды, что обуславливает значительную увлажненность водосборов и таяние наледей в затененных горных долинах. Они производят большую разрушительную работу в русле реки (размыв и обрушение берегов, переформирование перекатов и т. д.). Водная эрозия развивается интенсивнее в местах, где этому способствует почвенный покров. Причиной возникновения вертикальных русловых деформаций является нарушение баланса наносов.

Речные наносы непосредственно связаны с процессами физического выветривания и денудации, которые происходят как на водосборах, так и в самих руслах рек. Наиболее широко процессы разрушения пород развиваются на участках, лишенных растительности. Развитию данных процессов способствует континентальность климата, характеризующегося сухостью и резкими колебаниями температуры.

Наиболее характерные изменения русловых процессов прослеживаются в районах пгт. Оловянная и с. Нижний Цасучей.

Местность, окружающая Оловянную, представлена низкими горами с абсолютной высотой 600...800 м. Долина реки на участке поста трапецеидальная, шириной 1,0...2,0 км, имеет общее направление с юга на север. Склоны долины высокие, террасированные, крутые, местами скалистые, сложены четвертичными отложениями (щебнистые суглинки, супеси), покрыты степной растительностью. У левого склона расположено основное русло р. Онон, у правого – протока Кулинда. Пойма реки на участке поста односторонняя, правобережная, островная, шириной до 800 м, покрыта луговой растительностью с зарослями кустарника и лиственного леса. Выход воды на пойму при уровне 280 см.

Русло реки прямолинейное, песчано-галечное, деформирующееся, разделено на две неравные протоки (основное русло и протока Кулинда). Берега реки пологие, в основном открытые, местами обрывистые, сложены суглинками.

В особо суровые зимы возможно промерзание перекатов, весенний ледоход в отдельные годы сопровождается заторами льда, установление ледостава – зазорами шуги.

Русло р. Онон характеризуется меньшими показателями устойчивости. С устойчивостью русла связаны изменения глубин на перекатах, определяемые их сезонными деформациями [11]. Устойчивость русла определяют такие характеристики, как радиус кривизны излучин, степень разветвленности и ширина.

На более устойчивых перекатах меньше изменяется высота. Формирование перекатов на выбранном участке преобладает в узлах разветвления и слияния рукавов. Участок представляет собой целую цепочку перекатов. Самые протяженные расположены на перевалах главного течения. Побочные располагаются в пределах перекаточных участков у противоположных берегов. Расположение побочной обуславливает извилистость динамической оси меженного потока, которая их огибает. Перекаты представлены в двух структурных формах: перекаты в криволинейном русле и перекаты на изгибе. Для островов характерно обтекание [10].

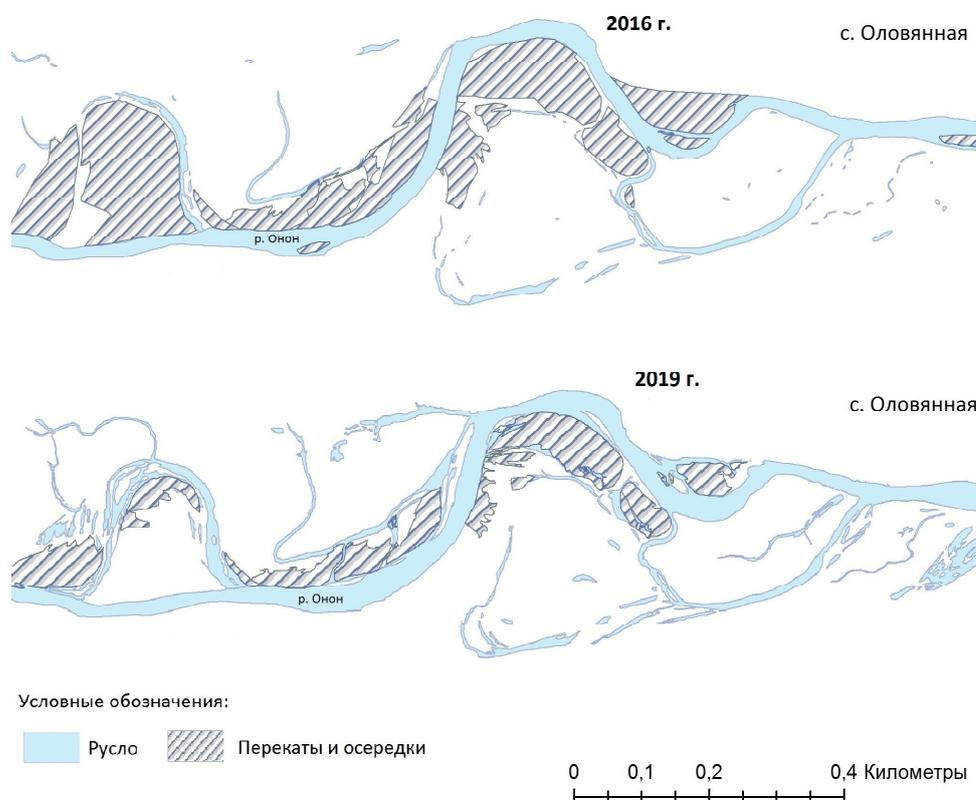

Рис. 1. Изменение главного русла р. Онон в районе пгт. Оловянная во время паводка 2018 г. / Fig. 1. Change of the main bed of the Onon river in the Olovaynaya district during the 2018 flood

Лето 2018 г. было теплым и влажным. Большую часть сезона определили тропосферные циклоны и ложбины. У поверхности земли преобладало поле пониженного давления, в июле происходил выход серии циклонов с юга, в отдельные дни сезона восстанавливалось поле повышенного давления. В июле осадков выпало больше нормы (101...183 мм). В целом гидрологический год характеризовался повышенной водностью.

Наибольшие расходы воды в паводочный период:

- 1) 5 августа 2018 г. – 1580 м³/с;
- 2) 9 и 10 августа 2019 г. – 568 м³/с.

Наибольшая отметка во время паводка (19 августа 1998 г.) не превысила 3360 м³/с.

Наибольшие уровни воды в паводочный период:

- 1) 2018 г. – 360 см;
- 2) 2019 г. – 236 см.

После экстремального паводка произошли значительные русловые деформации. Были замечены определенные тенденции.

Механизм взаимодействия русла с потоком определяет характер и сущность русловых процессов. Разнообразие форм русла обуславливает преимущественно песчаный состав руслообразующих наносов и податливость размыву берегов. Русловые разветвления возникают вследствие образования островов. Русловые разветвления и раздвоенное русло сопровождаются пойменной многорукавностью, что представляет собой расчленение широкой поймы или островных массивов. Так как русло р. Онон извилистое, то для него характерен процесс развития излучин – такой их тип, как свободные излучины. Развитие излучин до определенных пределов сопровождается активизацией русловых деформаций и увеличением скоростей смещения. Искривление излучин сопровождается горизонтальными русловыми деформациями. Замечены излучины развитой и конечной стадий развития. Морфологический тип асимметричный, встречаются петлеобразные (омеговидные) излучины.

За исследуемый период отмечались значительные изменения. На этом участке русловым процессам свойственно свободное и незавершенное меандрирование. Характерна тенденция к завершению полного цикла меандрирования и образованию новых рукавов. Такое меандрирование присуще как крупным водотокам, так и малым по всей рас-

сматриваемой территории. Возникновение типа свободного меандрирования является следствием перегрузки наносов, образовавшейся в результате некомпенсированной эрозии русла реки [12].

Прослеживается частичное и активное зарастание прирусловых отмелей. Осередковые разветвления, необходимые для формирования островных разветвлений, проявляются только в межень. Намыв переката происходит на подъеме половодья, а размыв – на спаде половодья и в межень. В целом в период половодья уклоны на перекате меньше, чем в межень [8].

Активное проявление русловых процессов создает условие для усиленного размыва берега. Особенно это хорошо прослеживается в с. Верхний Цасучей. За период 2017–2019 гг. отмечена негативная направленность русловых процессов. Для этого района характерны потенциально опасные тенденции в развитии русел, обусловленные естественными природными факторами. Район чаще всего подвергается подтоплениям различного масштаба, где происходит интенсивный размыв берега.

Извилистость береговой линии обуславливается особенностями строения рельефа. Распространение песчаного материала в правобережной части русла связано с прогрессирующим развитием песчаных террас, в которые при подмыве поступает большое количество песка. Таким образом, транспорт наносов осуществляется только в период паводков и половодья. Следовательно, при уменьшении расхода воды в межень мутность воды близка к нулю.

Заключение. В ходе исследования выделены участки, наиболее подверженные опасным явлениям, два района – пгт. Оловянная и с. Нижний Цасучей. Подобные работы для р. Онон не проводились.

Составлены карты и проведен пространственный анализ полученной информации. Установлено, что русло реки характеризуется сложным строением. Изменения русла и преобразующие процессы обусловлены естественными природными факторами. В условиях пойменной многорукавности русловые процессы на рассматриваемых участках р. Онон связаны в большей степени с интенсивным развитием русловых форм рельефа, как правило, это – осередки, перекаты, острова.

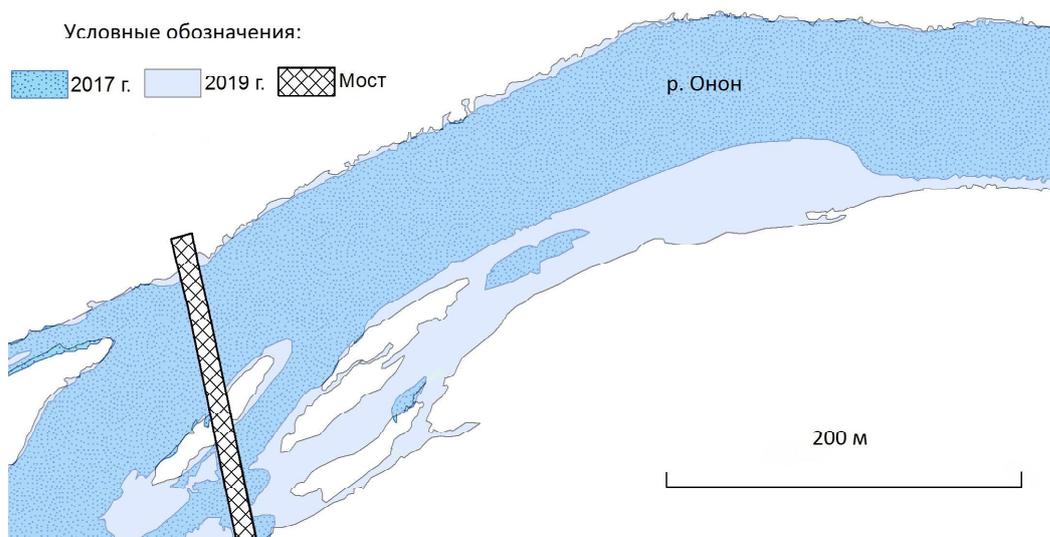

Рис. 2. Изменение главного русла р. Онон в районе с. Верхний Цасучей 2018 г. /
Fig.2. Change in the main bed of the river Onon in the area of Upper Tsasuchey, 2018

По составленным картам отслежена динамика и активность русловых процессов на данных участках в период паводка 2018 г. Многообразие русловых переформирований и макроформ на исследуемой территории можно отнести к трем типам руслового процесса – свободное меандрирование, незавершенное меандрирование и пойменная многорукавность. Активное проявление (за рассматриваемый период) русловых процессов р. Онон, обусловленных паводком, указывает на проблемы, которые могут влиять на безопасное проживание населения.

Отмечен ряд опасных тенденции в развитии русел, что требует необходимого проведения мероприятий по решению водохозяйственных проблем на территории Верхнеамурского бассейна с учетом особенностей динамики водных ресурсов региона, а также условий климата. Первостепенной задачей является проведение мониторинга русловых процессов, наблюдение за их динамикой и в последующем – выделение территорий, подверженных опасным явлениям. Первостепенной задачей является разработка предложений по ограничению негативных воздействий на русло р. Онон.

Список литературы

1. Аношкин А. В. Обзор руслоформирующих факторов территории Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2009. № 11. С. 45–49.
2. Аношкин А. В. Плановые деформации русел рек Среднеамурской низменности: факторы, интенсивность, направленность // Региональные проблемы. 2010. Т. 13, № 1. С. 23–29.
3. Борщенко А. В., Чалов Р. С. Особенности формирования и гидрологоморфологическая характеристика русел рек бассейна Амура // Вестник Московского университета. Серия «География». 2014. № 1. С. 77–84.
4. Ковальчук И. П., Пылыпович О. В., Мыхнович А. В. Геоморфологические исследования бассейновых и речных систем: подходы, результаты, перспективы // Эрозионные и русловые процессы. 2015. Вып. 6. С. 72–97.
5. Махинов А. Н. Негативные тенденции в развитии русловых процессов рек бассейна Амура и их последствия // В сб.: Научные проблемы оздоровления российских рек и пути их решения. Н. Новгород: Изд-во Ин-та водных проблем РАН, 2019. С. 189–195.
6. Махинов А. Н., Завадский А. С., Ким В. И., Чернов А. В., Губарева Е. К. Изменение русла реки Амур после наводнения 2013 года // Известия РГО. 2016. Т. 148, вып. 3. С. 46–61.
7. Махинов А. Н., Ким В. И. Влияние изменений климата на гидрологический режим реки Амур // Тихоокеанская география. 2020. № 1. С. 30–39.

8. Михайлов В. Н., Добролюбов С. А. Гидрология. М.; Берлин: Директ-Медиа. 2017. С. 753.
9. Ресурсы поверхностных вод СССР // Дальний Восток. Вып. 1. Ленинград: Гидрометеиздат, 1966. С. 226.
10. Ржаницын Н. А. Руслоформирующие процессы рек. Л.: Гидрометеиздат, 1985. С. 264.
11. Чалов Р. С. Русловедение: теория, география, практика. Т. 1. Русловые процессы: факторы, механизмы, формы проявления и условия формирования речных русел. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 608.
12. Kirvel I., Kukshinov M., Kirvel P., Volchek A. Channel formation in rivers downstream of water reservoirs // *Limnological Review*. 2020. Т. 18. № 2. С. 47–57.
13. Taukenov T., Dzhanaleeva K., Yerzhanova Z., Methods of improving the efficiency of monitoring of channel deformations of mountain rivers near built-in settlements: on the example of the Buktyrma River // *Geodesy Cartogr*. 2018. № 44. 28–35.

References

1. Anoshkin A. V. *Regionalnye problemy* (Regional problems), 2009, no. 11, pp. 45–49.
2. Anoshkin A. V. *Regionalnye problemy* (Regional problems), 2010, vol. 13, no. 1. pp. 23–29.
3. Borshchenko A. V., Chalov R. S. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Geografiya»* (Bulletin of the Moscow University. Geography series), 2014, no. 1, p. 77–84.
4. Kovalchuk I. P., Pylypovych O. V., Mykhnovych A. V. *Eroziionnye i ruslovyte protsessy* (Erosion and riverbed processes), 2015, vol. 6, pp. 72–97.
5. Makhinov A. N. *Nauchnye problemy ozdorovleniya rossiyskih rek i puti ih resheniya* (Scientific problems of the Russian rivers' improvement and ways to solve them). N. Novgorod: Publishing house of the Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 189–195.
6. Makhinov A. N., Zavadsky A. S., Kim V. I., Chernov A. V., Gubareva E. K. *Izvestiya RGO* (Izvestiya of the RGO), 2016, Vol. 148, issue. 3, pp. 46–61.
7. Makhinov A. N., Kim V. I. *Tihookeanskaya geografiya* (Pacific Geography), 2020, no. 1, pp. 30–39.
8. Mikhaylov V. N., Dobrolyubov S. A. *Gidrologiya* (Hydrology). Moscow; Berlin: Direct-Media, 2017, p. 753.
9. *Dal'ny Vostok. Vyp. 1* (The Far East), 1966, Issue 1. Leningrad: Gidrometeoizdat, p. 226.
10. Rzhantsyn N. A. *Rusloformiruyushchie protsessy rek* (Channel-forming processes of rivers). Leningrad: Gidrometeoizdat, 1985, p. 264.
11. Chalov R. S. *Ruslovedenie: teoriya, geografiya, praktika. T. 1. Ruslovyte processy: faktory, mehanizmy, formy proyavleniya i usloviya formirovaniya rechnyh rusel* (Russian Studies: Theory, Geography, Practice), vol. 1: Channel processes: factors, mechanisms, forms of manifestation and conditions for the formation of river channels. Moscow: Publishing house of LKI, 2008. p. 608.
12. Kirvel I., Kukshinov M., Kirvel P., Volchek A. *Limnological Review* (Limnological Review). 2020, vol. 18, no. 2, pp. 47–57.
13. Taukenov, T., Dzhanaleeva, K., Yerzhanova, Z., 2018. *Geodesy Cartogr* (Geodesy Cartogr). 2018, no. 44, pp. 28–35.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Веселков Георгий Олегович, аспирант, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СОРАН, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гидрология, русловедение, русловые процессы, эрозионные процессы telepinus@mail.ru

Georgiy Veselkov, postgraduate, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: hydrology, channel studies, channel processes, erosion processes

Образец цитирования

Веселков Г. О. Современные деструктивные русловые процессы р. Онон Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 6–12. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-6-12.

Veselkov G. Modern destructive riverbed processes of the river Onon in the Transbaikalian region // Transbaikalian State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 6–12. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-6-12.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020 г.

Статья принята к публикации: 20.11.2020 г.

УДК 902.03+552.313+ 528.7
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-13-23

**ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА И ВЫХОДОВ
МИНЕРАЛЬНОГО СЫРЬЯ ТИТОВСКОЙ СОПКИ (ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ):
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**GEOARCHAEOLOGICAL MAPPING OF STONE AGE SITES AND MINERAL OUTPUTS
OF TITOVSKAYA SOPKA (EASTERN TRANSBAIKALIA): A PRACTICAL ASPECT**

П. В. Мороз,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
frostius.81@mail.ru

P. Moroz,
Transbaikal State University, Chita

К. А. Курганович,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
naptheodor@mail.ru

K. Kurganovich,
Transbaikal State University, Chita

М. А. Босов,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
max_bosov@mail.ru

M. Bosov,
Transbaikal State University, Chita

Г. А. Юргенсон,
Институт природных ресурсов, геологии
и криологии СО РАН, г. Чита
yurgga@mail.ru

G. Yurgenson,
Institute of Natural Resources, Geology
and Cryology SB RAS, Chita

И. И. Разгильдеева,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
labpaleo@yandex.ru

I. Razgildeeva,
Transbaikal State University,
Chita

Д. В. Кочев,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
denis.ko4ev@yandex.ru

D. Kochev,
Transbaikal State University,
Chita

Показана практическая реализация возможностей применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при проведении геоархеологического картирования Сухотинского геоархеологического района. Объектом исследования является Сухотинский геоархеологический район (Восточное Забайкалье), связанный с источником минерального сырья – палеовулканом Титовская сопка. Целью исследования определено создание ортофотоплана и цифровой модели указанной местности.

Задачи исследования: геоархеологическое картирование территории района исследований с применением современных аппаратных и программных методов с использованием алгоритмов реконструкции трехмерной сцены из фотографий, таких как *structure from motion (SfM)*, адаптированной к задачам геоархеологии и картирования вулканитов, а также продуктов их контактового метаморфизма;

– координирование сети наземных опорных точек и маркировка их местоположения способом, позволяющим определить их с фотоснимков, сделанных БПЛА; аэрофотосъемка исследуемой территории с использованием БПЛА;

– реализация алгоритмов фотограмметрической обработки снимков по методу SfM с получением пространственно-ориентированного плотного облака точек местности;

– постобработка плотного облака точек с получением трехмерной модели местности и ортофотоплана высокого пространственного разрешения.

Актуальность работы заключается в практической реализации современных GNSS-технологий с применением беспилотного летательного аппарата для картирования геоархеологических объектов. В качестве методов исследования приняты анализ и дешифрирование снимков высокого разрешения, выполненных с БПЛА, и других цифровых и картографических материалов; обработка и оцифровка изображений. Созданы и проанализированы ортофотоплан и цифровая модель местности. Выявлены участки изменения микрорельефа. Теоретическое и практическое значение исследования заключается в создании ортофотоплана и цифровой модели местности Сухотинского геоархеологического района с применением современных аппаратных средств и БПЛА, которые представляют собой цифровое геоархеологическое картирование археологических памятников и включают все гипсометрические уровни и выходы минерального сырья на площади 2,4 км²

Ключевые слова: Забайкалье; Титовская сопка; памятники археологии; геоархеологическое картирование; ортофотоплан; цифровая модель; беспилотный летательный аппарат; горная порода; ороговикованный вулканит; палеолит

The practical implementation of the possibilities of using unmanned aerial vehicles (UAVs) in carrying out geoarchaeological mapping of the Sukhotinsky geoarchaeological region is shown. The object of the study is the Sukhotinsky geoarchaeological region (Eastern Transbaikalia), associated with the source of mineral raw materials - the Titovskaya Sopka paleovolcano. The aim of the study is to create orthophotomap and digital terrain model specified. The objectives of the study included geoarchaeological mapping of the territory of the study area using modern hardware and software methods using algorithms for reconstructing a three-dimensional scene from photographs, such as structure from motion (SfM), adapted to the tasks of geoarchaeology and mapping of volcanics, as well as the products of their contact metamorphism; coordination of ground control points' network and marking of their location in a way that allows them to be identified from photographs taken by UAVs; realization of aerial photography of the area under consideration, using UAVs; implementation of algorithms for photogrammetric processing of images using the SfM method with obtaining a spatially-oriented dense cloud of terrain points; post-processing of a dense cloud of points with obtaining a three-dimensional terrain model and a high spatial resolution orthophotomap.

The relevance of the work lies in the practical implementation of modern GNSS technologies using an unmanned aerial vehicle for mapping geoarchaeological objects. Analysis and interpretation of high-resolution images taken from UAVs and other digital and cartographic materials, processing and digitization of images were taken as research methods. An orthophotomap and a digital terrain model were created and analyzed. Areas of microrelief change were revealed. The theoretical and practical significance of the study consists in creating an orthophotomap and a digital terrain model of the Sukhotinsky geoarchaeological region using modern hardware and a UAV, representing a digital geoarchaeological mapping of archaeological sites, including all hypsometric levels and outcrops of mineral raw materials on an area of 2,4 km²

Key words: Transbaikalia, Titovskaya Sopka, archaeological sites, geoarchaeological mapping, orthophotomap, digital model, unmanned aerial vehicle, rock, hornfels volcanic, Paleolithic Age

Введение. В современной археологической науке наблюдается существенный рост интереса к проблемам взаимосвязи облика каменных индустрий и характеристик минерального сырья, а также к изучению районов его распространения. Одним из первых, кто высказал идеи о необходимости

совместной работы археологов и геологов в России, был известный минеролог А. Е. Ферсман. Однако его предложение не получило широкого отклика среди археологов, за исключением Г. А. Бонч-Осмоловского (1932). В отечественной археологии разработка «сырьевой» проблематики в середине и конце

XX в., как правило, сводилась к визуальным определениям ограниченной выборки предметов из коллекции. В то же время даже отдельные исследования, проводившиеся на территории Европейской части России, показали плодотворность сравнительного анализа минералого-петрографического состава орудий и конкретных источников сырья.

В Забайкалье таким источником качественного минерального сырья с глубокой древности является палеовулкан Титовская сопка, расположенный в современных границах г. Читы. На склонах сопки выявлены порядка двух десятков памятников археологии, в основном каменного века, некоторые из них известны уже около ста лет [1; 3; 4]. Периодичность изучения археологических объектов породила ряд проблем. Наиболее сложной из них является отсутствие точных геодезических привязок раскопов, возможно, за исключением многослойного поселения Сухотино-4. За вековую историю изучения объектов Сухотинского георхеологического района так и не была создана единая георхеологическая карта, фиксирующая координаты древних местонахождений. Обусловленные этой ситуацией проблемы ярко проявились как в работах археологов XX в., так и в современных компилятивных трудах [5].

Еще одним аспектом изучения археологических памятников района Титовской сопки стал анализ минерального сырья, также не нашедший отражения в исследованиях XX в. В Забайкалье научные проекты, связанные с сырьевой составляющей каменных индустрий, проводятся с 2005 г., а для объектов Титовской сопки – с 2015 г.

Сухотинский георхеологический район расположен в пределах Титовской сопки, представляющей собой вулканическую постройку триасового возраста. В результате полученные при георхеологическом картировании данные позволяют выявить пространственное распространение памятников, основанных на роговиках и ороговикованных вулканитах – местном минеральном сырье высокого качества. При этом вероятность поиска древних мастерских с помощью летательного аппарата весьма велика, поскольку процесс ороговикования вулкаников связан с воздействием на них фрагментов гранитоидов Молоковской интрузии, отличающихся по цвету от вмещающих их вулкаников среднего состава.

Актуальность исследования заключена в практической реализации возможностей применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при проведении георхеологического картирования Сухотинского георхеологического района. Выполнение подобных работ актуально и в практической реализации современных GNSS (*Global Navigation Satellite System*) технологий с применением беспилотного летательного аппарата для картирования георхеологических объектов. Изучение состава и свойств сырья, использованного для производства артефактов, в сочетании с детальным картированием с применением современных геодезических технологий позволяет на новом уровне подойти к решению вопросов о взаимодействии человека с минеральным сырьем в Забайкалье, выводит на более точный уровень поиска новых памятников в рамках конкретного георхеологического района. *Разработанность темы* исследования для Забайкалья находится на крайне низком уровне, а публикации полностью отсутствуют. В то же время для современной георхеологии данная тематика активно разрабатывается и находится в исследовательском тренде [2; 6; 7; 8]. В работах освещается практическое использование современных GNSS-технологий с применением беспилотного летательного аппарата для картирования георхеологических объектов.

Объектом исследования является Сухотинский георхеологический район, связанный с источником минерального сырья, палеовулканом Титовская сопка; *предметом* – георхеологическое картирование с применением современных аппаратных и программных методов. *Цель* – создание ортофотоплана и цифровой модели местности Сухотинского георхеологического района. *Задачи исследования*: 1) проведение полевого этапа с привязкой устройств глобальных навигационных систем GNSS (*Global Navigation Satellite System*); 2) координирование сети наземных опорных точек; 3) аэрофотосъемка исследуемой территории с использованием БПЛА; 4) постобработка плотного облака точек с получением трехмерной модели местности и ортофотоплана. *Способом аргументации* в работе является ссылка на источники, описывающие применение алгоритмов реконструкции трехмерной сцены из фотографий как в теории, так и на практике. *Методология* состоит в использовании алго-

ритмов реконструкции трехмерной сцены из фотографий, таких как *structure from motion (SfM)*, адаптированной к задачам геоархеологии и картирования вулканитов, а также продуктов их контактового метаморфизма. Методология исследования представляет собой сочетание различных частнонаучных методов из области геодезии, геологии, археологии и петроархеологии. Таким образом, сочетание разноплановых работ (полевых наземных, аэрофотографических, камеральных) с целью контроля и совершенствования используемых методов, находящихся на стыке геологических, инженерных и археологических методов, позволили создать цифровую модель Сухотинского геоархеологического района.

Методы исследования. Метод *Structure from Motion (SfM)* применяется для фотограмметрической обработки цифровых изображений с целью генерирования трехмерных моделей любых поверхностей [7; 9]. Использование SfM в задачах геоархеологии позволяет получать топографические карты, ортофотопланы, цифровые модели рельефа, трехмерные модели ландшафтов, археологических раскопок, сооружений, объемные модели внутренних поверхностей пещер и большое количество других объектов, которые сложно измерить стандартными геометрическими методами.

Создание трехмерных моделей с использованием метода SfM включает в себя три основных этапа [9]:

1. Получение набора цифровых изображений интересующего объекта, сделанных с разных ракурсов съемки.

2. Фотограмметрическая обработка изображений и получение трехмерной модели объекта.

3. Пространственная привязка модели с использованием наземных точек.

Первый этап в зависимости от пространственных размеров исследуемого объекта и результирующего разрешения модели рельефа может включать получение серии из сотен и даже тысяч цифровых фотоснимков. В процессе съемки соблюдается условие обеспечения взаимного перекрытия изображений на уровне не менее 30 %. При этом каждую моделируемую точку необходимо представить не менее чем с трех разных ракурсов на трех разных фотоснимках (рис. 1). В целях построения трехмерных моделей с наилучшим качеством необходимо избегать поверхности с высокой отражающей способностью, например, прозрачные водные объекты или нестабильные, динамически изменяющиеся структуры, такие как кроны деревьев, кустарники.

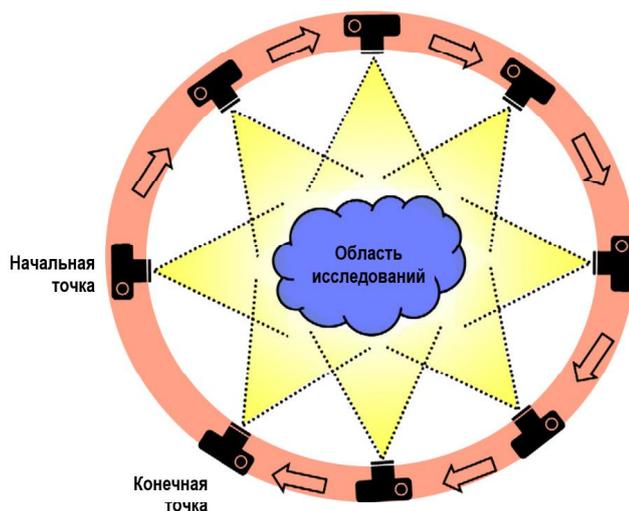

Рис. 1. Схема съемки трехмерного объекта для дальнейшей фотограмметрической обработки [9] / Fig. 1. The scheme of shooting a three-dimensional object for further photogrammetric processing according [9]

После того как получена серия цифровых снимков, производится их фотограмметрическая обработка с использованием *Agisoft Photoscan* (<http://www.agisoft.ru>); применением алгоритма масштабно-инвариантной трансформации признаков (SIFT) для выявления схожих деталей и взаимного сопоставления пространственного положения объектов на снимках (рис. 2). Схожие признаки используются для получения базовых объ-

емных форм объектов (разрезанного облака точек) и пространственного каркаса построения результирующей трехмерной композиции. Для существенной детализации модели применяется алгоритм patch-based multi-view stereo (PMVS) [10], который генерирует плотное облако точек за счет декомпозиции изображений по кластерам с установленным уровнем пространственного разрешения.

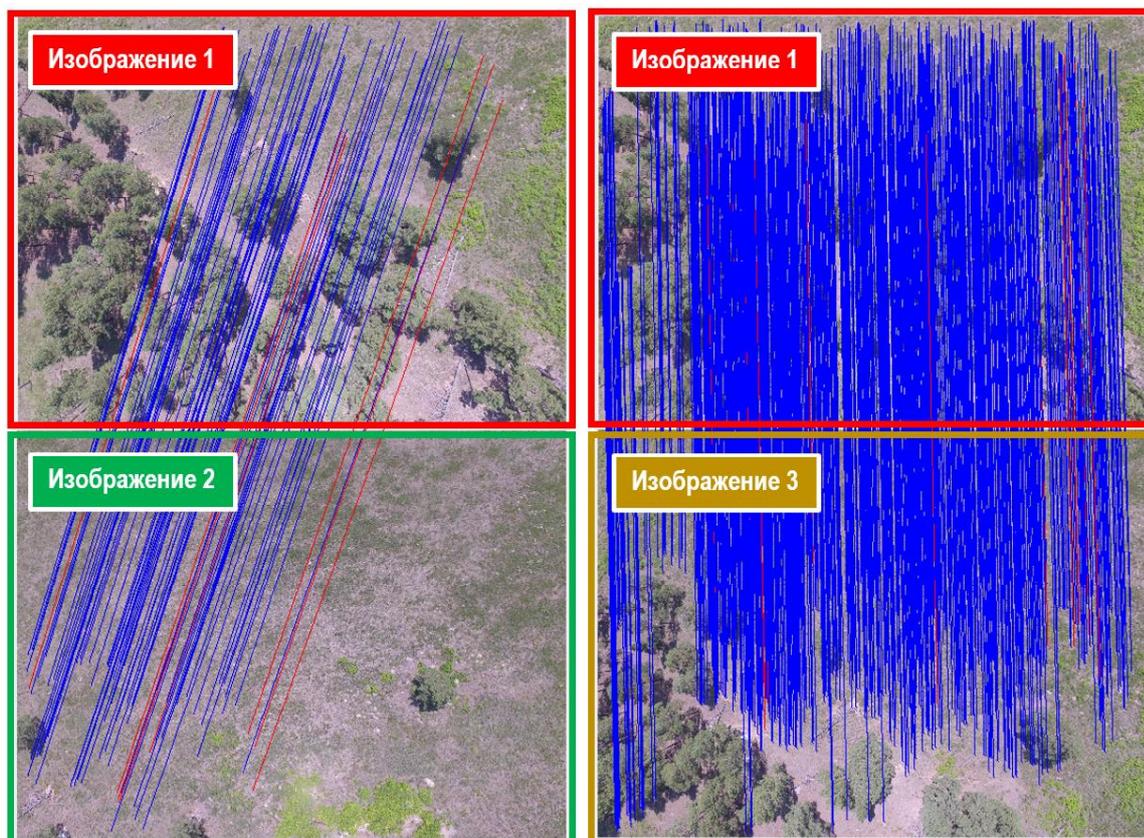

Рис. 2. Пример поиска попарно соответствующих пикселей на изображениях Сухотинского геоархеологического района по методу Structure from Motion в *Agisoft Photoscan* (синим обозначены корректные связи; красным – некорректные, слева – 54 соответствия, справа – 3256 соответствий) /

Fig. 2. An example of searching for matching pixels in pairs in the images of the Sukhotinsky geoarchaeological region using the Structure from Motion method in *Agisoft Photoscan* (blue denotes correct links, red denotes incorrect ones, left - 54 matches, right - 3256 matches)

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве технического оснащения для получения серии фотоснимков используются цифровые фотокамеры, установленные на беспилотных летательных аппаратах (БПЛА). Сочетание изображений, полученных с БПЛА и алгоритмом SfM, успешно применяется при проведении археологических исследований.

Трехмерная реконструкция объектов помогает при документировании археологических раскопок, позволяя с высокой точностью оценивать изменения пространственных границ исследуемых объектов [6; 8; 10].

В работе использован БПЛА DJI Phantom 3, укомплектованный цифровой фотокамерой Sony EXMOR FC300S с разреше-

нием 12 мегапикселей. Программирование траекторий движения летательного аппарата и мест съемки осуществлялось с применением Pix4D Capture и Ctrl+DJI для полного покрытия изучаемой местности. Во время съемки автоматически фиксировалось положение летательного аппарата и записывалось в *exif-тег* цифрового изображения с использованием бортового устройства GPS.

Для получения серии цифровых изображений проведено четыре запуска БПЛА в Сухотинском георхеологическом районе. Общая площадь съемки составила 2,4 км², получено 525 снимков территории. Фотограмметрическая обработка и построение базового каркаса модели на этапе построения разреженного облака точек подразумевает проведение тестирования качества исходных данных. Проводилась проверка

достаточности перекрытия снимков, пересекающихся на исследуемой территории. Считались недостоверными и исключались из анализа сегменты базовой модели, образованные наложением менее трех снимков, а также размытые фотоснимки и не покрывающие изучаемую территорию. Для фильтрации шумов, связанных с древесно-кустарниковой растительностью, при построении цифровой модели рельефа осуществлялась классификация плотного облака точек. Точки относились к поверхности земли исходя из предположения не превышения угла наклона в 20° на расстоянии 1 м в пределах площадки 50×50 м. Все не удовлетворяющие данному условию точки отфильтровывались как шумы (рис. 3). Сведения о геометрических параметрах модели представлены в табл. 1.

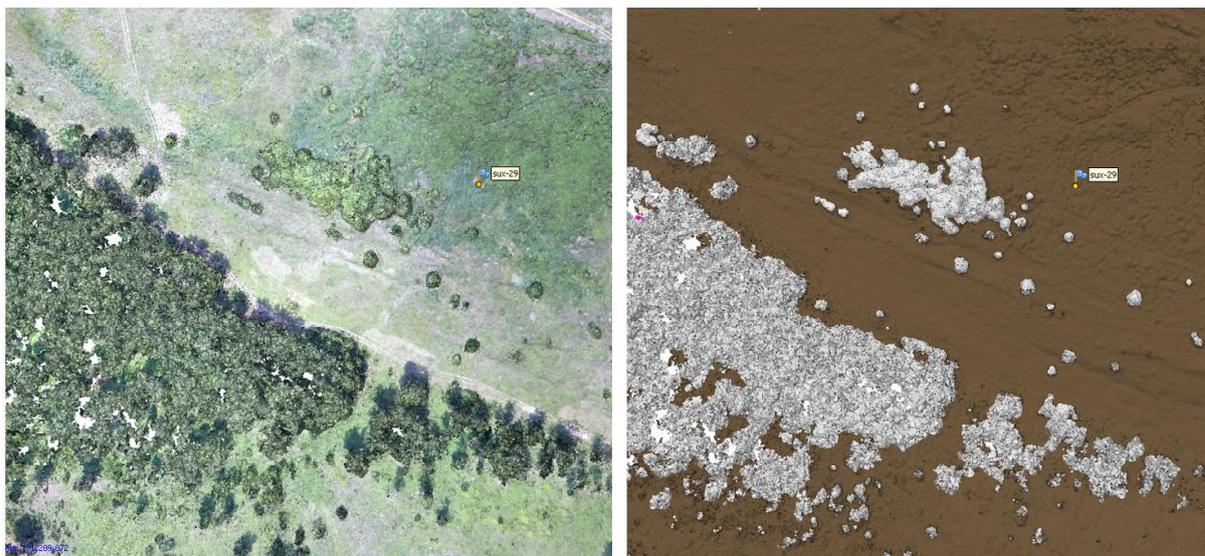

Рис. 3. Фильтрация шумов, связанных с древесно-кустарниковой растительностью при построении модели рельефа (слева – плотное облако точек без классификации; справа – результат классификации) / Fig. 3. Filtering noise associated with tree and shrub vegetation when building a terrain model (on the left – a dense point cloud without classification, on the right – the result of classification)

Таблица 1 / Table 1

Геометрические параметры модели / Geometric parameters of the model

Место проведения исследований / Research location	Количество снимков / Number of shots	Разреженное облако точек, млн / Sparse point cloud, mln	Плотное облако точек, млн / Dense point cloud, mln	Пространственное разрешение растра ортофотоплана, м / Orthomosaic raster spatial resolution, m	Пространственное разрешение растра ЦМР, м / Spatial resolution of the DEM raster, m
Сухотинский георхеологический район / Sukhotinsky geoarchaeological region	525	0,38	131,3	0,057	0,116

Использование метода SfM позволяет проводить реконструкцию любых статичных трехмерных поверхностей. Однако при решении задач моделирования объектов, расположенных на поверхности Земли, большую роль играет пространственно-координатная привязка реконструируемой сцены. Для этих целей выполнены полевые топографо-геодезические работы с использованием GNSS комплекта Trimble R8s+R10 и постобработкой на *Trimble Business Center*. На территории Сухотинского геоархеологического райо-

на заложены наземные контрольные точки в виде квадратов размером $0,5 \times 0,5$ м, жестко закрепленные на поверхности Земли. На результирующих снимках размеры каждого квадрата составляли не менее 10×10 пикселей (рис. 4). Всего в пределах района размещено 29 контрольных точек, их координаты и высотные отметки послужили базой для построения цифровой модели рельефа и ортофотоплана местности в результате операции текстурирования и привязки к системе координат (рис. 5).

Рис. 4. Наземные метки контрольных точек (слева – вид с земли; справа – вид с высоты 150 м) /
Fig. 4. Ground control points (left – view from the ground, right – view from a height of 150 m)

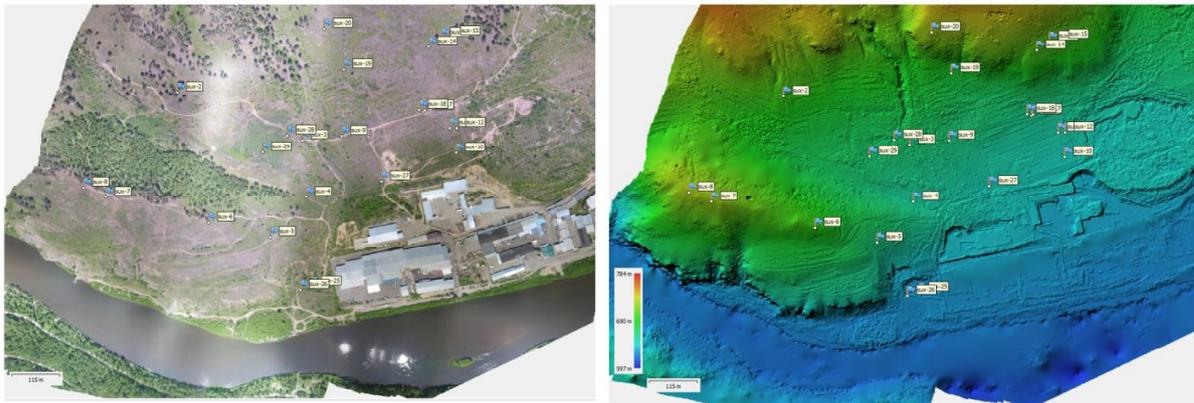

Рис. 5. Фрагмент ортофотоплана и цифровой модели местности Сухотинского геоархеологического района / Fig. 5. Fragment of the orthophotomap and digital terrain model of the Sukhotinsky geoarchaeological region

Оценка точности построения модели выполнена путем кросс-валидации, сопоставления имеющихся данных топографо-геодезической съемки с использованием GNSS (эталонный вариант) и данных, полученных в результате реконструкции рельефа по методу SfM (оцениваемый вариант).

В качестве оценочной метрики выбрана величина среднеквадратичной ошибки моделирования m , определенная по формуле

$$m = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (Z_{i,M} - Z_{i,G})^2}{n}},$$

где $Z_{i,M}$ – отметка поверхности в контрольной точке, определенная по результатам моделирования по методу SfM (оцениваемый вариант);

$Z_{i,G}$ – отметка поверхности в контрольной точке, определенная по результатам топографо-геодезической съемки с использованием GNSS (эталонный вариант);

n – количество наземных контрольных точек.

Таблица 2 / Table 2

Параметры оценивания точности модели / Parameters for estimating model accuracy

Место проведения исследований / Research location	Площадь съемки, км ² / Survey area, km ²	Количество опорных точек для привязки / Anchor points for snapping	Среднеквадратическая ошибка определения высотных отметок по модели (m), м / Root-mean-square error of determination of heights according to the model (m), m	Минимальная ошибка определения высотных отметок, м / Minimum error in determining heights, m	Максимальная ошибка определения высотных отметок, м / Maximum error in determining heights, m
Сухотинский геоархеологический район / Sukhotinsky geoarchaeological region	1,34	29	0,076	0,011	0,154

Таким образом, выявленная новизна исследования связана с пилотным применением БПЛА и алгоритмов реконструкции трехмерной сцены из фотографий, таких как *structure from motion* (SfM), адаптированных для нужд геоархеологического картирования.

Заключение. В ходе полевых и камеральных работ в пределах Сухотинского геоархеологического района в 2020 г. выполнен цикл полевых и камеральных работ с целью создания ортофотоплана и цифровой модели местности указанного района.

На полевом этапе исследований использован комплекс геодезического оборудования, включающий GNSS комплект Trimble R8s+R10 и БПЛА DJI Phantom 3, оснащенный камерой Sony EXMOR FC300S. Для работы БПЛА применены специализированные программные продукты, такие как Pix4D Capture и Ctrl+DJI. Для генерирования цифровой модели рельефа и ортофотопланов из аэрофотоснимков применялось программное обеспечение *Agisoft Photoscan*.

Итоговая цифровая модель создана для площади 2,4 км² (четыре прохода по 0,6 км²) из 525 валидных фотографий, выполненных под углом 90° с БПЛА. Она включила большинство археологических памятников Сухотинского геоархеологического района, а также выходы ороговикованных вулканитов основного вида минерального сырья Титовской

сопки, связанных с сухотинской мастерской каменного века. Создание единой пространственной цифровой модели, объединившей все археологические объекты на указанной площади, имеет существенное значение для дальнейшего комплексного изучения памятников района, что в полной мере определяет новизну исследования.

Другим важнейшим практическим следствием выполненного проекта является установление гипсометрических уровней с точными геодезическими привязками открытых ранее археологических объектов, что позволит проводить поиск новых памятников каменного века с опорой на понимание расположения выявленных и зафиксированных гипсометрических уровней, в том числе и микрорельефа местности.

Список литературы

1. Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН. Вып. 19. СПб., 2018. С. 13–19.
2. Гоглев Д. А. Маловысотная аэромагнитная съемка с применением беспилотных воздушных систем на базе квадрокоптера в археологии // Геопрофи. 2018. № 6. С. 20–22.
3. Истомин Ю. О. Мастерская Сухотино (Сухотино 12): новые данные по материалам 2019 года // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных с международным участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 60–62.
4. Марков Н. А. История археологического изучения памятников Титовской сопки (Восточное Забайкалье) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных с международным участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 59–60.
5. Филатов Е. А. Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 с.
6. Fei P., Sam C. L., Jialong G., Huimin W., Xing G. The Application of SfM Photogrammetry Software for Extracting Artifact Provenience from Palaeolithic Excavation Surfaces. Текст: электронный // Journal of Field Archaeology. 2017. Vol. 42:4, P. 326–336. URL: <https://doi.org/10.1080/00934690.2017.1338118> (дата обращения: 13.10.2020).
7. Jones C. A., Church E. Photogrammetry is for everyone: Structure-from-motion software user experiences in archaeology. Текст: электронный // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 30. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102261> (дата обращения: 13.10.2020).
8. Nikolakopoulos K. G., Soura K., Koukouvelas I. K., Argyropoulos N. G. UAV vs classical aerial photogrammetry for archaeological studies // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 14. P. 758–773.
9. Westoby M. J., Brasington J., Glasser N. F., Hambrey M. J., Reynolds J. M. 'Structure-from-Motion' photogrammetry: A low-cost, effective tool for geoscience applications // Geomorphology. 2012. Iss. 179. P. 300–314.
10. Willis M., Koenig C., Black S., Castaneda A. Archeological 3D Mapping: The Structure from Motion Revolution. Текст: электронный // Journal of Texas Archeology and History. 2016. Vol. 3. P. 1–36. URL: <https://doi.org/10.21112/ita.2016.1.110> (дата обращения: 13.10.2020).

References

1. Astakhov S. N. *Zapiski IIMK RAN* (Proceedings of the IIMK RAS), 2018, SPb., vol. 19, pp. 13–19.
2. Goglev D. A. *Geoprofi* (Geoprofi), 2018, no. 6, pp. 20–22.
3. Istomin Yu. O. *Materialy LX Rossiyskoy arheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodyh uchyonyh s mezhdunarodnym uchastiem Geoprofi* (Materials of the LX Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists with international participation). Irkutsk: Izd-vo ISU, 2020, pp. 60–62.
4. Markov N. A. *Materialy LX Rossiyskoy arheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodyh uchyonyh s mezhdunarodnym uchastiem* (Materials of the LX Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists with international participation). Irkutsk: Izd-vo ISU, 2020. Pp. 59–60.
5. Filatov E. A. *Suhotinskii geoarheologicheskii kompleks: nauchnyi putevoditel po paleoliticheskim pamyatnikam Sukhotinskogo geoarheologicheskogo kompleksa* (Sukhotinsky geoarheological complex: scientific guide to the Paleolithic monuments of the Sukhotinsky geoarheological complex). Chita: ZabSU, 2016, 44 p.
6. Fei P., Sam C. L., Jialong G., Huimin W., Xing G. *Journal of Field Archaeology* (Journal of Field Archaeology), 2017, vol. 42:4, pp. 326–336. Available at: <https://doi.org/10.1080/00934690.2017.1338118> (date accessed: 13.10.2020). Text: electronic.
7. Jones C. A., Church E. *Journal of Archaeological Science: Reports* (Journal of Archaeological Science: Reports), 2020, vol. 30, pp. 1–10. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102261> (date accessed: 13.10.2020). Text: electronic.
8. Nikolakopoulos K. G., Soura K., Koukouvelas I. K., Argyropoulos N. G. *Journal of Archaeological Science: Reports* (Journal of Archaeological Science: Reports), 2017, vol. 14, pp. 758–773.
9. Westoby M. J., Brasington J., Glasser N. F., Hambrey M. J., Reynolds J. M. *Geomorphology* (Geomorphology), 2012, Iss. 179, pp. 300–314.
10. Willis M., Koenig C., Black S. Castaneda A. *Journal of Texas Archeology and History* (Journal of Texas Archeology and History), 2016, vol. 3, pp. 1–36. Available at: <https://doi.org/10.21112/ita.2016.1.110> (date accessed: 13.10.2020). Text: electronic.

*Работа выполнена при поддержке гранта ЗабГУ № 292 – ГР /
This work was supported by a grant from TransbSU No. 292 – ГР.*

Коротко об авторах

Мороз Павел Валерьевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: археология каменного века, петроархеология, трасология, экспериментальная археология
frostius.81@mail.ru

Курганович Константин Анатольевич, канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой водного хозяйства, экологической и промышленной безопасности, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: моделирование гидрологических процессов, дистанционное зондирование Земли
nartheodor@mail.ru

Босов Максим Анатольевич, канд. техн. наук, доцент кафедры водного хозяйства, экологической и промышленной безопасности, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гидротехнические сооружения, моделирование гидрологических процессов
max_bosov@mail.ru

Юргенсон Георгий Александрович, д-р. геол.-минер. наук, зав. лабораторией геохимии и рудогенеза, Институт природных ресурсов, геологии и криологии СО РАН; заслуженный деятель науки РФ, г. Чита, Россия. Область научных интересов: минералогия, геохимия, рудогенез, геммология
yurgga@mail.ru

Разгильдеева Ирина Иннокентьевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: палеолит Восточной Сибири, методология исследований пространственной организации древних поселений, планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита
labpaleo@yandex.ru

Кочев Денис Владимирович, заведующий лабораториями кафедры водного хозяйства, экологической и промышленной безопасности, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: беспилотные летательные аппараты, дистанционное зондирование Земли, машинное обучение, нейронные сети
frostius.81@mail.ru

Briefly about the authors

Pavel Moroz, candidate of historical sciences, associate professor, assistant professor, History department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: archeology of the Stone Age, petroarcheology, functional analysis, experimental archeology

Konstantin Kurganovich, candidate of technical sciences, associate professor, head of the Water Management and Engineering Ecology department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: modeling of hydrological processes, remote sensing of the environment

Maksim Bosov, candidate of technical sciences, associate professor, Water Management and Engineering Ecology department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: hydraulic structures, modeling of hydrological processes

Georgy Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, head of the Geochemistry and Ore Genesis Laboratory, Institute of Natural Resources, Geology and Cryology SB RAS; Honored Scientist of the Russian Federation, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: mineralogy, geochemistry, ore genesis, gemology

Irina Razgildeeva, candidate of historical sciences, associate professor, assistant professor, History department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: Paleolithic of Eastern Siberia, methodology of studies of the spatial organization of ancient settlements, planigraphic analysis of housing and economic complexes of the Upper Paleolithic.

Denis Kochev, head of the laboratory, Water Management and Engineering Ecology department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: unmanned aerial vehicles, remote sensing of the environment, machine learning, neural networks

Образец цитирования

Мороз П. В., Курганович К. А., Босов М. А., Юргенсон Г. А., Разгильдеева И. И., Кочев Д. В. Геоархеологическое картирование памятников каменного века и выходов минерального сырья Титовской сопки (Восточное Забайкалье): практический аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 13–23. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-13-23.

Moroz P., Kurganovich K., Bosov M., Yurgenson G., Razgildeeva I., Kochev D. Geoarchaeological mapping of Stone Age sites and mineral outputs of Titovskaya Sopka (Eastern Transbaikalia): a practical aspect // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 13–23. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-13-23.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 24.11.2020 г.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF A SOCIAL SECURITY PHILOSOPHY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND THE SOVIET UNION

С. В. Кононов, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск
kononov7744@yandex.ru

S. Kononov, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K.Rokossovsky

Статья посвящена анализу становления социальной безопасности на территории российского государства, где, как показывает автор, уже с начала XIX в. озвучивались идеи о необходимости обеспечения достойного уровня жизни как личности, так и общества в целом. Цель исследования – проследить, как менялось во времени понимание социальной безопасности в российской науке.

В ходе исследования применен метод феноменологического и сравнительного анализа, с помощью которого проводилось исследование отечественных концепций безопасности.

Первой задачей, которую ставит перед собой автор, является рассмотрение научной дискуссии о безопасном развитии в среде дореволюционных авторов, результатом которой явилось создание идеи об особой роли российского государства в обеспечении безопасности общества. Второй задачей стало рассмотрение концепции безопасности советского периода, сконцентрированной вокруг понятия о государственной системе обеспечения вооруженной защиты против внешних врагов. Как показывает автор, особенностью этой концепции и был отказ от учета влияния социальных экономических и духовных факторов безопасности. Третья задача – анализ постсоветской концепции безопасности, в рамках которой переосмыслены взаимоотношения между обществом и государством, прекратившим неограниченно вмешиваться в социальную и личную сферы жизнедеятельности, и произошел отказ от упрощенного понимания проблемы обеспечения безопасности, долгое время рассматривавшейся только как противодействие внешним угрозам

Ключевые слова: социальная безопасность; концепции безопасности; дореволюционная концепция безопасности; советская концепция безопасности; постсоветская концепция безопасности; государственная безопасность; национальная безопасность; дореволюционная Россия; Советский Союз; предпосылки становления

The article is devoted to the analysis of the formation of the social security philosophy on the territory of the Russian state, where, as the authors show, the ideas about the need to ensure a decent level of existence for the individual and society have already been known since the beginning of the XIX century. The aim of the article is to trace how the understanding of security has changed in Russian science. The article uses the method of phenomenological and comparative analysis, with the help of which the study of domestic security concepts was carried out.

The first task posed by the authors is to consider the discussion about safe development among pre-revolutionary authors, the result of which was the formation of an idea about the special role of the Russian state in ensuring the security of society. The second task is to consider the Soviet concept of security, centered round the concept of a state system for providing armed protection against external enemies. As the authors have shown, this concept was characterized by the refusal to take into account the influence of social, economic and spiritual factors of security. The third task was to analyze the post-Soviet concept of security, within which the relationship between society and the state was rethought, which ceased to interfere indefinitely in the social and personal spheres of life and rejected a simplified understanding of the problem of ensuring security, which for a long time was considered only as counteraction to external threats

Key words: social security, security concepts, pre-revolutionary security concept, Soviet security concept, post-Soviet security concept, state security, national security, ensuring a decent standard of living, strategic management, crystallization of the concept of social security, pre-revolutionary Russia, Soviet Union, prerequisites for formation

Введение. Современные вызовы безопасности российского общества, под которой традиционно принято понимать состояние и характеристику устойчивого уровня развития, воспроизводства и функционирования социальных систем посредством системы мер, которые осуществляются государством, а также обществом, требующим совершенствования политики, нацеленной на организацию его защиты в условиях развития глобализации, требуют совершенствования политики, нацеленной на организацию его защиты в условиях развития глобализации [3; 8]. Этот процесс нашел отражение в целом ряде федеральных документов, регламентирующих нормативно-правовые аспекты системы обеспечения безопасности страны, включающие различные, в первую очередь государственные аспекты безопасности. Однако, несмотря на попытки законодательного урегулирования, нерешенность проблематики безопасности продолжает оказывать самое существенное влияние на состояние России, что отражается в сфере стратегического управления ее обороной и жизнедеятельностью. Поэтому, на наш взгляд, необходимой является попытка научного переосмысления принципов функционирования системы безопасности, нацеленная на обобщение и систематизацию знаний о безопасности современного российского общества. При этом важно определить философско-теоретическую составляющую, находящуюся в основе функционирования современной системы безопасности России. Важно, на наш взгляд, проследить, как в России воспринимались научные идеи мирового уровня, касающиеся важнейших онтологических, гносеологических и социальных проблем бытия человека в концепциях безопасности и философских попытках рефлексии взаимодействия человека, общества и государства.

Степень исследованности темы. Вопросы безопасности поднимались в российской науке А. Н. Радищевым, П. И. Пестелем, П. Я. Чаадаевым, В. Г. Белинским, А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, И. А. Ильиным, П. И. Новгородцевым, Е. Н. Трубец-

ким, П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским, Н. И. Кареевым, Б. А. Кистяковским, Л. И. Петражицким, В. М. Хвостовым, А. С. Лаппо-Данилевским, В. О. Ключевским, Л. А. Тихомировым, В. М. Грибовским, Н. А. Заозерским, А. Д. Градовским. В советский период исследования проблем безопасности проводились В. И. Лениным, И. В. Сталиным, А. А. Ждановым, С. С. Кировым, И. Сидоровым, Б. В. Поршневым, С. В. Юшковым, Л. Григоряном, М. Карпушиным, Ю. Долгополовым, Н. И. Бубновым, П. И. Романовым, Е. И. Борисоглебским, Л. С. Мамутом. Современные проблемы безопасности проанализированы С. Васильевым, Ю. В. Рыжовым, Р. К. Лавриненко, Л. Шершневым, С. М. Роговым, В. С. Пирумовым, А. Н. Богдановым, С. Панариным.

Целью статьи является стремление проследить, как менялось понимание социальной безопасности в российской науке. Применен метод феноменологического и сравнительного анализа, с помощью которого проводилось исследование отечественных концепций безопасности.

Новаторский характер статьи определяется стремлением провести анализ трансформаций представлений о безопасности и показать постепенную кристаллизацию концепции социальной безопасности, представляющей наиболее ценностные и обобщенные основания данного социального явления.

Результаты исследования. Авторам отечественных концепций безопасности рубежа XVIII–XIX вв. были известны западные философские идеи о необходимости обеспечения свободы и безопасности личности и прав наций на самоопределение, однако рецепция этих идей осуществлялась с учетом российских реалий. При этом в процессе развития представлений о безопасности менялось понимание и трактовка этого термина. Основой развития представлений о безопасности в России XIX в. была дискуссия между западниками, предлагавшими демократический путь развития, в соответствии с которым признавалось, что социально-государственное взаимодействие должно учитывать необходимость защиты интересов личности

и общественных групп, и славянофилами, которые ассоциировали безопасность с функционированием системы взаимодействия личности, общества и государства. Все звенья подчинялись государственному влиянию, а государство выступало в качестве субъекта, обеспечивающего защиту на всех уровнях общества. Концептуальное осмысление проблемы безопасности в советский период было сконцентрировано вокруг понятия о государственной безопасности, которая понималась как состояние защищенности от внешних военных угроз и подразумевала организацию комплекса мер, основанных на применении политики вооруженной защиты. В последующее время представления о безопасности в рамках взаимодействия государства и общества были коренным образом переосмыслены, так как государство, перестав быть единственным собственником на территории страны, перестало неограниченно вмешиваться в социальную и личную сферы жизнедеятельности. В результате чего стратегии обеспечения безопасности меняются, происходит обращение к идеям социальной безопасности и отказ от упрощенного понимания безопасности в советский период, где она рассматривалась только как противодействие внешним угрозам, что является проявлением изоляционизма, который разделяет, а поэтому ослабляет государство и общество, и в свою очередь становится источником угрозы, подрывающей всю систему безопасности.

Обсуждение результатов исследования. Необходимо учитывать, что рецепция определенных идей в этой сфере всегда имела место, однако переосмысление философской методологии Запада в России отличалось своеобразием. Западные философские идеи о необходимости обеспечения свободы и безопасности личности и права наций на самоопределение были известны авторам отечественных концепций безопасности с конца XVIII – начала XIX в. Однако рецепция этих идей не представляла автоматическое их воспроизведение, а осуществлялась с учетом российских реалий [11].

В целом проблематика безопасности государства и личности начала осознаваться в рамках российской общественной мысли, когда среди русских философов стало проявляться стремление осмыслить вопросы обеспечения защиты государственных и

общественных интересов. При этом часть мыслителей рассматривала аспект социально-государственного взаимодействия, в рамках которого существует необходимость защиты интересов личности и общественных групп [12; 24].

Так, одним из первых А. Н. Радищев обратил внимание на то, что угрозой безопасности жизни россиян являются несправедливости российской действительности. Размышления по поводу данной проблемы можно обнаружить у П. И. Пестеля, который провозгласил необходимость разработки системы общественной безопасности, имеющей приоритетное значение по сравнению с безопасностью личности, так как безопасность целого определяет и безопасность его элементов. Впоследствии проблема безопасного общественного развития стала основой для дискуссии, поднятой направлением «западников», таких как П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский [29], предлагавших европейский путь развития в качестве безопасной альтернативы отсталости и бесплотности пути существованию России.

Эти же традиции развивали мыслители социал-демократического направления, которые анализировали процесс социально-государственного взаимодействия на территории Российского государства, в рамках которого постулировали проблему необходимости защиты интересов личности и общественных групп. Идея, согласно которой безопасность была увязана с задачами более совершенного развития общественной системы, находилась в основе рассуждений русских философов рубежа XIX – начала XX вв., включая Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, И. А. Ильина, П. И. Новгородцева, В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого [28] и др. Философию этих авторов объединяла общая цель, заключающаяся в обосновании того, что безопасность на уровне государства и общества должна стать основой выживания и развития каждой личности. В частности, И. А. Ильин полагал, что сохранение устойчивости развития государства и общества зависит от формирования общественной среды, в рамках которой будет формироваться «государственное правосознание», как наиболее подходящий путь, направленный на укрепление безопасности общества [15]. Схожие идеи о том, что безопасность личности до-

стигается только в процессе равного и взаимообусловленного общественного развития всех социальных групп, представлялись в трудах П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, Б. А. Кистяковского, Л. И. Петражицкого, В. М. Хвостова, С. Н. Южакова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Ковалевского, П. С. Сорокина [25], где они ассоциировались с укреплением солидарности общества, основанного на справедливых началах и усилении сознательности личности. Согласно положениям развиваемых ими концепций, любые человеческие усилия и попытки достижения целей бессмысленны вне действия системы безопасности, направленной на обеспечение гарантий безопасного развития общества и личности [13].

Однако значительно большее влияние получила идея, согласно которой безопасность представлялась итогом взаимодействия государства и православной религии, выступающих в роли субъектов безопасности русского народа. Отличное от «западного» понимание безопасности было характерно и для мыслителей XIX в., которые представляли это явление с точки зрения государства. В частности, эта точка зрения была впервые наиболее ясно обоснована «славянофилами» в лице И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, которые ассоциировали безопасность с национальными традициями и христианством [14]. Впоследствии эта точка зрения разрабатывалась такими исследователями, как К. Н. Леонтьев, Н. П. Аксаков, А. А. Киреев, Л. А. Тихомиров, В. Ф. Благовидов, С. Н. Булгаков, А. И. Введенский, Н. П. Гиляров-Платонов, В. К. Свенцицкий [30], в трудах которых отмечается идея о том, что безопасность России находится в прямой зависимости от союза государства и православия.

В частности, точку зрения, в рамках которой ведущую роль в обеспечении безопасности играет государство, выражал К. Н. Леонтьев, по мнению которого идеалом государственности представлялся «истинно-консервативный византизм», основанный на твердой монархической власти, строгой церковности, сохранении общинного общественного устройства, жестком сословно-иерархическом делении общества и идеях, превозносящих влияние Византии на развитие Российского государства [18]. Большой вклад в развитие концепции взаимоотноше-

ний Церкви и государства внесли В. О. Ключевский, Л. А. Тихомиров, И. С. Бердников [4], которые, развивая идеи «православно-государства», видели гарантию безопасности в союзе между православием и государством.

Существенное дополнение к анализу системы безопасности российского государства сделано В. М. Грибовским, Н. А. Заозерским, А. Д. Градовским [9], представившими сведения о законодательных актах, регламентирующих образ жизни российских граждан, а также о работе государственных органов, осуществляющих социальную политику. В частности, А. Д. Градовский считал, что основой безопасного выживания страны является культура ее народа, которую он распространяет среди иных цивилизаций. Специфика культуры каждого народа, по его мнению, складывается из массы многочисленных контактов с иными народами и культурами, которые формируют сумму особенностей, складывающихся в итоге в единую идею, объединяющую каждый народ в единое целое. Сила этой идеи, как доказывал А. Д. Градовский, оказывала влияние на успешность развития российского государства. Фактором складывания системы безопасности на территории российского государства, по его мнению, является духовность русской нации, формирующая особый тип православного государства [9].

В советский период осмысление проблем безопасности также заключалось в постулировании значимости усилий государства во имя устойчивого существования человека и общества, однако велось исключительно в рамках марксистской науки. Отличием советской марксистской методологии исследований проблем безопасности было то, что она предполагала использование подхода, который отличался от идей русских философов, ориентированных на обоснование союза государства и церкви [30]. В качестве теоретического авторитета здесь использовались труды государственных лидеров, В. И. Ленина и И. В. Сталина, отражавших точку зрения в которой первостепенной ценностью провозглашалась безопасность государства. В частности, В. И. Ленин доказывал, что «интересы социалистической республики превыше интересов прав народов на самоопределение» [17]. Для И. В. Сталина идеалом более высокого порядка, чем со-

хранение безопасности государства и нации, было сохранение интересов трудящихся, во имя сохранения которого даже нация могла пожертвовать своим правом на самоопределение [27].

Влияние, которое оказывала методология И. В. Сталина на советских авторов, таких как А. А. Жданов, С. С. Киров, И. Сидоров [25], проявлялось в том, что большинство из них использовали концепцию, которая утверждала, что определяющее влияние на складывание системы общественной и государственной безопасности оказывает классовая солидарность, которая формирует государственное и общественное устройство. Представители историко-материалистического направления, такие как Б. В. Поршневу, С. В. Юшков, Л. С. Мамут [19], доказывали, что сущность общественного бытия составляют материальные процессы его развития, которое осуществляется объективно, вне зависимости от влияния на них сознания личности, общества, народа. Эти термины в интерпретации советских авторов теряли присущий им социально-психологический смысл и приобретали социально-экономическое содержание, раскрываемое в ряде идеологических понятий, которые объясняли доминирующую роль государства в экономической, политической, культурной, духовной жизни народа. К ним, как пишет В. С. Бузин, относились термины «нация», «народ», «национальность», «народонаселение», «национальные меньшинства» и др. [7].

Наиболее распространенным было обращение к термину «народ», который выступал в роли объекта безопасности и ассоциировался со всем населением государства, проживающим на его территории и подчиняющимся его власти. При этом, согласно советской концепции безопасности, люди, то есть граждане государства, не могли повлиять на протекание общественных процессов, поэтому складывание системы безопасности должно было зависеть только от усилий государства, выступавшего в роли единственного его субъекта. Концептуальное осмысление проблемы безопасности в советский период было сконцентрировано вокруг понятия о государственной безопасности, которая понималась как состояние защищенности от внешних военных угроз и подразумевала организацию комплекса мер, основанных на применении политики вооруженной защиты [20].

Дальнейшее развитие традиция понимания безопасности, в качестве усилий, предпринимаемых советским государством во имя сдерживания внешних угроз, получила во второй половине XX в., когда ведущей идеей системы безопасности оказалась доктрина «ядерного противостояния» с Западом. Такие авторы, как Л. Григорян, М. Карпушин, Ю. Долгополов [10], доказывали, что во имя обеспечения безопасности Советский Союз вынужден был отвечать на агрессивные действия стран НАТО. Под системой безопасности они понимали складывание международных отношений, которые выстраивались на принципе «баланса сил», в рамках которой каждая из сторон старалась противопоставить оппонентам адекватный ответ на наращивание ими «ядерного потенциала». Как пишет Н. И. Бубнова, односторонний взгляд на безопасность оправдывал «гонку вооружений» и мог привести к ядерному конфликту [6].

Важно обратить внимание, что в этот период проблематика безопасности стала зависеть от обсуждения международных проблем, что было зафиксировано в ведущих изданиях по проблемам безопасности «Советская военная энциклопедия» и «Военный энциклопедический словарь». В них понятие «безопасность» соотносилось только с идеей государственной безопасности и не учитывало влияния социальных экономических, культурных, духовных факторов [16]. Обсуждение проблем безопасности, в рамках которых ведущей темой считалось влияние международных угроз на состояние развития государства и состояние его граждан, не предполагало дополнительных теоретических коннотаций, так как изложенная в центральных изданиях точка зрения считалась общеобязательной. В частности, П. И. Романов и В. Г. Белявский доказывали, что в современных условиях определяющим фактором развития системы безопасности является противостояние между миром империализма и Советским Союзом, который определяет необходимость совершенствования системы безопасности на всех уровнях общества и государства [23]. При этом внимание уделялось главным образом, военным и техническим типам безопасности, среди которых советские авторы Е. И. Борисоглебский, Ю. Б. Долгополов, С. В. Володин, Ю. И. Авдеев [1] и другие стали выделять пожарную, химическую, электротехническую,

радиационную и другие вспомогательные виды безопасности. Ими был осуществлён целый ряд значимых разработок, раскрывающих содержание данной системы, однако они не выходили за пределы обсуждения международных отношений и не рассматривали вопросы безопасности в рамках самой страны, а тем более вопросы социальной безопасности и безопасности личности [31]. Это стало причиной того, что недостаток внимания к такому важному аспекту безопасности, как солидарные действия государства и общества в рамках развития единой сложной и развивающейся социальной системы, привел к недооценке действий, направленных на формирование их единства и, в конечном счете, повлиял на утрату советским государством возможности проведения адекватной политики управления безопасностью [13].

Поэтому закономерным представляется произошедшее в нач. 90-х гг. XX в. разрушение системы взаимодействия между органами государственного управления и ведущими общественными группами страны, приведшее к краху Советского Союза. В последующее время представления о безопасности в рамках взаимодействия государства и общества были коренным образом переосмыслены, так как государство, перестав быть единственным собственником на территории страны, перестало неограниченно вмешиваться в социальную и личную сферы жизнедеятельности. Вместе с этим, как отмечают С. Васильев, Ю. В. Рыжова, Р. К. Лавриненко, Л. Шершнева, С. М. Рогов, В. Пирумов [22], государство не избавилось от необходимости решать проблемы, связанные с формированием системы безопасности, без которой невозможным является существование и развитие личности и общества.

С начала XXI в. Россия оказалась втянута в процессы, связанные с возникновением новых угроз ее безопасности, требующие новых подходов к проведению ее научного исследования и социально-философского осмысления. Специфика этих угроз связывается с реанимацией противостояния времен «холодной войны», в рамках которого страны НАТО в качестве идеала рассматривают возможность существования только «однополярного» мира, где, как пишет А. Н. Богданов, России уделяется место сырьевого придатка более развитых стран [5]. При этом попытки оказать сопротивление внешнему политиче-

скому давлению сталкиваются с массой не только внешних, но и внутренних, в первую очередь экономических, проблем. Наиболее значительное влияние на эту ситуацию оказывает долговременный, усиливающийся мировой финансовый кризис, приобретший в последнее время практически неуправляемый характер. Его влияние ведет к тому, что в современных условиях практически невозможной оказывается организация коллективной международной системы безопасности, что порождает возможность для развития все новых и новых глобальных проблем. В этих условиях показывает свою ограниченность концепция безопасности, которая утверждает необходимость решения проблем безопасности за счет угрозы применения «ядерного оружия». При этом стратегии обеспечения безопасности со временем меняются и происходит отказ от упрощенного понимания проблемы обеспечения безопасности, которая долгое время рассматривалась только как противодействие внешним угрозам. Это подтверждает мнение С. Панарина [21], согласно которому заинтересованность в защите безопасности только за счет осуществления политики, противопоставляющей «своих» «чужим», является проявлением изоляционизма, который разделяет, а поэтому ослабляет государство и общество, и в свою очередь становится источником угрозы, подрывающей всю систему безопасности.

Заключение. Таким образом, специфика представлений о безопасности общества и государства в дореволюционный период заключалась в формировании идеи об особой роли государства в обеспечении безопасности общества. В рамках советской доктрины безопасности в качестве наиболее эффективного средства защиты рассматривалось наращивание «ядерного потенциала» и не учитывало влияния социальных, экономических, культурных, духовных факторов, что в конечном счете повлияло на утрату советским государством возможности проведения адекватной политики управления безопасностью. В этих условиях показывает свою ограниченность концепция безопасности, которая утверждает необходимость решения проблем безопасности за счет угрозы применения «ядерного оружия». Очевидно, что современные проблемы безопасности России как на международной арене, так внутри страны требуют таких подходов, которые бы-

ли бы способны вывести проблематику противостояния на уровень обсуждения вопросов взаимодействия с окружающим миром и разнообразными социальными группами внутри страны. Однако столь радикальная трансформация концептуальных подходов к проблемам безопасности требует идейного обоснования. Поэтому перед современными исследователями стоит ряд задач, связанных с необходимостью поиска новых, неординарных подходов к осмыслению проблем

современного российского государства и общества. По сути, речь идет о формировании заново мировоззренческих оснований отечественной философии безопасности, ведущим принципом которой в новых условиях должно стать формирование аналитического взгляда на проблемы взаимодействия личности, общества, государства, других социальных групп в рамках системы социальной безопасности.

Список литературы

1. Авдеев Ю. Космос, баллистика, человек. М.: Советская Россия 1978. 272 с.
2. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. М.: Правда, 1966. 408 с.
3. Антошин В. А., Пилявский А.П., Романова И.В. Региональная политика в сфере обеспечения национальной безопасности российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 4. С. 54–62.
4. Бердников И. С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений. М.: ФИВ, 2012. 512 с.
5. Богданов А. Н. «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 79–86.
6. Бубнова Н. И. Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3. С. 161–177.
7. Бузин В. С. О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. С. 311–324.
8. Волгин Н. А., Карпущин Д. Н. Концептуальные основы социальной политики // Социально-трудовая сфера России в переходный период: реалии и перспективы. М.: Молодая гвардия, 1996. С. 59–77.
9. Градовский А. Д. Политика, история и администрация. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1871. 370 с.
10. Долгополов Ю. Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981. 200 с.
11. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
12. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–136.
13. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2. С. 10–15.
14. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3. С. 27–33.
15. Ильин И. А. Философия права. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993. 466 с.
16. Колесников М. П. Российская Военная Энциклопедия: традиции и современность // Военная мысль. 1995. № 5. С. 2–8.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35: Октябрь 1917 – март 1918. М.: Госполитиздат, 1974. 600 с.
18. Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. СПб.: Владимир Даль, 2007. 640 с.
19. Мамут Л. С. Учение Маркса о государстве требует переосмысления // Общественные науки и современность. 1991. № 5. С. 100–108.
20. Павлова Н. С. Философско-социологические и исторические основания постановки проблемы безопасности в истории науки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. С. 87–93.
21. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. 640 с.
22. Пирумов В. С., Опалев А. В. Национальная безопасность. М.: Оружие и технологии, 2010. 232 с.
23. Романов П. И., Бежавский В. Г. Конституция СССР и защита Отечества. М.: Воениздат, 1979. 127 с.
24. Романова И. В. Категория «образ жизни» в отечественной и зарубежной научной литературе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 10. С. 63–79.
25. Сидоров И. Сталин и историческая наука // Вопросы истории. 1949. № 12. С. 23–40.

26. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд. Я. Г. Долбышева, 1914. 456 с.
27. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат, 1949. 64 с.
28. Трубецкой Е. Н. Избранное. М.: Канон, 1995. 475 с.
29. Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 628–642.
30. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of social myths on the construction of German identity in Russian polyethnic region // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.
31. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Methodological features of study and development of «ethnic culture» images in China // *International Electronic Journal of Mathematics Education*. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321–1330.

References

1. Avdeev Yu. *Kosmos, ballistika, chelovek* (Space, ballistics, man). Moscow: Soviet Russia, 1978, 272 p.
2. Aksakov K. S. *Poln. sobr. soch.* (Complete collected works). Moscow: Pravda, 1966, 408 p.
3. Antoshin V. A., Pilyavsky A. P., Romanova I.V. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University). 2016, vol. 22, no. 4, pp. 54–62.
4. Berdnikov I. S. *Tserkov i Imperiya. Istoriya Pravoslavnoy simfonii otnosheniy* (The Church and the Empire. History of the Orthodox Symphony of relations). Moscow: FIV, 2012, 512 p.
5. Bogdanov A. N. *Geopolitika i bezopasnost* (Geopolitics and security), 2014, no. 4, pp. 79–86.
6. Bubnova N. I. *Vestnik MGIMO Universiteta* (Bulletin of MGIMO University), 2017, no. 3, pp. 161–177.
7. Buzin V. S. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Bulletin of Saint Petersburg University), 2018, pp. 311–324.
8. Volgin N. A., Karpuhin D. N. *Sotsialno-trudovaya sfera Rossii v perehodny period: realii i perspektivy* (Social and labour sphere of Russia in the transition period: realities and prospects). Moscow: Molodaya Gvardiya, 1996, pp. 59–77.
9. Gradovsky A. D. *Politika, istoriya i administratsiya* (Politics, history, and administration). Saint-Petersburg: Publication of the bookseller-typographer M. O. Volf, 1871, 370 p.
10. Dolgopolov Yu. *Voyna bez linii fronta* (A war without a front line). Moscow: Voenizdat, 1981, 200 p.
11. Zhukov A. V. *Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoy religioznosti naseleniya Baykalskogo regiona* (Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract diss. dr philos. sciences: 09.00.14). Chita, 2011, 45 p.
12. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 2, pp. 129–136.
13. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2011, no. 2, p. 10–15.
14. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita state University), 2010, no. 3, pp. 27–33.
15. Ilin I. A. *Sochineniya: v 2 t. T.1* (Works: in 2 vol. 1). Moscow: Medium, 1993, 466 p.
16. Kolesnikov M. P. *Voennaya mysl* (Military thought), 1995, no. 5, pp. 2–8.
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete works), 5th ed., vol. 35: October 1917–March 1918. Moscow: Gospolitizdat, 1974, 600 p.
18. Leontiev K. N. *Sobranie sochineniy* (Collected works). Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2007, 640 p.
19. Mamut L. S. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and modernity), 1991, no. 5, pp. 100–108.
20. Pavlova N. S. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Orenburg State University), 2007, pp. 87–93.
21. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke* (Strategic instability in the twenty-first century). Moscow: Algorithm, 2004, 640 p.
22. Pirumov V. S., Opalev A. V. *Natsionalnaya bezopasnost* (National security). Moscow: Weapons and technologies, 2010, 232 p.
23. Romanov P. I., Belyavsky V. G. *Konstitutsiya SSSR i zashchita Otechestva* (Constitution of the USSR and protection of the Motherland). Moscow: Voenizdat, 1979, 127 p.
24. Romanova I. V. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2012, no. 10, pp. 63–79.
25. Sidorov I. *Voprosy istorii* (Question of history), 1949, no. 12, pp. 23–40.

26. Sorokin P. A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sotsiologicheskiy etyud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali* (Crime and punishment, feat and reward: A sociological study of the main forms of social behavior and morality). Saint Petersburg: J. G. Dolbyshev publishing House, 1914, 456 p.
27. Stalin I. *Marksizm i natsionalny vopros* (Marxism and the national question). Moscow: Gospolitizdat, 1949, 64 p.
28. Trubetsky E. N. *Izbrannoe* (Selected works). Moscow: Kanon, 1995, 475 p.
29. Chernyshevsky N. G. *Kritika filosofskih predubezhdeniy protiv obshchinnogo vladeniya* (The criticism of philosophical prejudices against communal ownership). Moscow: Thought, 1986, vol. 1, pp. 628–642.
30. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. *Indian Journal of Science and Technology* (Indian Journal of Science and Technology), 2016, vol. 9, no. 42, p. 104239.
31. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *International Electronic Journal of Mathematics Education* (International Electronic Journal of Mathematics Education), 2016, vol. 11, no. 5, pp. 1321–1330.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Кононов Сергей Викторович, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия. Область научных интересов: философия, этнография, проблемы национальной безопасности, региональная культура приграничья, российско-китайское приграничье
kononov7744@yandex.ru

Sergey Kononov, candidate of philosophical sciences, senior teacher, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky, Blagoveshchensk, Russia. Sphere of scientific interests: philosophy, ethnography, problems of national security, regional culture of borderlands, Russian-Chinese borderlands

Образец цитирования

Кононов С. В. Предпосылки становления философии социальной безопасности в дореволюционной России и советском союзе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 24–32. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-24-32.

Kononov S. Prerequisites for the formation of a social security philosophy in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 24–32. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-24-32.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.

УДК 322

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ**

**METHODOLOGY FOR STUDIES OF RELIGIOUS AND POLITICAL THREATS
IN MODERN SOCIO-POLITICAL SCIENCE AND PHILOSOPHY**

В. И. Младенов,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
mladenov.v@mail.ru

V. Mladenov,
Transbaikal State University, Chita

И. В. Романова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru

I. Romanova,
Transbaikal State University, Chita

А. А. Жукова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
artem_jukov68@mail.ru

A. Zhukova,
Transbaikal State University, Chita

Приводится анализ методологии исследований религиозных угроз. Цель исследования – выявить специфику относительно иных угроз государственной и общественной безопасности. Методология исследования представлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом, определяющими ход исследования, заключающийся не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии [16–18]. Как доказывают авторы, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают отторжение. Эта реакция понуждает их предпринимать усилия, с одной стороны, нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть – на процесс адаптации к обществу, которое первоначально ими отвергалось. В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо так же, как и его конкуренты, трансформировать свою социальную политику

Ключевые слова: религиозные угрозы; религиозная безопасность; эволюция религии; религиозный конфликт; социальная адаптация религии; религиозный экстремизм; антикультизм; методология исследования; общественная безопасность; трансформация идеологических установок

The article analyzes the research methodology of the problem of religious threats, aiming to identify their specificity in comparison with other threats to state and public security. Methodology is presented by a phenomenological approach, comparative approach, historical approach, comprehensive approach, determination of the study course, which consists not in exposing the threat to the public manifestations of religion, but in the development of the theory of social adaptation of religion. The authors prove that emerging religion by trying to spread its influence in society causes a negative reaction. This reaction compels them to make efforts, on the one hand it aims to protect their rights, on the other – aimed at the transformation of the original own institutional,

ideological and strategic installations, that is at the process of adaptation to the society that originally has been rejected by them.

As a result of such interaction, religious associations initially persecuted in society form an atmosphere of tolerance around them and become equal participants in social discourse. It is important that this process, which generates new players within the social space, affects traditional religions, which are forced either to squeeze in the market of spirituality, or, like its competitors, to transform their social policy

Key words: *religious threats to religious security; evolution of religion; religious conflict; social adaptation of religion; religious extremism; anti-Semitism; research methodology; public safety; transformation of ideological attitudes*

Введение. Эпоха современности характеризуется как мир, в котором взаимодействует множество религий, что создает проблему их взаимодействия. Причиной является то, что каждая из религиозных организаций, заявляя о своих исключительных правах на общение с Богом (иным миром), находится в состоянии непрерывной борьбы с другими организациями за расширение сферы своего влияния. Эта борьба, длящаяся на протяжении всей человеческой истории, сопровождается взаимным непониманием, неприятием и многочисленными обвинениями, указывающими на угрозу личности, обществу и государству со стороны религиозных оппонентов. При этом в современном мире в связи с глобализацией мирового культурного пространства проблемы религиозного противостояния становятся все более актуальными. Этот процесс сопровождается появлением значительного количества религиозных угроз, что требует проведения социально-философского анализа данной проблемы [8]. Таким образом, основной целью исследования содержания религиозных угроз должно стать выявление их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности.

Объект исследования – религиозная угроза в социально-политической системе современного общества.

Предметом исследования выступает сущность религиозной угрозы, в представлениях политологии и социальной философии.

Цель исследования – определение сущности и структуры религиозной угрозы, в дискурсе социальной философии и политологии. Задачей исследования является анализ содержания понятия и сущности религиозной и нерелигиозной угроз, исходящих от религиозных организаций.

Методология исследования определена применением феноменологического и срав-

нительного анализа сущности религиозных угроз. Существенное значение для содержания статьи имеет применение комплексного метода исследования сознания современных верующих. В работе применен комплекс исследовательских методов структурно-функционального анализа, дополненного применением общенаучных методов анализа, синтеза, индукции, дедукции и абстрагирования.

Степень исследованности темы. Проблемы религиозных угроз анализируются Р. Д. Лифтоном, Д. Гротуисом, С. Хассеном, А. Л. Дворкиным, А. И. Хвыля-Олинтером, И. А. Тарасевичем в рамках концепции религиозной безопасности. Социально-философские концепции, позволившие сформировать базу критики данной концепции, формулировались положениями М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Маркса, Р. Дарендорфа, Н. Лумана, Э. Баркер, Дж. Ричардсона, П. Тиллиха, Б. Р. Уилсона, И. Я. Кантерова, С. И. Иваненко. Методология исследования представлена феноменологическим подходом, сравнительным, историческим и комплексным.

Результаты анализа показали, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, наносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Религиозная угроза заключается в понятии об опасности влияния на верующих вероучения, которое приводит их к преступлениям либо к совершению преступлений против них. Однако в последнем случае речь идет о трансцендентных ценностях, которые определяются субъективно, результатом чего являются противоположные оценки одним и тем же действиям традиционных, считающихся социально при-

емлемыми, и нетрадиционных, считающихся экстремистскими религий.

Обсуждение результатов. В рамках поставленной цели важно разобраться с определением религиозной угрозы, так как анализ политологических, исторических, юридических, социологических, психологических, социально-философских публикаций, посвященных религиозной безопасности, доказывает, что понятие о религиозной угрозе представляет собой отправную точку большинства исследований этого явления. При этом некорректное определение религиозной угрозы может стать причиной ошибок в определении стратегии религиозной безопасности. В частности, понимание сущности религиозной угрозы у отечественных исследователей, расширительно трактующих религию (или виды религий) как источник общественной угрозы, существенно отличается от юридического определения содержания понятия «угроза» [17].

Например, Стратегия национальной безопасности трактует понятие «экстремизм», как социальную систему, которую составляет широкий комплекс явлений, таких как организации, идеологические положения, установки, а также практические действия граждан и социальных групп, использующих насилие либо угрозу его применения в отношении к личности, обществу, государству, а также международным, политическим, национальным и религиозным организациям, имеющим целью изменение государственного строя, разжигание социальной вражды [12]. Из этого перечня вытекает, что религиозные организации могут представлять собой угрозу современному обществу. Однако в то же время такую же угрозу могут представлять и многие другие нерелигиозные организации, выступающие против религии или каких-либо видов религии. Таким образом, остается не ясным, чем экстремистские действия со стороны религиозных организаций отличаются от экстремистских действий со стороны любых других социальных, националистических, этнических и иных структур [3].

Поэтому среди специалистов ведутся споры относительно этого понятия. Одни пытаются обосновать ключевую роль религиозного фактора. Другие напротив полностью отрицают само это явление. Те, кто стремится обосновать такое понятие, как «религиозный экстремизм», утверждают, что его

основным сущностным признаком выступает религия. К этой группе относится И. А. Тарасевич, который определил религиозную угрозу в качестве условий и факторов, возникающих в рамках религиозного пространства и создающих возможность нанесения прямого или косвенного ущерба человеку, обществу, государству [18]. Однако, если учесть, что в современной России есть религиозная и нерелигиозная сферы, которые соотносятся условно как светскость и религиозность, то из приведенного определения вытекает, что только религиозная сфера является источником угроз, с чем нельзя согласиться полностью. Признавая факт, что религия представляет собой особую сферу, активно влияющую на социальную, политическую, культурную жизнь и т.д., необходимо признать и то, что ее воздействие не сводится только к экстремизму [7].

Большинство исследователей процессов взаимодействия между обществом и религией справедливо указывают на то, что данная социальная система имеет различные уровни [5]. В частности, религиозные нормы в значительном количестве случаев оказывают сдерживающее влияние на поведение верующих, указывая на запретные формы. С другой стороны, многие религиозные установки, основанные на вере в исключительность источника религиозной истины, ведут к формированию религиозного фанатизма, углублению нетерпимости, национальной розни. Таким образом, согласно мнению ученых, обосновывающих правомерность понятия «религиозный экстремизм», религия, обладающая мощным идейным потенциалом, обладает и ресурсами, способствующими возникновению социальных угроз и конфликтов [22].

Противоположная точка зрения доказывает, что «чистого религиозного экстремизма» не существует, так как за термином «религиозный экстремизм» чаще всего стоят те явления, которые на деле являются политическим, экономическим или военным экстремизмом. «Религиозный экстремизм», определяемый как деструктивная форма социальных отношений, сопровождающихся агрессивной пропагандой неких религиозных ценностей, признается здесь исключительно социальным явлением, несущим угрозу, связанную с теми противоправными действиями, которые совершают экстремистские

организации, а не с теми идеями, которые содержатся в их идеологии [6]. В подтверждение этой точки зрения необходимо указать на то, что любая религия, предполагающая наличие особой связи с Богом, претендующая на обладание истиной и требующая от своей паствы исполнения религиозных обязательств, может быть признана экстремистской. Однако экстремистскими становятся только те религиозные организации, которые совершают реальные преступления против человека и общества [1].

Эти данные доказывают, что экстремизм является не религиозным, а социальным явлением, социальные последствия которого одинаковы вне зависимости от их религиозного или нерелигиозного источника. Эти последствия определяются содержанием целей экстремистских организаций, для которых главным является осуществление социального насилия во имя политических или экономических целей. Экстремисты могут прикрываться религиозными лозунгами, однако это не меняет их сущностного стремления к захвату власти насильственными методами. Поэтому очевидно, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации [10]. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, наносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Этот вид угроз несет за собой реальный вред человеку и обществу и подпадает под действие уголовного законодательства. Напротив, религиозные угрозы затрагивают сферу трансцендентных ценностей, которые не фиксируются законодательством и касаются тех проблем, которые должны разрешаться с помощью межконфессионального диалога разных религий [13].

Отсюда можно заключить, что под религиозной угрозой следует понимать комплекс факторов, происходящих в религиозной сфере и являющихся причиной ущерба для общества религиозной системы, и религиозного спасения личности. Однако сказанное не оговорено в юридических документах, в том числе в Стратегии национальной безопасности. Это позволяет религиозную угрозу характеризовать не как реальный ущерб, а лишь как риторику, которая провоцирует

конфликтное состояние конфессий. Степень воздействия религии на жизнь социума всегда оценивается субъективно.

Например, религиозная деятельность нетрадиционных религиозных объединений характеризуется представителями православия как религиозный экстремизм, основными признаками которого считаются религиозная идеология; стремление обосновать возможность насильственных действий против оппонентов; преобладание эмоционального способа воздействия; деформация сознания людей [19]. Здесь сквозит традиционная конфессиональная позиция о религиозных оппонентах, которые негативно относятся к другим конфессиям.

Внутренняя конкуренция в борьбе за паству перевешивает способность к принятию права на существование иных религиозных и духовных концепций. Причиной этого является религиозная идеология, наличествующая в каждой религии и отрицающая инакомыслие по отношению к проповедуемым ей догмам [23].

Это служит причиной возникновения противоречия между современным либеральным законодательством, предполагающим гарантию права свободы религиозного выбора и радикальными религиозными требованиями со стороны доминирующей в обществе религии, диктующей подчинение граждан страны, права которых отходят на второй план по сравнению с навязываемыми им религиозными обязанностями. Трудность составляет то, что в России, как светском государстве, действуют законы, поддерживающие принципы свободы совести, делающие неприемлемыми религиозную нетерпимость. Поэтому понадобилось разграничение между такими понятиями, как «экстремизм» и «вероучение», первое из которых означало насилие, а второе – абстрактные положения религиозных текстов, которые могли оправдывать насилие, однако насилием не являлись [18].

Как правило, классики религиоведения, говоря о содержании религиозных текстов, указывали на трансцендентный характер религиозных истин, что не позволяло им однозначно оценивать степень их опасности, так как предполагало признание неоднозначности их возможного влияния на общество [23]. Однако в социальной реальности проблемами религиозной безопасности, как правило,

занимались не классики, а специалисты-коммуникаторы, использующие неверифицируемость представлений о религии в своих целях и распространяющих свои оценки в отношении вероучительных доктрин своих религиозных оппонентов. Они стали трактовать содержание религиозных текстов в качестве руководства для социальной, экономической и политической деятельности и оценивать его как источник религиозной угрозы [12].

Специфика данного взгляда должна заключаться в постулировании опасности влияния на верующих особого вероучения, которое выступает в качестве мотива поведения верующих и приводит их к преступлениям либо к совершению преступлений против них. Поэтому представления о религиозной угрозе, закрепившиеся в современном российском дискурсе, включают в себя убеждения в том, что какие-то из религиозных текстов могут содержать скрытые и явные угрозы существующим порядкам и личности [24]. Вместе с этим надо учитывать, что уголовная ответственность предусматривается не за любые действия, а только за те, которые совершаются публично с обращением к определенному кругу лиц. Таким образом, не всякий религиозный текст, представляющий собой выражение нетрадиционных религиозных идей, может быть признан экстремистским, а только тот, который содержит публичные призывы к экстремизму [2].

С другой стороны, необходимо отдавать отчет в том, что многие мировые религии основаны на радикальных доктринах, содержащихся, в частности в Библии и Коране, где имеются призывы, требующие применить насилие по отношению к неверным. Отсюда можно заключить что, радикальные требования содержат любой вероисповедный текст, то есть все религии очень чувствительны к посягательствам на ценности, которые они почитают святыми. Таким образом, любая из религий обладает таким потенциалом, который, с одной стороны, придает ей устойчивость к внешней агрессии, с другой – открывает возможности, благодаря которым отдельные ее представители, включая верующих, священников, отдельные организационные подразделения, могли бы высказывать экстремистские идеи, а также участвовать в экстремистской деятельности. Однако важно и то, что представители экстремистских организаций, которые не являются религиоз-

ными, могут использовать в своей практике религиозные лозунги, камуфлируя политические и экономические цели [18].

Наличие религиозных текстов, содержащих определенные типы призывов, понимаемые как угрозы, все же представляют такую угрозу обществу, которая существует еще как возможность. То есть спецификой понятия «религиозная угроза» по сравнению с иными типами угроз является то, что предметом ее рассмотрения являются события, которые еще только должны случиться, или призывы, посредством которых религиозные тексты призывают совершить. Для практики регулирования и наказания такой тип угроз, как правило, связан с дискурсивностью и попытками разных сторон доказать различные позиции в отношении трактовки одних и тех же деяний. Поэтому для определения степени опасности религиозного текста прибегают не только к юридической, но и к религиоведческой, филологической и психологической экспертизам, дающим научный, но часто далекий от правового, анализ степени его опасности.

При этом ответы на вопрос о сущности влияния религиозных текстов на общество очень разнятся между собой. Представители конфессионального религиоведения считают, что сущностью религиозного откровения, которую отражают религиозные тексты, является наличие связи с трансцендентным началом, что выявляется из их содержания путем анализа, выявляющего несоответствие догматике той или иной религии. Напротив, светское религиоведение считает религию только социальным явлением, в этом случае выявление религиозной угрозы заключается в анализе содержащихся в религиозных текстах призывов к осуществлению противоправных видов социального поведения [4].

Однако здесь есть определенное противоречие, которое заключается в том, что угроза, которая исходит от религий, кажется религиозной только тогда, когда она носит потенциальный характер, а при констатации уже совершенных противоправных деяний религиозная угроза перестает быть потенциальной и становится реальным причинением ущерба. Реально причиненный ущерб, в отличие от потенциальной угрозы, как правило, носит конкретный социальный характер и определяется количеством материального вреда или вреда здоровью и жизни человека. В этом случае религиозные организации,

причинившие этот вред, рассматриваются уже не как религиозные, а как экстремистские. Их вина перестает быть религиозной, таким образом, и угроза принимает социальный характер. Однако как тогда должна фиксироваться религиозная угроза, остающаяся в рамках текстового содержания вероучительных доктрин?

По мнению современных российских законодателей и исследователей религиозной безопасности, угроза, со стороны вероисповедных текстов представлена таким противоправным действием, как «оскорбление религиозных чувств верующих», которое носит религиозный, но в то же время фиксируемый в практическом плане характер, который отражен как «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [11]. При этом понятно, что нанесение имущественного либо физического вреда вряд ли способно нанести ущерб «религиозным чувствам», поэтому важно определить, что такое моральный вред.

Дело в том, что в понятии о «моральном вреде» не зафиксированы конкретные последствия преступного воздействия на человека и общество, которые отражали бы наступление ущерба для религиозных чувств верующих. Не ясным является, как абстрактное понятие «религиозные чувства» вообще может испытывать какой либо ущерб от причиненного им оскорбления. Реальная степень религиозной угрозы в области причинения морального ущерба религиозным чувствам верующих остается предметом дискурса в отношении каждого конкретного деяния и поэтому носит характер потенциальной возможности. Отсюда основной задачей борцов за религиозную безопасность традиционно является попытка убедить массовое сознание и представителей правоохранительных органов в том, что природа той или иной нетрадиционной религии носит опасный характер.

Это ставит на повестку дня проблему, связанную с обсуждением того, является ли каждая религия самостоятельным явлением, которое основывается на объективно существовавшем контакте с силами вне человеческого сознания, либо она зависит только от социальных и психологических факторов и, таким образом, существует только в сознании верующих. Внешний наблюдатель не может ответить на этот вопрос, так как ответ

скрыт от наблюдения извне. Поэтому вопросы о потенциальных угрозах религии чаще всего являются предметом дискурса, зависящего от априорных убеждений того или иного автора.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что каждая религия из того множества, которое можно наблюдать в границах современного конфессионального пространства, может иметь возможность связи с запредельным и спасения верующих. Поэтому светское религиоведение и социальная философия заинтересованы не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии, где рассматривается система взаимодействия религии и общества. Согласно этой теории, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция и связанная с ней практика преследования нетрадиционных религий оценивается в качестве инструмента социализации, который понуждает вновь возникающие религиозные объединения предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось.

В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Они участвуют в процессах адаптации, которые оцениваются в качестве объективной реальности, существующей вокруг любой религиозной новации, появление которой вызывает ответную реакцию в виде социального неодобрения. Отвечая на это неодобрение, организация стремится к формированию своей социальной приемлемости и респектабельности. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо, как и конкуренты, трансформировать свою социальную политику. Христианство не уходит в прошлое, однако реальность такова, что современная религиозная ситуация

начинает характеризоваться все большим разнообразием, а проблема религиозной угрозы все менее поддается регулированию посредством лишь простых запретительных акций.

Список литературы

1. Астэр И. В., Кучукова Н. Ю., Серов Н. В. Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2. С. 1–14.
2. Бельский А. И. Уголовная ответственность // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 67–69.
3. Бушуева Е. С., Жуков А. В. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
4. Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки / сост. А. М. Лепихов, О. П. Мороз. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1979. С. 61.
5. Добренков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии: монография. М.: Высш. школа, 1989. С. 178.
6. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 12, ч. 4. С. 66–71.
7. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
8. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–136.
9. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3. С. 27–33.
10. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 3-1. С. 54–58.
11. Загребина И. В. К вопросу о государственной религиозно-экспертной экспертизе // Вестник Приволжской академии государственной службы. 2010. № 3. С. 73–77.
12. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 52.
13. Прокудина Н. В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // *Magistra Vitae*: журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75–82.
14. Романова Н. П. Феномен статусной некомпетентности // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 4. С. 212–217.
15. Романова Н. П., Жукова А. А. Религиозные образы в процессах возрождения этнических культур // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 2. С. 119–124.
16. Романова Н. П. Социальное неравенство: методологический аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 4. С. 140–152.
17. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 644–650.
18. Светский Е. В. Россия – светское, демократическое государство // Публичное и частное право. 2014. № 4. С. 68–87.
19. Слобожникова В. С. Концептуализация угроз религиозной безопасности исследовательских практик современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 255–261.
20. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Тюмень, 2015. 376 с.
21. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994. 432 с.
22. Яворский М. А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 10–13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 42. С. 104–239.
24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // *IEJME: Mathematics Education*. 2016. T. 11. № 5. С. 1321–1330.

References

1. Astehr I. V., Kuchukova N. Yu., Serov N. V. *Sovremennye issledovaniya sotsialnyh problem* (Modern research of social problems), 2012, no. 2, pp. 1–14.
2. Belsky A. I. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo oinstituta MVD Rossii* (Bulletin of the Belgorod law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2013, no. 2, pp. 67–69.
3. Bushueva E. S., Zhukov A. V. *Sotsiokulturnaya sreda Zabaykaliya: spetsifika formirovaniya* (Socio-cultural environment of the Transbaikal region: specific features of formation). Chita: ZaBGU, 2012, 170 p.
4. *Dialogi: polemicheskie stati o vozmozhnyh posledstviyah razvitiya sovremennoy nauki* (Dialogues: polemical articles on possible consequences of the modern science development) / comp. A. M. Lepikhov, O. P. Moroz. Moscow: State publishing house polit. literature, 1979, p. 61.
5. Dobrenkov V. I., Radugin A. A. *Metodologicheskie voprosy issledovaniya religii: monografiya* (Methodological issues of religion research: monograph). Moscow: Higher school, 1989, p. 178.
6. Zhukov A. V. *Voprosy teorii i praktiki. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskienauki, kulturologiya i iskusstvovedenie* (Questions of theory and practice. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history), 2017, no. 12, part 4, pp. 66–71.
7. Zhukov A. V. *Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoy religioznosti naseleniya Baykalskogo regiona: avtoreferat dis. d-ra filos. nauk: 09.00.14* (Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of the doctor of philos. sciences: 09.00.14). Chita, 2011. 45 p.
8. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 2, p. 129–136.
9. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 3, pp. 27–33.
10. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *Voprosy teorii i praktiki. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie* (Questions of theory and practice. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history), 2014, no. 3-1, pp. 54–58.
11. Zagrebina I. V. *Vestnik Privolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* (Bulletin of the Volga Academy of Public Service). 2010, no. 3, pp. 73–77.
12. Luman N. *Vlast* (Power). Moscow: Praxis, 2001, p. 52.
13. Prokudina N. V. *Magistra Vitae: zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* (Magistra Vitae: Historical Sciences and Archeology Journal), 2017, no. 1, pp. 75–82.
14. Romanova N. P. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2009, no. 4, pp. 212–217.
15. Romanova N. P., Zhukova A. A. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2012, no. 2, pp. 119–124.
16. Romanova N. P. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2008, no. 4, pp. 140–152.
17. Ruzevich O. R. *Yuridicheskaya tekhnika* (Legal technique), 2015, no. 9, pp. 644–650.
18. Svetskiy E. V. *Publichnoe i chastnoe pravo* (Public and private law), 2014, no. 4, pp. 68–87.
19. Slobozhnikova V. S. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* (Bulletin of the Saratov State Law Academy), 2019, no. 6, pp. 255–261.
20. Tarasevich I. A. *Konstitutsionno-pravovye osnovy religioznoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: dis. d-ra yurid. nauk: 12.00.02* (Constitutional and legal bases of religious security of the Russian Federation: dis. ... doctor of law: 12.00.02). Tyumen, 2015, 376 p.
21. Shleyermakher F. *Rech'i o religii. Monologi* (Speeches about religion. Monologues). Saint Petersburg: Aleteya, 1994, 432 p.
22. Yavorskiy M. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2007, no. 7, pp. 10–13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. *Indian Journal of Science and Technology* (Indian Journal of Science and Technology), 2016, vol. 9, no. 42, pp. 104–239.
24. Zhukov A., Zhukova A. *IEJME: Mathematics Education* (IEJME: Mathematics Education), 2016, vol. 11, no. 5, pp. 1321–1330.

Коротко об авторах

Младенов Василий Иванович, соискатель, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: философия безопасности, религиоведение, культурология, социальные и психологические проблемы личности, религиозная безопасность
mladenov.v@mail.ru

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры социально-правовых дисциплин, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации
il.romanova2010@yandex.ru

Жукова Алена Алексеевна, канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник научно-образовательного музейного центра, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья
kazarbina_a@mail.ru

Briefly about the authors

Vasily Mladenov, applicant for scientific degree, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Research interests: philosophy of security, religious studies, cultural studies, social and psychological problems of the individual, religious security

Ilona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of solitude, business communications

Alena Zhukova, candidate of philosophical sciences, senior research worker, scientific educational museum center, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: religion study, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalia

Образец цитирования

Младенов В. И., Романова И. В., Жукова А. А. Методология исследований религиозно-политических угроз в современной социально-политической науке и философии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 33–41. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41.

Romanova I., Mladenov V., Zhukova A. Methodology for studies of religious and political threats in modern socio-political science and philosophy // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 33–41. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020 г.
Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.

УДК 323

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-42-48

ВЫБОРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ (ИЛ ТУМЭН) РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

ELECTIONS TO REGIONAL PARLIAMENTS OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE STATE ASSEMBLY (IL TUMEN) OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Ю. Д. Петров,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск
petrovdy@mail.ru

Yu. Petrov,

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk

Н. А. Григорьев,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск
nagrigroriev@mail.ru

N. Grigoriev,

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk

В статье приведен анализ тенденций выборов в региональные парламенты России на примере Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Местные парламенты призваны выполнять функции разделения законодательных и исполнительных ветвей власти. Однако в современной российской политической системе институт парламентаризма развит слабо и на федеральном уровне, и на местном. Региональные парламенты слабо влияют на решения по финансовым аспектам, зачастую продолжают общероссийский законотворческий процесс.

Электоральный процесс, связанный с выборами в местные законодательные собрания, протекал исходя из логики развития федеральной избирательной системы и федеративных отношений. В 1990-е гг. в период децентрализованного федерализма сложились различные типы региональных режимов с развитыми партийными системами. В 2000-е гг. в период централизации были уменьшены полномочия регионов, приведших к отмене прямых выборов глав субъектов, реформированию партийных и избирательных систем. Постепенно сложилась смешанная избирательная система по партийным спискам и мажоритарной системе. Партийный состав региональных парламентов не отличается от федерального списка думских фракций.

Республика Саха (Якутия) является национальной, что влияет на формирование местной региональной элиты. Заметны тенденции взаимозависимости представителей элиты исполнительной и законодательной ветвей власти, а также признаки землячества, родственных связей. По спискам партии «Единой России» обычно представлены Глава республики и представители верхних эшелонов республиканской власти. На выборах 2013 и 2018 гг. депутатские мандаты в местный парламент стабильно получают четыре партии, представители мелких партий «Гражданская платформа», «За женщин России»

Ключевые слова: федерация; регионы; региональные парламенты; избирательная система; выборы; электоральный процесс; партии; партийные системы; Республика Саха (Якутия); глава субъекта; Государственное Собрание (Ил Тумэн)

The article analyzes the tendencies of elections to the regional parliaments of Russia on the example of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia). Local parliaments are called upon to fulfill the function of separating the legislative and executive branches of government. However, in the modern Russian political system, the institution of parliamentarism is poorly developed at the federal and local levels. Regional parliaments have little influence on decisions on financial aspects, often continuing the all-Russian legislative process.

The electoral process associated with elections to local legislative assemblies developed based on the logic of the development of the federal electoral system and the development of federal relations. In the 1990s during the period of decentralized federalism, various types of regional regimes with developed party systems took shape. In the 2000s during the period of centralization, the powers of the regions were reduced, which led to the abolition of direct elections of heads of subjects, and the reform of party and electoral systems. By now, a mixed

electoral system has been formed according to party lists and the majority system. The party composition of regional parliaments also does not differ from the federal list of Duma factions.

The Republic of Sakha (Yakutia) is a national republic, which influences the formation of the local regional elite. There are noticeable tendencies in the interdependence of representatives of the elite of the executive and legislative branches of government, as well as signs of community, family ties. According to the party lists of the party of power "United Russia", the Head of the Republic and representatives of the upper echelons of the republican government are usually represented. In the elections of 2013 and 2018 four parties, representatives of the small parties "Civic Platform" and "For Women of Russia", are steadily receiving deputy mandates to the local parliament

Key words: *federation, regions, regional parliaments, electoral system, elections, electoral process, parties, party systems, Republic of Sakha (Yakutia), Head of the subject, State Assembly (Il Tumen)*

Введение. Важным политическим институтом развития современного российского федерализма являются региональные парламенты, или законодательные собрания. Важной их функцией является сохранение баланса отношений и разделения ветвей законодательной и исполнительной власти. Система выборов в региональные парламенты менялась на протяжении последних десятилетий из логики общефедеральной политики. В результате выборов формируется многопартийный состав, что влияет на степень политической конкуренции в российских регионах. В работе предпринято подробное изучение последних выборов в Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) в 2013 и 2018 гг.

Объектом исследования являются региональные парламенты России, предметом – выборы в региональный парламент Республики Саха (Якутия) Государственного Собрания (Ил Тумэн). Целью исследования является изучение процесса последних выборов в региональный парламент Якутии, их результатов и определение тенденций.

Методология исследования представлена институциональным методом – при изучении региональных парламентов; системным – при изучении института выборов как способа формирования региональных органов власти; при изучении данных о выборах 2013 и 2018 гг. в региональный парламент Якутии использованы сравнительный метод и методы статистического анализа.

В ходе исследования сделаны выводы, что выборы в региональные парламенты России развиваются исходя из общефедеральной политики в области избирательного законодательства. Партийный состав Государственного Собрания (Ил Тумэн) не отли-

чается от общефедерального списка четырех парламентских фракций.

Современная российская политическая система определяет федеративный тип устройства государства и разграничение полномочий федерального центра и регионов. Важным институтом власти субъектов федерации стали региональные парламенты, или законодательные собрания. Данные институты выполняют важную функцию разделения ветвей власти на местном региональном уровне. Российский политолог В. Гельман выделил развитие региональных властей России в 1990-е гг. в зависимости от соотношения взаимодействия губернаторов и региональных легислатур (ассамблей) [1]. Сама идея создания парламентов, или «дух парламентаризма», была направлена на представительство интересов народа, выработку законов, финансового контроля. Одной из тенденций развития российской политической системы можно отметить усиление исполнительной ветви власти в противовес законодательной на федеральном и региональном уровнях власти. Развитие российских политических институтов, итогом которого могут стать крупные институциональные изменения, продолжается, и это подтверждают поправки в конституцию 2020 г.

Централизованный тип российского федерализма предопределяет минимальные факторы значения законотворчества и финансового контроля региональных парламентов. Принятие законов на местном уровне зачастую продолжает федеральный законодательный процесс. Межбюджетные отношения центра и регионов определяют уменьшение финансового влияния дефицитных региональных бюджетов [9]. Можно отметить и современную неразвитую пар-

тийную систему в субъектах федерации, где региональные отделения партий больше ориентируются на политику федеральных партий и слабо представляют региональные интересы в федеральном законодательном собрании. Однако в 2000-е гг., по мнению российского исследователя Л. Сморгунова, произошло качественное реформирование региональных парламентов и повышение в них роли представительства политических партий [10].

Выборы в региональные парламенты России проходили в условиях развития регионального электорального процесса, который делится на несколько этапов [11]. В 1990-е гг., в период децентрализованного федерализма, произошло усиление региональных полномочий, что предопределило формирование различных типов политических режимов в субъектах. В 2000-е гг., в период централизации государственной власти, произошло уменьшение позиций регионов. Были отменены прямые выборы глав субъектов, произошло реформирование политических партий, которое фактически отменило региональные партии и создание предвыборных блоков. Была введена пропорциональная избирательная система, которая вопреки законам французского политолога, партолога Мориса Дюверже не привела к развитию многопартийной системы, а лишь сузила ее [3]. Введение системы выборов по партийным спискам усилило контроль над региональными элитами [7].

После 2012 г. возвратились прямые выборы глав субъектов, что, на наш взгляд, продолжает эволюцию развития российских политических институтов. Однако новым механизмом прямых выборов воспользовались не все регионы, сохранив процедуры назначения через местные парламенты. Существенным барьером для развития конкурентных выборов стал и так называемый «муниципальный фильтр», где кандидатам на выборы губернатора приходится собирать подписи муниципальных депутатов. Были нововведения и в области избирательного законодательства, такие как упрощение регистрации политических партий (с 40 тыс. до 500 человек), снижение необходимого количества сбора подписей для самовыдвиженцев.

В 2012 г. введен единый день голосования в сентябре, что влияет на ход избирательных кампаний в летние месяцы, в период

отпусков. В период 2012–2014 гг. постепенно введена смешанная избирательная система формирования Государственной Думы и региональных парламентов, ужесточены правила сбора подписей для самовыдвиженцев.

В Республике Саха (Якутия) региональный парламент представлен Государственным Законодательным Собранием (Ил Тумэн), деятельность которого зафиксирована в Конституционном законе Республики Саха (Якутия) «О Государственном Собрании (Ил Тумэн)» от 10 июля 2002 г. 35-3 № 401-II и главой 5 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) [5]. Выборы в законодательное собрание проходят по смешанной избирательной системе, где 35 депутатов избираются по одномандатным округам, а остальные 35 – по пропорциональной системе. В настоящее время спикером собрания является П. Гоголев. Партийный состав тоже не отличается от общероссийской тенденции представленности четырех партий – Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР.

Деятельность регионального парламента Якутии регламентирована сутью закона 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Среди важных функций парламента можно отметить следующие: утверждение Правительства, бюджета республики, право вотума недоверия Главе субъекта, принятие решений по основным вопросам внутренней, внешней, экономической, социальной и культурной политики Республики Саха (Якутия) и др. Многие исследователи отмечают слабое представительство региональных парламентов в России, выделяя ее «фасадную» демократическую конструкцию, где лишь происходят церемониальные процессы. Можно отметить слабую ответную связь депутатов с населением, где народные избранники зачастую выполняют лишь лоббистские функции [6].

Проанализируем результаты последних выборов в Государственное Собрание (Ил Тумэн) в 2013 и 2018 гг. 8 сентября 2013 г. прошли выборы по смешанной системе – по одномандатным округам и по партийным спискам. Основная борьба шла между Единой Россией, КПРФ, Справедливой Россией, ЛДПР, Гражданской платформой. Были зарегистрированы и такие партии, как Народная

партия России, Союз горожан, Родная страна, Коммунистическая партия социальной справедливости (КПССС), РЭП «Зеленые», Российская партия пенсионеров за справедливость, СДПР, Народная партия «За женщин России», Гражданская позиция, Гражданская платформа. Одной из характерных черт российских выборов различного уровня можно считать объединение политической элиты вокруг правящей партии власти. На данных выборах местная элита в авангарде с Главой республики Е. Борисовым вошла в партийный список Единой России. Можно выделить кон-

курентную черту выборов 2013 – когда шли нападки на партию Гражданская платформа во главе с бывшим директором компании Саханефтегаз А. Максимовым. Например, подверглись критике высказывания лидера партии бизнесмена М. Прохорова об изменениях границ национально-территориальных образований Российской Федерации.

В результате выборов 8 сентября 2013 г. в региональный парламент прошло пять политических партий: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, Народная партия «За женщин России» [4] (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты выборов в Государственное Собрание Республики Саха (Якутия) (Ил Тумэн) 8 сентября 2013 г. / Results of elections to the State Assembly of the Republic of Sakha (Yakutia) (Il Tumen) September 8, 2013

Партия / Party	Количество мандатов по пропорциональной системе / Number of seats in the proportional system	Количество мандатов по мажоритарной системе / Number of seats in the majority system
«Единая Россия» / «United Russia»	22	29
КПРФ / Communist Party	5	-
«Справедливая Россия» / «Fair Russia»	7	2
ЛДПР / Liberal Democratic Party	1	-
Народная партия «За женщин России» / People's Party» For Women of Russia «	-	1
«Гражданская платформа» / «Civil Platform»	-	-
Самовыдвиженцы / Self-nominated candidates	-	3

Региональные выборы 2018 г. прошли на фоне осуществления «пенсионной реформы», крайне непопулярной среди населения и ударившей по рейтинговым позициям «партии власти» [2]. В некоторых регионах России на губернаторских выборах победили кандидаты из «системной оппозиции», например, в Хабаровском крае С. Фургал от партии ЛДПР. В 2020 г. арестован губернатор, что спровоцировало протестное движение в Хабаровске.

В сентябре 2018 г. в единый день голосования прошли выборы в VI созыв Государственного Собрания Ил Тумэн и выборы на муниципальном уровне. В тот год для региональной власти в республике сложилась непростая ситуация. Досрочно ушел в отставку Глава республики Е. Борисов, что предопределило досрочные выборы Главы в единый день голосования параллельно с голосованием в парламент и в муниципальные органы

власти. На фоне формирования тенденций оппозиционного голосования электората жителей Дальнего Востока Якутия на президентских выборах 2018 г. продемонстрировала одну из самых низких уровней поддержки. К тому же на выборах мэра Якутска победу одержала С. Авксентьева, что стало важным политическим событием общенационального масштаба.

На выборах в региональный парламент Единой России удалось сохранить большинство, несмотря на поддержку непопулярных социально-экономических преобразований. По партийным спискам партия получила 20 мандатов. Однако по сравнению с выборами 2013 г. результат оказался ниже. Улучшила свои позиции КПРФ, набрав 7 мандатов, и ЛДПР с 3 мандатами. Справедливая Россия, несмотря на деятельность лидера Ф. Тумусова, потеряла статус второй партии, набрав 5 мандатов.

По мажоритарной системе выборов в законодательное собрание результаты таковы: Единая Россия – 24 мандата, Справедливая Россия – 4, КПРФ – 3, Гражданская платформа – 1, ЛДПР – 1, самовыдвиженцы – 2 (табл. 2). Явка на выборы составила

50,71 %, что выше по сравнению с выборами 2013 г. Очевидно, важным фактором для подъема явки стали одновременные выборы Главы республики Ил Дархана, депутатов регионального парламента и муниципальные выборы [8].

Таблица 2 / Table 2

Результаты выборов в Государственное Собрание Республики Саха (Якутия) (Ил Тумэн) 9 сентября 2018 г. / Results of elections to the State Assembly of the Republic of Sakha (Yakutia) (Il Tumen) September 9, 2018

Партия / Party	Количество мандатов по пропорциональной системе / Number of seats in the proportional system	Количество мандатов по мажоритарной системе / Number of seats in the majority system
«Единая Россия» / «United Russia»	20	23
КПРФ / Communist Party	7	3
«Справедливая Россия» / «Fair Russia»	5	4
ЛДПР / Liberal Democratic Party	3	1
«Гражданская платформа» / «Civil Platform»	-	1
Самовыдвиженцы / Self-nominated candidates	-	3

По итогам выборов 2018 г. партия власти Единая Россия снизила свои позиции по сравнению с выборами 2013 г. по партийным спискам и по мажоритарной системе. Всего на выборах принимало участие 10 политических партий. Среди не получивших депутатских мандатов можно отметить следующие: «Коммунисты России», «Партия социальных реформ – прибыль от природных ресурсов – народу», «Партия Роста», «Зеленые», «Родина», «Партия за справедливость», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость». Следующие выборы в региональный парламент пройдут в 2023 г.; 13 сентября 2020 г. в Республике Саха (Якутия) прошли муниципальные выборы глав муниципальных образований, депутатов местных законодательных собраний, глав сельских поселений. На всех уровнях укрепили свои позиции представители партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

Таким образом, избирательный процесс в региональные парламенты развивается исходя из тенденций общефедеральной политики. В регионах местные парламенты слабо выполняют функцию идеи разделения властей и мало влияют на финансовый контроль. В настоящее время сложилась смешанная избирательная система выборов в региональные законодательные собрания, что должно привести к развитию партийной системы. В Республике Саха (Якутия) партийный состав почти не отличается от общефедерального состава четырех парламентских фракций. Республика Якутия является национальным образованием, что предопределило тесную взаимосвязь местной региональной элиты посредством родственных отношений и землячества. По партийным спискам и по пропорциональной системе можно наблюдать постепенное снижение позиций партии «Единая Россия» и улучшение позиции партии КПРФ.

Список литературы

1. Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полит. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87.
2. Доклад «Итоги голосования и результаты выборов 9 сентября 2018 года». Коротко. Текст: электронный // Официальный сайт Комитета гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3889/> (дата обращения: 12.10.2020).
3. Дюверже М. Политические партии: пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000. 538 с.

4. Избирательная комиссия. Текст: электронный // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Саха Якутия. URL: <http://www.yakut.izbirkom.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).
5. Ил Тумэн. Текст: электронный // Официальный сайт Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) (Ил Тумэн). URL: <https://iltumen.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).
6. Калимуллина И. Р. Некоторые проблемы парламентаризма в субъектах Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1.
7. Кынев А. А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации. М.: Панорама, 2014. 727 с.
8. Председатель ЦИК рассказал об итогах выборов народных депутатов Якутии. 25 сентября 2018 г. Текст: электронный // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2944816> (дата обращения: 12.10.2020).
9. Рыбакова С. С. Политическая функциональность регионального парламента в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2016. №1. С. 122–128.
10. Сморгун Л. В. Новые электоральные институты и региональные парламенты России: плюрализация VERSUS монополизация // Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М.: РОССПЭН, 2006. 582 с.
11. Чувилина Н. Б. Региональные электоральные процессы в постсоветский период // Власть. 2009. № 9. С. 56–59.

References

1. Gelman V. YA. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Research), 1998, no. 1, pp. 87.
2. *Ofitsialny sayt Komiteta grazhdanskih initsiativ* (Official website of The Committee for civil initiatives). Available at: <https://komitetgi.ru/news/news/3889/> (Date access: 12.10.2020). Text: electronic.
3. Dyuverzhe M. *Politicheskie partii: per. s fr.* (Political parties: transl. from French.). Moscow: Academic Project, 2000, 538 p.
4. *Ofitsialny sayt Tsentralnoy izbiratelnoy komissii Respubliki Saha Yakutiya* (Official website of the Central election Commission of the Republic of Sakha Yakutia). Available at: <http://www.yakut.izbirkom.ru/> (Date access: 12.10.2020). Text: electronic.
5. *Ofitsialny sayt Gosudarstvennogo Sobraniya Respubliki Saha (Yakutiya) (Il Tumen)* (Official website Of the state Assembly of the Republic of Sakha (Yakutia) (Il Tumen). Available at: <https://iltumen.ru/> (Date access: 12.10.2020). Text: electronic.
6. Kalimullina I.R. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Altai State University), 2013, no. 4-1.
7. Kynev A. A. *Vybory regionalnyh parlamentov v Rossii 2009–2013: ot partizatsii k personalizatsii* (Elections of regional parliaments in Russia 2009-2013: from partization to personalization). Moscow: Panorama, 2014. 727 p.
8. *Ofitsialny informatsionny portal Respubliki Saha (Yakutiya)* (Official information portal of the Republic of Sakha (Yakutia). Available at: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2944816> (Date of access: 12.10.2020). Text: electronic.
9. Rybakova S. S. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* (Bulletin of the Volga Institute of Management), 2016, no. 1, pp. 122–128.
10. Smorgunov L. V. *Parlamentarizm v Rossii i Germanii. Istoriya i sovremennost* (Parliamentarism in Russia and Germany. History and modernity). Moscow: ROSSPEN, 2006, 582 p.
11. Chuvilina N. B. *Vlast* (Power), 2009, no. 9, pp. 56–59.

Коротко об авторах

Петров Юрий Дмитриевич, д-р полит. наук, профессор кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия. Область научных интересов: национальная политика, геополитика, коренные малочисленные народы Севера
retrovyd@mail.ru

Григорьев Ньургун Афанасьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия. Область научных интересов: федерализм, региональная политика, региональное управление, политические элиты, процессы модернизации и демократизации
nagrigroriev@mail.ru

Briefly about the authors

Yuriy Petrov, doctor of political sciences, professor, History, Social Studies and Political Science department, Faculty of History, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia. Sphere of scientific interests: national policy, geopolitics, indigenous peoples of the North

Nurgun Grigoriev, candidate of political science, associate professor, Political Science Faculty, History department, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk, Russia. Sphere of scientific interests: federalism, regional politics, regional governance, political elites, processes of modernization and democratization

Образец цитирования

Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Выборы в региональные парламенты России на примере Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 42–48. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-42-48.

Petrov Yu., Grigoriev N. Elections to regional parliaments of Russia on the example of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 42–48. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-42-48.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2020 г.

Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.

УДК 327

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-49-56

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA: EXPERIENCE AND PROBLEMS

В. Ф. Печерица,
Дальневосточный федеральный
университет, г. Владивосток
prof.pecheritsa@gmail.com

V. Pecheritsa,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

С. А. Мефодьева,
Дальневосточный федеральный
университет, г. Владивосток
raize@inbox.ru

S. Mefodyeva, Far Eastern Federal
University, Vladivostok

Статья посвящена анализу российско-китайских отношений на современном этапе. Актуальность обусловлена, прежде всего, тем, что развитие приграничных и трансграничных территорий становится важным инструментом успешного международного сотрудничества стран. В этих условиях необходимо изучить и понять функции и механизмы трансграничного сотрудничества. Активное развитие РФ и КНР, в том числе в сфере торгово-экономических связей, закономерно усиливает внимание этих государств к развитию приграничных территорий. Цель и задачи исследования — проанализировать основные направления трансграничного сотрудничества РФ и КНР в торгово-экономической сфере на примере Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР; показать не только успехи, но и нерешенные вопросы и проблемы, мешающие этим соседним регионам взаимодействовать на более высоком уровне. В качестве объекта исследования выступает трансграничное торгово-экономическое сотрудничество РФ и КНР. Предметом являются пути, формы и механизмы регионального российско-китайского взаимодействия, а также факторы, тормозящие этот процесс. Используются общенаучные эмпирические и теоретические методы исследования. Применение сравнительно-функционального, системного подхода, моделирования и логического метода способствует выявлению сущностных и содержательных элементов региональной торгово-экономической политики РФ и КНР

Ключевые слова: Россия; Китай; Дальний Восток; Северо-восток КНР; приграничные территории; трансграничное торгово-экономическое сотрудничество; промышленный потенциал возможностей; трансграничность; геополитическая обстановка

The article is devoted to the analysis of Russian-Chinese relations at the present time. The topicality of the article is primarily due to the fact that the development of border and cross-border territories is becoming an important tool for successful international cooperation between countries. Under the circumstances, it is important to study and understand the functions and mechanisms of cross-border cooperation. The active development of the Russian Federation and China, including trade and economic relations, naturally leads to increased attention of these states to the development of border territories. The purpose and objectives of the article is to analyze the main directions of cross-border cooperation between the Russian Federation and China in the trade and economic sphere on the example of the Far East of Russia and the North-East of China; to show not only successes, but also unresolved issues and problems that prevent these neighboring regions from interacting at a higher level. The object of the study is the cross-border trade and economic cooperation between the Russian Federation and China. The subject is the ways, forms and mechanisms of regional Russian-Chinese interaction, as well as factors that slow down this process. There have been used general scientific empirical and theoretical research methods. The usage of a comparative-functional, systematic approach, modeling and a logical method encourages to identify the essential and substantive elements of the regional trade and economic policy of the Russian Federation and China

Key words: Russia, China, Far East, China's North-East, border areas, cross-border trade and economic cooperation, industrial potential of opportunities, cross-border, geopolitical situation

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что развитие приграничных и трансграничных территорий становится важным инструментом успешного международного сотрудничества стран. В этих условиях необходимо изучить и понять функции и механизмы трансграничного сотрудничества. Активное развитие РФ и КНР, в том числе в сфере торгово-экономических связей, закономерно повышает внимание этих государств к развитию приграничных территорий. Однако изучение функционирования приграничных территорий весьма обособлено, ограничены возможности исследования приграничных территорий Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России. Это обстоятельство требует более глубокого и широкого изучения этих территорий, их промышленного потенциала возможностей внешнеэкономической деятельности, более тесных взаимосвязей этих приграничных территорий.

Цель исследования – выявить содержание, основные направления и формы сотрудничества РФ и КНР в торгово-экономической сфере на примере Дальнего Востока России и Северо-востока КНР. Авторы сосредоточили свое внимание на решении следующих исследовательских задач: 1) проанализировать положительный опыт торгово-экономического сотрудничества двух стран на уровне регионов; 2) обосновать механизмы и инструменты регионального сотрудничества двух стран; 3) вскрыть причины и негативные факторы, мешающие более тесному взаимодействию сторон в торгово-экономической сфере.

Методология и методы исследования. Использованы общенаучные эмпирические и теоретические методы исследования. Применение сравнительно-функционального, системного подхода, моделирования и логического метода способствует выявлению существенных и содержательных элементов региональной торгово-экономической политики РФ и КНР.

Результаты исследования и область их применения. Детальный разбор явления трансграничности, трансграничного региона и трансграничного сотрудничества в торгово-экономическом аспекте имеет огромное значение в современной сложной геополитической и геоэкономической обстановке, так как все большее значение уделяется проек-

там развития приграничных территорий соседних государств, что приводит к появлению целых трансграничных систем. Решение существующих проблем требует обновления содержания сотрудничества наших стран и новых направлений для взаимодействия между Россией и Китаем, более эффективного управления процессами кооперации и транснационализации производств, находящихся на сопредельных территориях [1, с. 236–239]. Первый положительный опыт создания новых управленческих моделей производства уже применяется на ряде предприятий партнеров РФ и КНР [9].

Современный период ознаменовался глубоким и расширенным российско-китайским взаимодействием в политической, экономической, военно-технической и культурной сферах. Наши отношения поднялись на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства [8, с. 29–52]. Между державами формируется сообщество безопасности [7]. Это качественно новая модель межгосударственных отношений, посредством которой уже достигнутые результаты закрепились, а новые шаги для развития сотрудничества в различных сферах имеют хорошую перспективу. Успешно развивается политическое сотрудничество стран. Оно все больше становится примером конструктивного и эффективного двустороннего взаимодействия, которое стабилизирует современное мироустройство, направленно на укрепление безопасности в Северо-Восточной Азии и в мире в целом [2]. Руководство наших стран координирует свою внешнюю политику по решению большинства глобальных проблем, в том числе на площадке Организации Объединенных Наций. В целом, как признают даже западные эксперты, Россия и Китай уверенно двигаются к поведению, основанному на принципах сотрудничества, которое может превратиться в тесные союзнические отношения, включая оборонно-стратегический альянс [12].

Наблюдается заметный прогресс и в торгово-экономических связях. Товарооборот в 2020 г. превысил 100 млрд долл. США. Стороны работают над повышением качественного уровня и расширением сфер российско-китайского экономического взаимодействия, а именно: расширение инвестиций и кредитования, в том числе увеличение объемов прямых расчетов в национальных ва-

лютах России и Китая; совершенствование структуры взаимных капиталовложений и, как следствие, увеличение всего объема двустороннего товарооборота до 200 млрд долл.; усиление сотрудничества в совместных перспективных разработках науки и техники нефтегазовой области, в том числе в Арктике; углубление взаимодействия агропромышленного комплекса в области торговли сельскохозяйственной продукцией и инвестиций [6].

Руководство Российской Федерации и Китайской Народной Республики поддерживает реализацию включенных в программу сотрудничества проектов на основе действующего в каждом из государств сторон законодательства. Российско-китайская Постоянная рабочая группа и Российско-китайский Координационный совет являются действенными инструментами сотрудничества, выстраивающими прочную основу для благоприятной совместной работы на всех уровнях. Россия и Китай сообща решают ряд стратегических экономических задач по реализации проектов. Во-первых, это совместное финансирование крупных проектов с привлечением трудовых кадров из Китая для строительства инфраструктуры восточных регионов России. Во-вторых, Россия, пребывая в определенной зависимости от западных технологий, в результате ухудшений отношений с США и ЕС и последующей санкционной войны останавливает разработку ряда перспективных проектов на некоторое время. Сотрудничество со странами Азии, в том числе с Китаем, и снабжение КНР сырьем не только способствуют привлечению передовых технологий и развитию российской экономики, но и являются одним из путей замены западных технологий в России. В-третьих, это привлечение иностранных инвестиций, что особенно важно для экономики Дальнего Востока. Наши руководители четко осознают важность и эффективность перспективных форм и направлений взаимовыгодного сотрудничества, ведущих к коммерциализации высоких технологий, а также развитию исследований и прикладных разработок.

Несмотря на успехи, торгово-экономическое сотрудничество между РФ и КНР осложняется рядом нерешенных проблем. Россия по-прежнему играет незначительную роль во внешней торговле Китая, и российский экспорт в Китай носит сырьевой

характер. В целом, несмотря на растущие объемы торговли углеводородным сырьем, с российской стороны сохраняется определенная сдержанность, которая проявляется в торговле газом. Россия не хочет попадать в зависимость от единственного покупателя. Уже давно разрабатываются планы строительства «Алтайского газопровода», который соединит газовые месторождения в Восточной и Западной Сибири, обеспечивая доступ к рынкам в Китае или Европе, в зависимости от спроса и предложения. Однако такие проекты требуют огромных вложений. Степень вовлеченности здесь китайских компаний станет важным индикатором будущего российско-китайских энергетических отношений [13, р. 2]. Российско-китайский политический и стратегический диалог превосходит уровень развития и масштаб наших отношений в сфере торговли и экономики [5]. Например, недостаточный уровень товарооборота; низкий уровень инвестиционных вложений в Россию со стороны КНР, что вызывает необходимость диверсификации внешней торговли; низкое качество товаров в двух странах; неконвертируемость рубля и юаня; проблемы трудовой миграции; многие договоренности не реализуются, в том числе по вине российской стороны. Эти и другие нерешенные проблемы, тормозящие факторы и противоречия требуют спокойного и философского осмысления. Их необходимо глубоко изучать, искать причины и пути разрешения.

По мнению авторов статьи, структура экспорта-импорта в двусторонней торговле является важнейшей проблемой развития экономических отношений. Об этом свидетельствует товарная структура российского экспорта в КНР и импорта из КНР, в которой отчетливо выражена сырьевая ориентация России, в то время как Китай поставляет готовую продукцию.

Товарная структура российского экспорта в Китай в 2019 г.: топливо, минеральное сырье, нефть и продукты их перегонки – 70 %; древесина и изделия из нее – 8 %; ядерные реакторы, котлы, механическое оборудование – 3 %; удобрения – 3,34 %; рыбная продукция – 3,33 %; остальные товары – 13 %.

Товарная структура российского импорта из КНР в 2019 г.: механическое оборудование – 26 %; электрические машины и их оборудование – 20 %; средства наземного транспорта, кроме железнодорожного – 4 %;

пластмассы и изделия из них – 3 %; органические химические соединения – 3 %; изделия из черных металлов – 3%; остальные товары – 41 % [10].

Около 72,8% экспорта (почти 25 млрд долл.) составляют российские топливно-энергетические товары, руда, древесина и древесный уголь; российское оборудование занимает 2,04 % (684,09 млн долл.) – это крупнейшая позиция в импорте из Китая. Затем следует импорт одежды и обуви почти на 7 млрд долл. По мнению российских и китайских экспертов, о сырьевой ориентации России свидетельствует сотрудничество в топливно-энергетической сфере, строительство газо- и нефтепроводов для снабжения российским энергетическим сырьем северо-восточных провинций КНР [4, с. 46]. Продукция российской промышленности в сравнении с китайской продолжает терять свою конкурентоспособность, а низкие темпы роста российской экономики, изменения в ее структуре объясняют взаимное торговое сотрудничество наших стран. Показатели двусторонней торговли указывают не только на увеличение значимости топливно-энергетического комплекта для экспорта России в Китай, но и зависимость от него.

Значительная коррумпированность механизма взаимной торговли препятствует укреплению российско-китайских экономических связей и развитию двусторонних внешнеторговых отношений. Наглядным примером могут служить различная структура экспорта и импорта; значительное превышение импорта китайских товаров над экспортом российских товаров; поставки леса и лесоматериалов из РФ в КНР; неблагоприятный инвестиционный климат в России; отставание в развитии пограничных территорий Сибири и Дальнего Востока; низкое качество продукции российского машиностроения; слабое знание российскими бизнесменами китайского рынка и др. [4, с. 49].

Следует признать, что Россия пока не выработала четкую согласованную позицию в отношении Китая в торговой, инвестиционной и научно-технической сферах. Складывается впечатление, что у правительства России нет ясного и перспективного понимания возможных рисков и угроз в отношении китайского направления внешнеэкономической деятельности, что может привести к серьезным экономическим и политическим по-

следствиям. При осуществлении программы торгово-экономического партнерства с КНР крайне важно, на наш взгляд, классифицировать производственный список выпускаемой готовой продукции; утвердить размер инвестиций и расположение производств, принимая во внимание географические рынки сбыта; стимулировать производство технического оборудования для строящихся предприятий на приграничных территориях наших стран.

Взаимодействие с Китайской Народной Республикой должно носить взаимовыгодный характер для обеих сторон. Необходимо прогнозировать и учитывать неблагоприятное внешнеэкономическое и внешнеполитическое воздействие на наше сотрудничество с КНР. Важно поддерживать и укреплять инвестиционное взаимодействие малого и среднего бизнеса для финансирования перспективных проектов сотрудничества РФ и КНР.

Немало проблем остается и в области трансграничного экономического сотрудничества РФ и КНР. Во внешнеэкономическом обороте Дальневосточного региона России и Северо-Восточного Китая доминирует торговля, а не инвестиционная политика. Товарная структура российско-китайской торговли за последние десятилетия почти не изменилась. По мнению аналитиков, такая консервативность тормозит торгово-экономическое сотрудничество двух стран. Несомненно, китайских партнеров интересует участие в дальневосточных проектах сырьевого направления. Кроме того, государственные структуры, крупный российский бизнес не инвестируют развитие обрабатывающих отраслей экономики, в этой связи уже длительное время не реализуется большинство российских проектов. Наши страны заинтересованы в получении в первую очередь быстрой прибыли, поэтому они делают основную ставку на торговлю сырьем. Это вредит экономике Дальневосточного федерального округа.

Развитие экономических связей между РФ и КНР осложняется также отсутствием удобного логистического и транспортного сообщения на большинстве участков соприкосновений. Не реализуются до конца проекты по строительству новых масштабных сооружений, например, больших мостов.

Факты и жалобы китайских предпринимателей свидетельствуют, что многие чинов-

ники региональных и местных администраций Дальнего Востока не оказывают должную поддержку иностранным инвесторам в вопросах организации бизнеса в регионе. Привлечение финансовых потоков из-за рубежа, активизация внешнеэкономической деятельности и создание новых рабочих мест на территории – их прямая обязанность. В итоге бизнесмены-иностранцы разочаровываются в ведении бизнеса и покидают Россию.

Китай инвестирует всего четыре крупных объекта в Дальневосточном федеральном округе. Это игорная зона «Приморье»; разработка горнорудного месторождения в Еврейской автономной области; Ключевское золоторудное месторождение и добыча угля в Забайкальском крае.

Каковы причины слабых инвестиций Китая в экономику Дальнего Востока? Во-первых, КНР не желает работать по довольно жестким правилам и законам, которые предлагает Российская Федерация. Китайские партнеры хотели бы осуществлять деятельность в РФ по своим законам и на своих условиях с целью уменьшения выплаты по налоговым обязательствам, например, как в Африке. Во-вторых, Дальний Восток и Сибирь в основном привлекают КНР запасами дефицитных природных ресурсов. Сырье китайские партнеры покупают, однако цены их не устраивают. Такие же энергоресурсы Китай может купить у стран Центральной Азии. Сырьевые товары для КНР представляют не такую ценность, как 20 лет назад. Российская сторона не может обеспечить высокими технологиями растущие потребности Китая, кроме военно-промышленного комплекса. Стоимость добычи углеводородов и других сырьевых продуктов в Сибири и на Дальнем Востоке выше, чем в африканских странах и Центральной Азии. Москва не желает отдавать под контроль КНР стратегические объекты (заводы, порты и т.д.), это связано с безопасностью страны. Например, китайская компания COSCO приобрела контрольный пакет акций крупнейшего порта Греции Пирей за 368,5 млн долл., в 2019 г. китайцы взяли под контроль ряд портов в Италии [3]. А Россия не позволяет этого делать, в этой связи КНР и не стремится вкладывать большие инвестиции в Сибирь и Дальний Восток.

На Дальнем Востоке России практически не используется положительный опыт функционирования китайских свободных

экономических зон (СЭЗ). Свободные экономические зоны в КНР стали одним из механизмов проведения политики «открытых дверей» в Китае, рыночных реформ в экономике в качестве полигонов опытных процессов не только в торговле, но и в производстве.

Зоны приграничного экономического сотрудничества, созданные на китайской территории, пока медленно и неэффективно внедряются в совместные трансграничные СЭЗ на китайско-российской границе. Эта проблема еще не стоит остро на повестке дня, поэтому и решается медленно, что является тормозом в развитии приграничного сотрудничества двух стран. Неэффективно пока функционируют и торговые комплексы для пропуска через границу российских и китайских граждан.

Для расширения трансграничного сотрудничества сторонам крайне важно предоставлять своевременную информацию о культуре, медицине, образовании, технологиях в сопредельные территории. Передача достоверной информации сторонам, включая интернет, способствует быстрому созданию условий для российско-китайского всеобъемлющего взаимодействия. Она повышает уровень доверия между сторонами.

Практика взаимодействия Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока за последние годы демонстрирует большой потенциал двустороннего сотрудничества в регионе. Такой опыт имеет большое значение для будущего сотрудничества. В рамках формирующегося «союза» между Китаем и Россией две страны изучают более эффективную и устойчивую модель соучастия. Двум странам важно преодолеть такие проблемы, как низкое взаимное доверие в бизнес-сообществе, недостаточная открытость рынка и т.д. В ближайшей перспективе Китай и Россия имеют хорошие шансы для более тесного сотрудничества на Дальнем Востоке, и Китай ищет к этому более эффективные подходы своего участия. По мнению экспертов, для этого обеим странам еще предстоит приложить немалые усилия. Во-первых, две страны должны стремиться к дальнейшей оценке и проверке реализации существующих проектов сотрудничества и придавать большее значение их реализации. Правительству и научному сообществу необходимо совместно обсудить причины трудностей, связанных с развитием Северо-Восточного Китая и Дальнего Восто-

ка России, и пути достижения решений. Для этого в феврале 2018 г. Юрий Трутнев и Ван Ян встретились в Харбине и обсудили предложение совместно создать специальную Рабочую группу для разработки нового плана сотрудничества на Дальнем Востоке. В этом плане уточнены торговые и инвестиционные цели Китая и России с особым акцентом на четко определенные обязанности и сроки реализации каждого проекта, что свидетельствует о том, что региональные власти наших стран осознают проблему и вместе работают над повышением качества и эффективности российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке [11].

Во-вторых, финансовое сотрудничество должно стать важнейшим фактором в совместном российско-китайском освоении Дальнего Востока. Предприятия обеих стран сталкиваются с проблемами финансирования. В частности, инфраструктурные проекты требуют огромных инвестиций и длительного периода окупаемости, что приводит к более жестким условиям для инвестиций. При отсутствии финансирования очень сложно углублять сотрудничество по таким проектам. В июне 2018 г. лидеры России и Китая подписали совместную китайско-российскую декларацию, в которой предлагается укрепить двустороннее финансовое сотрудничество и увеличить долю национальных валют в торговле и инвестициях. Предполагается, что такие меры помогут снизить колебание курса, которое может повлиять на российско-китайское взаимодействие.

В-третьих, кроме экономики и торговли России и Китаю следует уделять больше вни-

мания повышению качества культурного сотрудничества, продвижению роли культурного сотрудничества в формировании имиджа обеих стран и повышению взаимного доверия. В частности, региональные власти двух стран должны способствовать более глубокому взаимодействию между предпринимателями и аналитическими центрами, чтобы посредством постоянного взаимодействия стороны могли укреплять взаимное доверие между бизнес-сообществами, поднимать вопросы, вызывающие взаимный интерес, и решать эти вопросы совместными усилиями [11].

Заключение. Несмотря на значительный прогресс в приграничном торгово-экономическом сотрудничестве России и Китая остается немало проблем, которые тормозят этот процесс. Решение существующих проблем требует проектирования иной модели двустороннего сотрудничества и определения новых перспективных направлений для взаимодействия между сторонами. Важно наладить более эффективное управление процессами кооперации и транснационализации производств, находящихся на сопредельных территориях. Первый положительный опыт создания новых управленческих моделей производства уже применяется на ряде предприятий партнеров РФ и КНР. Использование этих и других перспективных форм и методов приграничного сотрудничества обеспечит прочный фундамент для развития долгосрочного торгового партнерства двух стран. Это даст мощный толчок социально-экономическому и культурному развитию сопредельных территорий и обогатит общее взаимодействие двух стран.

Список литературы

1. Ли Лю, Ким А.А. Торгово-экономические связи между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком СССР в 1950-х гг. // Инновации молодых — развитию сельского хозяйства. Уссурийск: ПГСХА, 2020. С. 236–239.
2. Магдалинская Ю.В. Потенциал большого партнерства. Интересы стран ШОС сопрягаются с инициативой «Один пояс и один путь» // Российская газета. Спецвыпуск № 119. 2018. 3 июня. URL: <https://rg.ru/2018/06/03/interesy-stran-shos-sopriagaiutsia-s-iniciativoj-odin-poias-i-odin-put.html> (дата обращения: 26.10.2020). Текст: электронный.
3. По воде на Запад. Китай не жалеет средств на покупку портов // Российская газета. Федеральный выпуск № 89. 2016. 25 апреля. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/kitajcy-kupili-krupnejshij-grecheskij-port-za-3685-mln-dollarov.html> (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.
4. Подольский С.В., Стукова В.С. Проблемы и перспективы развития российско-китайского экономического сотрудничества // Дискуссия. 2016. №8. С. 42–54.
5. Посол КНР назвал условия для роста российско-китайского товарооборота // Российская газета. 2019. 8 октября. URL: <https://rg.ru/2019/10/18/posol-krn-nazval-usloviia-dlia-rosta-rossijsko-kitajskogo-tovarooborota.html> (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.

6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху 5 июня 2019 года // Офиц. сайт правительства РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.
7. Тренин Д. Становление российско-китайского сообщества безопасности // Московский центр Карнеги. Carnegieendowment.org. 29 октября 2013 г. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Rus_China2013.pdf (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.
8. Хуан Дэньсюэ. К вопросу об углублении и развитии китайско-российских отношений стратегического партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2013. № 4. С. 29–52.
9. Чэн Гочан. Модель управления китайскими и российскими компаниями (на примере группы компаний «КАМАЗ» и компании DongFeng // Наука и инновации – современные концепции: сб. науч. ст. междунар. науч. форума (Москва, 19 июня 2019 г.). М.: Инфинити, 2020. Т. 1. 108 с.
10. Чэн Гочан. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Наука и инновации – современные концепции: сб. науч. статей междунар. науч. форума (Москва, 19 июня 2020 г.). М.: Инфинити, 2020. Т. 1. 108 с.
11. Feng Shaolei, Cui Heng. Developing the far east and Chinese-Russian relations: new perceptions and new practices // *Global Affairs. Valdai papers*. 2019. 30.09. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/developing-the-far-east-and-chinese-russian-relations-new-perceptions-and-new-practices/> (дата обращения: 02.11.2020). Текст: электронный.
12. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8, pp. 136–150.
13. Perović J., Zogg B. Russia and China: the potential of their partnership // *Center for Security Studies. Analyses in Security Policy*, no. 250, October 2019, pp. 1–4.

References

1. Li Lyu, Kim A.A. *Innovatsii molodyh – razvitiyu selskogo hozyaystva* (Innovations of young people – development of agriculture). Ussuriysk: PGSHA, 2020, pp. 236–239.
2. Magdalinskaya YU.V. *Rossiyskaya gazeta* (Russian newspaper. Special issue), 2018, no. 119. June 3. Available at: <https://rg.ru/2018/06/03/interesy-stran-shos-sopriagaiutsia-s-iniciativoj-odin-poias-i-odin-put.html> (Date access: 26.10.2020). Text: electronic.
3. *Rossiyskaya gazeta* (Russian newspaper). Federal issue no. 89, 2016, April 25. Available at: <https://rg.ru/2016/04/25/kitajcy-kupili-krupnejshij-grecheskij-port-za-3685-mln-dollarov.html> (date accessed: 25.10.2020). Text: electronic.
4. Podolsky S.V., Stukova V.S. *Diskussiya* (Discussion), 2016, no. 8, pp. 42–54.
5. *Rossiyskaya gazeta* (Russian newspaper), 2019, October 8. Available at: <https://rg.ru/2019/10/18/posol-knr-nazval-usloviia-dlia-rosta-rossijsko-kitajskogo-tovarooborota.html> (Date access: 25.10.2020). Text: electronic.
6. *Ofic. sayt pravitelstva RF* (Official website of the government of the Russian Federation). Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (Date accessed: 25.10.2020). Text: electronic.
7. Trenin D. *Moskovskiy tsentr Karnegi* (Carnegie Moscow center. Carnegieendowment.org), October 29, 2013. Available at: https://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Rus_China2013.pdf (Date access: 25.10.2020). Text: electronic.
8. *Huan Densyue. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Politologiya"* (Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Political Science Series), 2013, no. 4, pp. 29–52.
9. Chen Gochan. *Nauka i innovatsii – sovremennye kontseptsii: sbornik nauchnyh statey mezhdunar. nauch. foruma* (Science and innovation – modern concept: collection of scientific articles of the international scientific forum) (Moscow, June 19, 2019). Moscow: Infiniti, 2020, vol. 1. 108 p.
10. Chen Gochan. *Nauka i innovatsii – sovremennye kontseptsii: sbornik nauchnyh statey mezhdunar. nauch. foruma* (Science and innovation – modern concept: collection of scientific articles of the international scientific forum) (Moscow, June 19, 2019). Moscow: Infiniti, 2020, vol. 1. 108 p.
11. Feng Shaolei, Cui Heng. *Global Affairs. Valdai papers* (Global Affairs. Valdai papers), 2019, September 30. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/developing-the-far-east-and-chinese-russian-relations-new-perceptions-and-new-practices/> (Date access: 02.11.2020). Text: electronic.
12. Malle S. *Journal of Eurasian Studies* (Journal of Eurasian Studies), 2017, vol. 8, pp. 136–150.
13. Perović J., Zogg B. *Center for Security Studies. Analyses in Security Policy* (Center for Security Studies. Analyses in Security Policy), no. 250, October 2019, pp. 1–4.

Коротко об авторах

Печерица Владимир Федорович, д-р ист. наук, профессор кафедры политологии, Дальневосточный федеральный университет, Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: российско-китайские отношения, международные отношения, политология
prof.pecheritsa@gmail.com

Мefeldьева Светлана Александровна, канд. филос. наук, доцент кафедры политологии, Дальневосточный федеральный университет, Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: история политических учений России и зарубежных стран российско-китайские отношения, международные отношения, политология
raize@inbox.ru

Briefly about the authors

Vladimir Pecheritsa, doctor of historical sciences, professor, Political Studies department, Far Eastern Federal University, School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: Russian-Chinese relations, international relations, political sciences.

Svetlana Mefodyeva, associate professor, candidate of philosophical sciences, Political Studies department, Far Eastern Federal University, School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: history of political studies in Russia and overseas, international relations, political sciences.

Образец цитирования

Печерица В. Ф., Мefeldьева С. А. Трансграничное сотрудничество России и Китая: опыт и проблемы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 49–56. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-49-56.

Pecheritsa V., Mefodyeva S. Cross-border cooperation between Russia and China: experience and problems // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 49–56. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-49-56.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 12.11.2020 г.

УДК 343.72

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-57-67

**СОЦИАЛЬНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО “COVID-19” И МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ****SOCIAL FRAUD-COVID-19 AND MANIPULATIVE SOCIAL ENGINEERING TECHNOLOGIES**

В. Г. Романов,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
vromanow@yandex.ru

V. Romanov,
Transbaikal State University, Chita

И. В. Романова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
ilromanova2010@yandex.ru

I. Romanova,
Transbaikal State University, Chita

Одним из наиболее негативных социально значимых проявлений пандемии коронавируса COVID-19 является активизация преступности особого рода – мошенничества, основанного на концептуальном положении социальной инженерии – психологическом манипулировании людьми с целью совершения определенных и необходимых для манипулятора действий. В работе приведены статистические показатели распространения социального мошенничества, иллюстрирующие его резко возрастающий тренд. Актуальность проблемы обоснована статистическими сведениями о резко возросшем числе случаев COVID-мошенничества, многочисленными данными об индивидуальных потерях граждан, а также неослабевающей информационной активностью проблемы. Объект исследования – социальное мошенничество в период пандемии, предмет – манипулирование поведением человека методами социальной инженерии как инструментом достижения цели мошенниками. Целью является обоснование идеи о том, что в основе социального мошенничества лежат технологии социальной инженерии, ориентированные на манипулирование поведением человеком. Методология базируется на двух основных принципах современной психологии: принципе личностного подхода и генетическом (принципе развития), когда все психические явления рассматриваются как постоянно развивающиеся и изменяющиеся. Мошенничество рассматривается как один из видов преступлений против собственности. Показано, что основным квалифицирующим признаком социального мошенничества является использование обмана или злоупотребления доверием человека. Рассмотрена психология мошенничества – его обоих фигурантов: потенциальной жертвы и преступника. Приведены традиционные, бытующие в России виды социального мошенничества. Показано, что мошенники достаточно быстро адаптировались к ситуации массированного распространения эпидемии коронавируса: перепрофилировали и обновили методы воздействия на потенциальную жертву. Рассмотрены основные технологии и виды COVID-мошенничества. Приведены рекомендации специалистов по противодействию мошенничества, паразитирующего на пандемии COVID-19

Ключевые слова: мошенничество; пандемия; коронавирус COVID-19; социальная инженерия; психология; человеческие качества; жертва мошенничества; манипулирование; технологии и виды мошенничества; рекомендации

One of the most significant negative socio-significant phenomena of the COVID-19 coronavirus pandemic is the activation of a special kind of crime-fraud based on the conceptual position of social engineering – psychological manipulation of people in order to perform certain actions necessary for the manipulator. Statistical indicators of the spread of social fraud are presented, illustrating its sharply increasing trend. The relevance of the problem is justified by statistical data on the sharply increased number of cases of COVID-fraud, numerous data on individual losses of citizens, as well as the relentless information activity of the problem. The object of the study is social fraud during the pandemic, the pre-meth-manipulation of human behaviour by social engineering methods as a tool for achieving the goal of fraudsters. The goal is to substantiate the idea that social fraud is based on social engineering technologies aimed at manipulating human behavior. The methodology is based on two main principles of modern psychology: the principle of personal approach and the genetic (development principle), when all mental phenomena are considered as constantly developing and changing. Fraud is considered a type of crime

against property. It is shown that the main qualifying feature of social fraud is the use of deception or abuse of a person's trust. The psychology of fraud is considered it's both participants: the potential victim and the criminal. Traditional types of social fraud that exist in Russia are given. It is shown that fraudsters quickly adapted to the situation of massive spread of the coronavirus epidemic: they repurposed and updated methods of action on a potential victim. The main technologies and types of COVID fraud are considered. Recommendations of experts on countering fraud that is parasitic on the COVID-19 pandemic are given

Key words: fraud, pandemic, COVID-19 coronavirus, social engineering, psychology, human qualities, fraud victim, manipulation, technologies and types of fraud, recommendations

Введение. Сложные преобразования в экономике, внешней и внутренней политике, социальной сфере, наблюдающиеся в последние десятилетия в мире и особо проявляющиеся в последние годы в России, приводят к нарушению равновесия внутри социальных систем и между ними и способствуют формированию реальной или потенциальной нестабильности. Нестабильность, в понимании неустойчивости, является фундаментальной характеристикой современного мирового сообщества. Процессы нестабильности, характерные для российского государства, всегда сопровождали его историю, а в настоящее время приняли особо актуальный характер.

Характерной и практически всегда наблюдаемой особенностью социальной нестабильности является усиление криминализации общества, следствием чего является рост уровня преступности. Характерной особенностью рассматриваемого периода нестабильности является резкий рост мошенничества, которое трактуется как противоправное общественно опасное деяние, совершенное правоспособным лицом.

2020 год преподнес человечеству проблему, с которой оно не встречалось в последние несколько десятков лет – пандемию неизвестного вируса, получившего название «коронавирус COVID-19». Ситуация, вызванная массовым заболеванием и связанными с ним запретительными мерами, замедлила и в какой-то мере сдержала организованную преступную деятельность, однако она же привела к значительной активизации преступности иного рода – мошенничеству.

За время действия ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, в России резко выросло число зарегистрированных случаев мошенничества, причем исключительно за счет телефонной и интернет-составляющих. Согласно расследованию газеты «ВЗГЛЯД» [8], эксперты по информа-

ционной безопасности и криминологи высказывают серьезную обеспокоенность – в России на фоне пандемии COVID-19 возник бум интернет-мошенничества. Цифры поражают: 70 % всех сайтов российского сегмента Всемирной паутины, посвященных коронавирусу, созданы преступниками. По статистике Генпрокуратуры [12], за шесть месяцев 2020 г. число случаев такого мошенничества возросло на 76 % по сравнению с первым полугодием 2019 г. За три месяца 2020 г. число преступлений с использованием IT-технологий выросло почти на 84 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. По сравнению с прошлым годом в Санкт-Петербурге число зарегистрированных случаев мошенничества выросло вдвое, в Москве – на 76 %, в Свердловской области – на 60 %. Как подсчитали эксперты, киберпреступники создали более 10 тыс. фейковых ресурсов, связанных с темой пандемии коронавируса. Американцам мошенничество, связанное с пандемией коронавирусной инфекции, только с 1 января по 13 апреля 2020 г. уже стоило 13 млн долл. Изложенную ситуацию иллюстрирует диаграмма на рис. 1, где показано, что в структуре преступности РФ за первую половину 2020 г. мошенничество по распространенности занимает третью позицию.

Новостные ленты информационных агентств пестрят заголовками, иллюстрирующими, как мошенники эксплуатируют тему коронавируса: «Двойной обман: как мошенники выманивают деньги россиян, используя тему COVID-19», «Пандемию COVID-19 используют для массового обмана», «В США появился новый вид мошенничества, связанный с COVID-19: как защититься», «Ковид-мошенничество: как не попасться в ловушку», «Роспотребнадзор рассказал о новых видах мошенничества в связи с COVID-19», «Схемы мошенничества COVID-19», «Коронавирусный обман: мошенники наживаются на россиянах».

Рис. 1. Структура преступности в РФ за январь-август 2020 г. [3] /
 Fig. 1. The structure of crime in the Russian Federation for January-August 2020 [7]

Региональные информационные вестии, связанные с COVID-мошенничеством, приведем на примере Забайкальского края России: «Мошенники обманывают забайкальцев рекламой о выплатах из-за COVID-19», «Мошенники похитили свыше 250 тыс. рублей у забайкальцев за сутки», «В Забайкалье за сутки у семи человек мошенники похитили деньги с банковских карт», «Пенсионер перевел мошенникам свыше 1,5 млн рублей в Забайкалье».

Только два последних обстоятельства – неослабевающая информационная активность и цифры индивидуальных потерь граждан от COVID-мошенничества выводят рассматриваемую проблему в разряд актуальных.

Объект исследования – социальное мошенничество в период пандемии.

Предмет – манипулирование поведением человека методами социальной инженерии как инструмент достижения цели мошенника.

Цель исследования – обосновать идею о том, что в основе социального мошенничества лежат технологии социальной инженерии, ориентированные на манипулирование поведением человеком.

Для реализации поставленной цели приняты следующие задачи:

- выявить предпосылки интенсивной активизации социального мошенничества, обусловленной коронавирусной пандемией;
- показать, что методы социальной инженерии, используемые в современных мошеннических схемах, основаны на специфических особенностях психологии человека;

- обобщить наиболее распространенные виды COVID-мошенничества;
- обосновать и сформулировать предложения по противодействию мошенничеству.

Способ аргументации: ссылки на научные, публицистические источники и статистические данные.

Методологию исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания социальной действительности. В основу исследования положены методологические принципы всеобщей связи, объективности, системности. Методология базируется на двух основных принципах современной психологии: принципе личностного подхода и генетическом (принципе развития), когда все психические явления рассматриваются как постоянно развивающиеся и изменяющиеся. Охарактеризовать их можно лишь выяснив характерные особенности в данный момент, а также историю возникновения и перспективы развития.

Достижение указанной цели осуществлялось на основе применения общенаучных методов исследования в рамках сопоставительного, логического и статистического анализов, а также одного из частнонаучных методов исследования психологических особенностей людей – наблюдения как последовательного и целенаправленного восприятия психических явлений с целью изучения их изменений при определённых обстоятельствах.

Степень научной разработанности темы. Юридическому аспекту мошенничества уделено достаточное внимание: теоретические основы заложены С. В. Познышевым, Н. С. Таганцевым, И. Я. Фойницким (1871) и

др. Предметная область и границы применения социальной инженерии исследовал Ю. М. Резник. Ю. В. Быховцем, М. В. Дан. Международный опыт исследований и практические рекомендации населению в период пандемии коронавируса изучены Д. А. Никитиной. Анализ статистики интернет-мошенничества в период коронавируса проведен К. Г. Айрапетяном. Результаты исследования, посвященного отображению СМИ событий, связанных с пандемией COVID-19, приведены в работе Гарфина, Сильвера и Холмана [4]. С позиции психической травматизации ситуация с распространением COVID-19 рассмотрена Д. Хорешем и А. Брауном [5]. На сайте Международного общества по изучению травматического стресса (*istss.org*) представлены материалы о психологических проблемах людей, связанных с ситуацией распространения вируса COVID-19.

Результаты исследования и их обсуждение. Мошенничество – один из наиболее

распространенных видов преступлений. Оно известно с древних времен и входит в круг так называемых традиционных преступлений. Вместе с тем мошенничество, как никакой другой вид преступлений в современном мире, отличается необычным динамизмом форм – постоянным появлением новых способов обмана, их исключительной приспособляемостью к меняющимся социально-экономическим условиям; оно прошло полноценную эволюцию от обычной кражи до самых гениальных способов присвоения имущества, принадлежащего третьим лицам. Это, прежде всего, связано с тем, что современная жизнь весьма продвинулась в технологиях, общение интеллектуализируется и компьютеризируется.

Мошенничество рассматривается как один из видов преступлений против собственности [4], конкретное их содержание определяется различными фактическими обстоятельствами [1] (рис. 2).

Рис. 2. Виды преступлений против собственности [8] / Fig. 2. Types of crimes against property [5]

Существенным признаком мошенничества, отличающим его от других видов хищения чужого имущества, является то, что оно совершается с использованием обмана или злоупотребления доверием [2], в результате чего собственник денежных средств или иного имущества добровольно (по собственной инициативе) передает все основные правомочия вещного права: владения, пользования, распоряжения. Поэтому главной особенностью мошенничества как формы хищения является то обстоятельство, что потерпев-

ший, будучи введенным в заблуждение в результате обмана или доверяя виновному, сам добровольно передает ему имущество либо право на него, полагая, что последний имеет на это законное основание.

При любой форме обмана и злоупотребления доверием сущность их заключается в том, что мошенник путем уверений или умолчаний создает у потерпевшего неверное представление о каких-либо обстоятельствах и приводит его к убеждению об обязанности либо выгоды для него передачи имуще-

ства или имущественных прав. Иными словами, при мошенничестве переход имущества в пользу виновного осуществляется по волеизъявлению самого потерпевшего.

Какие конкретные виды мошенничества бытуют в России? Довольно внушительный список составляют более или менее традиционные виды: азартные игры (карты, наперстки, лотереи, казино); гадание; целительство во всех его безграничных формах, т. е. на основе ясновидения, различных видов магии («черная», «белая», «приворотная» и т. д.); парапрактики, т. е. шарлатанские и мошеннические операции, аферы, эксплуатирующие веру в сверхъестественные явления; попрошайничество; мошеннические виды рекламы и объявлений; политическая демагогия. Все шире распространяются религиозно окрашенные виды мошенничества: отмаливание, изгнание беса, исцеление верой, освящение и т. д.

Мошенники продолжают использовать и различные виды альтернативной медицины (парамедицины). «Самодельные целители», играя на неудовлетворенности людей официальной медициной и оперируя непонятными большинству, а потому и притягательно звучащими терминами (например, квантовая медицина) либо завораживающими словами «тибетская медицина», широко рекламируют и предлагают медитацию, гипнотерапию, гомеопатию, акупунктуру и натуропатию, магнитные и другие поля. Предлагаются процедуры и препараты омоложения: биохакинг, антиэйджинг и др.

Сложившаяся в 2020 г. ситуация, вызванная коронавирусом, карантином, вынужденными отпусками и каникулами, самоизоляцией, затмила все насущные людские проблемы. В силу обстоятельств, формирующихся на фоне испытываемых чувств тревожности, страха, часто и паники, неуверенности в благополучном исходе заболевания, возникают проблемы иного рода, одна из которых – отторжение от привычной активной жизни громадной части населения страны – служащих и работников, переведенных на удаленный режим работы; многочисленных педагогических работников, школьников и студентов; людей пенсионного возраста, вынужденных вести еще более одинокий образ жизни. Последние в силу устоявшихся взглядов и своего возраста уже мало способны адекватно реагировать на любые внешние

раздражители, выбивающие их из привычной жизненной колеи.

Как и в любые смутные времена, в истории страны во время пандемии особенно активизировалась «социальная пена» – воры, мародеры, вымогатели, хулиганы и другие представители асоциального слоя. Сосредоточим внимание на современных «остапах бендерах», специализирующихся на «сравнительно честных» способах отъема (увода) денег у населения.

Эта категория «специалистов» во все времена не испытывала дефицита в сферах своей деятельности. Пандемия COVID-19 преподнесла мошенникам поистине «золотую жилу» и они ей не преминули широко воспользоваться. С успехом ее освоили и зарубежные мошенники [6]: в ЮАР они выдают себя за сотрудников банка, «собирающих» банкноты, которые, как они утверждают, заражены вирусом; в Кении продают поддельные наборы для тестирования коронавируса; в Швейцарии преступники называют себя представителями госучреждений и просят доступ к имуществу, чтобы провести дезинфекцию; в Китае и Лаосе продают рога носорогов в качестве «лекарства» от коронавируса.

Приведем еще один пример информационной активности новостных сообщений, связанных с пандемией – информационный заголовок: «Fortinet: как киберпреступники применяют социальную инженерию во времена пандемии». Существующий специальный термин «социальная инженерия» трактуется как психологическое манипулирование людьми с целью совершения необходимых для мошенника действий. Он в полной мере применим и для обозначения обсуждаемой мошеннической деятельности. Здесь манипулирование поведением человека с использованием социальных и психологических навыков мошенников направлено на присвоение денежных и иных средств граждан, раскрытие персональных данных. Задача любого мошенника-«социального инженера» заключается в том, чтобы «взломать» психологию субъекта атаки, вывести его в сферу доверительных отношений и заставить предпринять необходимые для мошенника действия, которые в обычной жизни человек никогда не стал бы делать.

Мошенничество – это всегда взаимодействие как минимум двух людей – мошенника и

его «клиента», которое достаточно часто приводит к выигрышу мошенника и проигрышу субъекта аферы. Такой результат взаимодействия этих действующих лиц обусловлен тем, что в людях часто есть такие качества, черты характера или недостатки, которые помогают мошеннику обеспечить успех его акции.

Коротко о психологии мошенничества.

Психология потенциальной жертвы.

Мошенники эксплуатируют извечные черты человеческой природы, еще с древности заложенные в ментальности русского человека. Одной из самых негативных особенностей, широко распространенных в душе русского человека, является стремление что-то получить на дармовщину, речь идет о разбитом русском понятии «халявность». В это понятие можно включить желание и легкого беззатратного заработка, и быстрой легкой выгоды, т. е. те качества, на которых и основаны мошеннические технологии.

Другими центрами притяжения мошенников являются естественные (врожденные) человеческие качества. Здесь можно назвать большую или меньшую степень невежества человека в тех сферах, где действуют мошенники. Особенно это касается сложных, «документоёмких» бюрократических процедур. Пользуясь невежеством жертвы, ей могут подsunуть неверно составленный документ, предложить оплатить бесплатные услуги и т. п.

К этой же категории качеств относится и другое, присущее многим людям и часто способствующее превращению их в жертву мошенничества, – это абсолютная убежденность в высоких морально-нравственных качествах большинства людей, согласно которой они никогда не лгут. В определенной мере это качество порождается легковерием, чрезмерной доверчивостью, наивностью, инфантилизмом. И, наконец, объектом мошенничества чаще всего бывают люди, неуверенные в себе, не имеющие четкой жизненной позиции, пассивно соглашающиеся с мнением окружающего большинства людей, они легко меняют точку зрения и поддаются любым уговорам.

Справедливости ради следует сказать, что эти качества довлеют далеко не над всеми категориями современных людей.

О психологии мошенников. Прежде всего, отметим, что она настроена на единственную цель: жертва должна «услышать» мо-

шенника, принять его аргументы и доводы. Параллельно манипулятор должен минимизировать возможность потенциальной жертвы анализировать и рассуждать, тем самым подвигнуть субъекта атаки на путь совершения «роковой» ошибки.

Большинство исследователей этой сферы сходятся на понимании того, что мошенником может быть только человек, наделенный определенным набором интеллектуально-психологических свойств. По С. Е. Борисовой, он включает следующие элементы:

1) стремление быстро обогатиться без обычных трудовых усилий, жажда наживы, алчность, стремление приобрести материальные блага и склонность к легкой жизни;

2) более высокий уровень интеллекта (в частности, по сравнению с другими категориями преступников), умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, хладнокровие, расчетливость, способность владеть собой, умение понять психологию другого человека и вызвать к себе доверие, демонстрация сочувствия и сопереживания, актерские способности, наблюдательность, раскрепощенность поведения;

3) готовность использовать обман;

4) стремление к паразитизму, моральная распушенность, лицемерие, наглость и грубость (по данным А. И. Гурова);

5) владение приемами психологического воздействия на другого человека и иные качества [3].

Общую модель интеллектуально-психологических свойств мошенника сформируем из анализа еще нескольких работ [10; 11; 13], добавив к приведенному перечню следующие элементы:

– аттрактивность, т. е. способность эмоционально расположить к себе, вызвать симпатию;

– эмпатию как осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека;

– высоко развитое чувство превосходства, основанное на склонности некоторых людей к завышенной самооценке, стойком убеждении, что они лучше других и что никто и никогда не сможет подняться до их уровня. По мнению афериста, субъекты атаки, «безусловно», стоят в интеллектуальном отношении намного ниже мошенника и поэтому позволяют себя обманывать.

Мы уже говорили о том, что преступный мир в связи с пандемией перепрофилируется. Мошенники освоили новые приемы социальной инженерии – они достаточно качественно подделывают сайты государственных органов, организаций здравоохранения, благотворительных организаций и фондов, интернет-магазинов и банков. Персональные данные, «гуляющие» в сети, позволяют аферистам не только связываться с потенциальной жертвой, но и использовать практически все средства манипулирования – от убеждения до угроз и запугивания, при этом направляя все усилия на достижение основной цели – принятия необходимого для афериста решения.

Рассмотрим основные технологии COVID-мошенничества. Самыми распространёнными способами обращения к гражданам остаются телефонные звонки, текстовые сообщения (СМС), электронная почта. Несколько реже – личные посещения потенциальной жертвы под видом различных должностных лиц.

При выборе средств коммуникации с потенциальными жертвами у социальных мошенников практически никогда не бывает осечек: звонки и СМС-сообщения используются в основном для контактов с малообеспеченными лицами, практически не владеющими современными средствами коммуникаций. Тем, кому доступен интернет, кто более киберграмотен, рассылаются спам-письма о привлекательных «горящих» скидках, различных льготах, компенсациях, социальных выплатах.

Кроме того, совершению акта атаки на потенциальную жертву предшествует этап, на котором мошенник определяет и исследует жертву, осуществляет сбор информации о ней и выбирает способ атаки: мошенники быстро нащупывают болевые точки клиента и в соответствии с ними выстраивают свою легенду. Действия, сопряженные с обманом либо злоупотреблением доверием, осуществляются путем заранее срежиссированной беседы либо посылаемого сообщения, содержащего ложную информацию. Если действия мошенника принесли успех, то прекращение общения осуществляется очень деликатно, чтобы жертва не догадалась о совершении преступления. В целом весь «спектакль» осуществляется так, чтобы действия злоумышленника выглядели правдоподобно и выглядели как вполне легальные [9].

Одной из самых распространенных технологий, задействованных мошенниками в период пандемии, являются фишинговые сайты и фишинговые рассылки на разнообразные темы. Фишинговая схема мошеннического доступа к персональным данным, размещенным на индивидуальных онлайн-сервисах, пожалуй, одна из самых популярных схем социальной инженерии.

Виды мошенничества весьма разнообразны, назовем самые распространенные:

- предложения купить на мошеннических сайтах по предоплате маски с фильтром, отсеивающие вирус, антисептики, тесты на определение корона-вируса или вакцину от него; очистители воздуха, которые удаляют возбудителя вируса; медицинские препараты, средства профилактики и гигиены, якобы рекомендованные для защиты от COVID-19; лекарства, якобы помогающие от коронавируса. Перечислить деньги вам предлагают не на какой-то сомнительный сотовый телефон, а «официально» – прямо на «госпортале». Это придает схеме дополнительную убедительность;

- предложения о выдаче справок об отсутствии коронавируса. Подобные справки нужны тем, кто, например, возвращается из другой страны – для этого нужно сдать тест на коронавирус и получить отрицательный результат. Мошенники предлагают получить такой документ в обход медицинского учреждения, справка может стоить 2...5 тыс. р.;

- предложения в основном пожилым людям «бесплатных» врачебных услуг на дому: измерение давления, сдачу анализов, осмотр. Аферисты могут быть в белых халатах и шапочках, с набором медицинских инструментов, иметь на руках бланки рецептов. Они бойко оперируют медицинскими терминами. В обоснование своей явки обязательно сошлутся на проведение различных социальных и благотворительных программ;

- компенсации («путинские выплаты», «пособия») каких бы то ни было затрат категориям населения, пострадавшим от вируса. В письме сообщается, что государство уже раздало 39 309 144 р. Соответствующие поправки якобы только-только внесены в «действующее законодательство». Развитие этого вида – схема «двойного обмана». Согласно ей, предлагается возмещение ущерба людям, которые уже пострадали от интернет-преступников. Аферисты пытаются выдать себя

за представителей легитимных организаций (Министерство здравоохранения РФ или Всемирная организация здравоохранения) или используют названия несуществующих организаций, например, Международной службы «Единый центр возвратов», «Центра финансовой защиты», «Объединенного компенсационного фонда РФ». Вариация – сайт, точно копирующий «Вести России», рассказывает, что Путин все-таки решил выплатить народу деньги. Надо вот только перейти по ссылке и указать данные своей банковской карты;

– сообщения службы «геолокации», по показаниям которой человек нарушил «режим карантина» и должен уплатить штраф в размере 4 тыс. р. Штраф необходимо перевести на указанный номер телефона «в любом терминале оплаты сотовой связи». В случае неоплаты в течение 24 ч мошенники угрожали возбуждением уголовного дела по ст. 236 Уголовного кодекса («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»);

– сообщения об установленных контактах с человеком, зараженным коронавирусом. Злоумышленники предлагают потенциальной жертве прислать домой специалистов, которые всего за 5 тыс. р. сделают тест на COVID-19. Доверчивый гражданин переводит средства мошенникам, после чего те исчезают;

– внеплановая санитарная обработка жилья от вирусов, насекомых и прочей нечисти. Аферисты (обычно двое) в белых халатах или комбинезонах, масках и с дезинфекторами в руках имеют целью проникнуть в жилье. Один имитирует процедуру и отвлекает на себя внимание, другой... Вариация – хозяев просят подождать за дверью;

– просьбы принять участие в благотворительных акциях, например, пожертвовать на разработку вакцины от коронавируса, пожертвовать деньги на помощь пожилым людям или соотечественникам, оставшимся за рубежом, или на обеспечение масками детей, пенсионеров и малоимущих;

– массовые предложения служб доставки товаров во время карантинных ограничений. Мошенники на фейковых сайтах известных компаний предлагают значительную скидку на товары. При оформлении заказов, запрашивается предоплата...;

– лжеволонтерская деятельность: малоимобильным гражданам, одиноким пенсионе-

рам предлагается помощь в покупке лекарств, продуктов, других необходимых товаров. Подобные схемы обмана могут использовать и лжеволонтеры. Особо опасный вариант – лжеволонтеры-отравители, предлагающие бесплатные маски индивидуального пользования с обязательной просьбой ее примерить. Суть в том, что изделия пропитаны специальными составами. Когда жертва (а это, в основном, люди старшего возраста) примеряет такую маску, человек теряет сознание. Таким образом, грабители получают беспрепятственный доступ в квартиру...;

– обещание вернуть НДС, входящую в стоимость приобретенных товаров. Преступники публикуют видео с предложением возврата налога людям, которые из-за карантина остались без работы. Злоумышленники создают фейковый сайт, которому присваивают завлекающее название: «Единый центр компенсации НДС». Интерфейс поддельного ресурса полностью копирует государственные сайты. Человек должен перейти по ссылке и сделать несколько операций, которые на самом деле являются платными. Налоговым кодексом не предусмотрено возмещение НДС гражданам;

– предложения удаленной работы. Человеку, ищущему такую работу, предлагается оплатить необходимые для работы материалы, получить доступ к базе с заданиями, а также указать данные банковской карты, на которую будет переводиться зарплата. Люди, откликнувшиеся на фейковые вакансии, лишаются денег.

Логика построения статьи требует завершить ее рекомендациями специалистов по минимизации последствий нашествия мошенников, паразитирующих на пандемии. Нами предпринята попытка обобщить рекомендации по противодействию мошенничеству представителей правоохранительных органов и экспертов в области информационной безопасности, исследующих проблему COVID-мошенничества.

Сначала рекомендации из сферы общей психологии: сохраняйте общую разумность и рациональность, а также хладнокровие. Любое соблазнительное предложение от незнакомых лиц анализируйте с позиции «бесплатного сыра и мышеловки». Не паникуйте даже в сложной ситуации.

Теперь запреты – чего нельзя делать никогда:

1) верить в информацию о том, что экспресс-тесты и новейшие лекарства от коронавируса можно купить в интернете. Помните, что средств, излечивающих от нового коронавируса, пока не существует, а проходить тест необходимо при участии медицинского работника;

2) открывать дверь незнакомцам, даже если они в белых халатах, масках и представляются сотрудниками какой-либо городской службы. Всегда проверяйте наличие документов, в частности, служебного удостоверения. В карантинный период посещение больного медицинскими работниками обязательно должен предшествовать предварительный телефонный звонок;

3) терять бдительность при контакте с людьми, представляющимися волонтерами. Волонтеры никогда не пытаются зайти в дом или в квартиру. Они всегда обеспечены средствами индивидуальной защиты: одноразовыми медицинскими масками, перчатками и антисептиком, соблюдают все меры предосторожности. Волонтеры одеты в специальные куртки, носят специальные бейджи, имеют при себе паспорт гражданина РФ. И самое главное – волонтер знает номер заявки заказа и сообщает его в начале своего общения;

4) сообщать реквизиты своих банковских счетов и карт, код с оборотной стороны пластиковой карты, СМС-коды и пароли, присылаемые банками, и другую аналогичную информацию. Кроме аферистов, никто – ни чиновники, ни банкиры, ни правоохранители – не спрашивает CVV/CVC код и коды подтверждения, которые приходят в СМС или как push-уведомления;

5) настраивать компьютер по «совету» неизвестных позвонивших, а также скачивать на свой телефон непроверенные ссылки; открывать подозрительные письма и ссылки; переходить по сомнительным ссылкам, которые поступают вам в личных сообщениях в социальных сетях; открывать подозрительные вложения в письмах. Просто удалите их и заблокируйте отправителя. Нельзя переходить по коротким ссылкам вида bit.ly или goo.gl (их часто используют мошенники), даже если такие ссылки приходят от друзей и коллег – созвонитесь, напишите и все уточните [12];

6) звонить по тем телефонам, которые присылаются в сообщениях незнакомца происхождения;

7) откликаться на требование о предоплатах. При покупке товаров и услуг у незнакомых людей или на незнакомых интернет-ресурсах необходимо обращать внимание на форму оплаты. Если с вас требуют предоплату (частичную или полную), есть основания предполагать, что вы имеете дело с мошенниками;

8) ни при каких обстоятельствах перечислять деньги на счета и номера телефонов, сообщенных вам злоумышленником. Предложения от них часто бывают очень соблазнительными;

9) доверять письмам с вложениями и ссылками, уведомляющим «о задолженности по налогам, кредитам», ошибочным переводам даже от «банков» и «госорганов». Помните, что банковские менеджеры не звонят клиенту первыми;

10) доверять незнакомцам, просящим воды, лекарство, телефон для звонка родственникам или знакомым, явно имитирующим какой-либо приступ. Передать воду, таблетку или вызвать скорую помощь вы можете, не снимая с двери цепочку и не впуская незнакомцев в дом или квартиру;

11) подписывать документы до внимательного ознакомления с ними. Обязательно сверяйте правильность указанных данных;

12) использовать браузеры без встроенной защиты от фишинга. Наиболее подходящие браузеры Chrome, Safari или Firefox имеют встроенную защиту от фишинга.

Ну и последнее. Если вы стали жертвой или свидетелем мошенничества, немедленно сообщите в полицию.

Заключение. Проведенное исследование позволяет в сжатом виде сформулировать следующие обобщения и выводы:

1) пандемия коронавируса COVID-19 стала благодатной почвой для активизации и широкого распространения мошенничества, основанного на современных способах обмана и доверии граждан;

2) в основе разнообразных технологий и видов COVID-мошенничества лежит концептуальный принцип социальной инженерии – психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий;

3) основные виды COVID-мошенничества ориентированы на эксплуатацию чувств тревожности, страха, часто – паники, неуверенности в благополучном завершении пандемии коронавируса. Поэтому все пред-

ложения мошенников, способствующие благополучному исходу, часто не встречаются особого сопротивления граждан;

4) психологические качества людей, способствующие оказаться жертвой мошенников, заложены как в ментальности человека (желание получить беззатратную, быструю и легкую выгоду), так и в его естественных качествах – часто проявляющемся невежестве в тех сферах, где действуют мошенники, а также чрезмерной доверчивости и легковерии, отсутствию собственного мнения, способностей к быстрой смене точки зрения;

5) маркерные свойства психологии мошенника: владение приемами психологического воздействия на другого человека,

более высокий уровень интеллекта (в частности, по сравнению с другими категориями преступников), умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, хладнокровие, расчетливость, способность владеть собой, умение понять психологию другого человека и вызвать к себе доверие, демонстрация сочувствия и сопереживания, актерские способности, наблюдательность, раскрепощенность поведения.

Таким образом, социальное мошенничество – это современный вид преступления, который набирает обороты в преступном мире, становясь одной из актуальных проблем для современного общества и правоохранительной системы.

Список литературы

1. Асеев А.А. Отграничение мошенничества от присвоения или растраты: вопросы правильной квалификации и оптимизации уголовно-правовой борьбы с данными формами хищения чужого имущества // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. Т. 83, № 3. С. 393–398.
2. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
3. Борисова С. Е. Психологические особенности лиц, совершивших мошенничество, и их учет при расследовании преступлений // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 108–115.
4. Гусев О. Б., Завидов Б. Д., Коротков А. П., Слюсаренко М. И. Преступления против собственности: кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, вымогательство. М.: Экзамен, 2001. 192 с.
5. Защита от мошеннической деятельности. URL: <https://1113739602/БПД2%202016%20тема%204.pdf> (дата обращения: 01.11.2020). Текст: электронный.
6. Как пандемия влияет на преступность. URL: <https://pravo.ru/story/220476/> (дата обращения: 01.11.2020). Текст: электронный.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21244698/> (дата обращения: 02.11.2020). Текст: электронный.
8. Пандемию COVID-19 используют для массового обмана. URL: <https://vz.ru/society/2020/4/24/1035840.html> (дата обращения: 03.11.2020). Текст: электронный.
9. Сивчук Е. С. Социальная инженерия как способ мошенничества // Молодой ученый. 2020. № 41. С. 128–130.
10. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997. С. 309.
11. Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. С. 360–388.
12. Число дел о мошенничестве значительно выросло. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения: 01.11.2020). Текст: электронный.
13. Шейнов В. П. Психология обмана и мошенничества: Библиотека практической психологии. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 5.
14. Garfin D. R., Silver R. C., Holman E. A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020. 39. P. 355–357.
15. Horesh D., Brown A. D. Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. 12. P. 331–335.

References

1. Aseev A.A. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* (Bulletin of Tambov University. Series «Humanities»), 2010, Issue 3, vol. 83, pp. 393–398.
2. Boytsov A. I. *Prestupleniya protiv sobstvennost* (Crimes against property), St. Petersburg: Law Center Press, 2002, 775 p.

3. Borisova S. E. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* (Applied legal psychology), 2008, no. 1, pp. 108–115.
4. Gusev O. B., Zavidov B. D., Korotkov A. P., Slyusarenko M. I. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: krazha, moshennichestvo, prisvoenie ili rastrata, grabezh, razboj, vymogatelstvo* (Crimes against property: theft, fraud, embezzlement or embezzlement, robbery, robbery, extortion). Moscow: Exam, 2001, 192 p.
5. *Zaschita ot moshennicheskoy deyatel'nosti* (Protection from fraudulent activity). Available at: <https://1113739602/BPD2%202016%20tema%204.pdf> (Date access: 01.11.2020). Text: electronic.
6. *Kak pandemiya vliyaet na prestupnost* (The way the pandemic affects crime). Available at: <https://pravo.ru/story/220476/> (Date access: 01.11.2020). Text: electronic.
7. *Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar–avgust 2020 goda* (Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-August 2020). Available at: <https://мвд.рф/reports/item/21244698/> (Date access: 02.11.2020). Text: electronic.
8. *Pandemiyu COVID-19 ispolzuyut dlya massovogo obmana* (The COVID-19 Pandemic is being used for mass deception). Available at: <https://vz.ru/society/2020/4/24/1035840.html> (date accessed: 03.11.2020). Text: electronic.
9. Sivchuk E. S. *Molodoy ucheny* (Young scientist), 2020, no. 41, pp. 128–130.
10. *Slovar prakticheskogo psihologa* (Dictionary of practical psychology / comp. S. Yu. Golovin). Minsk: Harvest, 1997, p. 309.
11. Khristenko V. E. *Psihologiya povedeniya zhertvy: ucheb. posobie* (Psychology of victim behaviour: study guide). Rostov-on-don: Phoenix, 2004, pp. 360–388.
12. *Chislo del o moshennichestve znachitelno vyroslo* (The number of fraud cases has increased significantly). Available at: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (date access: 01.11.2020). Text: electronic.
13. Sheynov V. P. *Psihologiya obmana i moshennichestva* (Psychology of deception and fraud: Library of practical psychology). Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2005. P. 5.
14. Garfin D. R., Silver R. C., Holman E. A. *Health Psychology* (Health Psychology). 2020. no. 39, pp. 355–357.
15. Horesh D., Brown A. D. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy* (Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy), 2020, no. 12, pp. 331–335.

Коротко об авторах

Романов Валерий Григорьевич, д-р геол.-минер. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: право в недропользовании, право интеллектуальной собственности, информационное право, региональные социально-экономические проблемы, социальная статистика
vgromanow@yandex.ru

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, деловые коммуникации, региональные социально-экономические проблемы, социальная статистика
il.romanova2010@yandex.ru

Briefly about the authors

Valery Romanov, doctor of geol.-mineralogical sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: subsoil use law, intellectual property law, information law, regional socio-economic problems, social statistics

Ilona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, business communications, regional socio-economic problems, social statistics

Образец цитирования

Романов В. Г., Романова И. В. Социальное мошенничество «COVID-19» и манипулятивные технологии социальной инженерии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 57–67. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-57-67.

Romanov V., Romanova I. Social fraud-covid-19 and manipulative social Engineering technologies // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 57–67. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-57-67.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 18.11.2020 г.

УДК 37 (510)
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-68-74

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

BRIEF ANALYSIS OF EDUCATIONAL POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Т. А. Шаренкова,
Читинский институт Байкальского
государственного университета,
г. Чита
laoshi68@mail.ru

T. Sharenkova, Chita Institute of
the Baikal State University, Chita

К. А. Тарабарко,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
xiaoyun@yandex.ru

K. Tarabarko,
Transbaikal State University, Chita

Исследование посвящено проблематике образования, поскольку образование является стратегической сферой, формирующей общественное сознание и систему ценностей. Авторы полагают, что не следует преуменьшать значение образования и важность его реформирования, так как цели, содержание образования и степень его воздействия на всех респондентов образовательного процесса определяют современность и будущее общества. Процесс реформ в данной сфере охватывает все без исключения страны и государства. Образование отражает общую динамику встраивания интеллектуальной собственности в рыночные отношения, становится неотъемлемой частью «общества потребления». Предметом исследования является образовательная политика китайского руководства. Если ранее страны Востока обращали внимание и многое заимствовали у Запада – рыночную экономику, политические системы, а также систему образования, то в XXI в., наоборот, страны Запада изучают Восток. По мнению авторов, несмотря на многообразие работ, посвящённых рассматриваемой в статье проблематике образования, опыт Китая требует более глубокого изучения и переосмысления. Китайское правительство отводит образованию приоритетную роль, тесно увязывая экономические успехи общества с реформами образования. В этой связи тема статьи представляется весьма актуальной.

Методология исследования построена на комбинации дескриптивного и структурного анализа. В статье рассматриваются микро- и макротенденции развития образования в Китае в ближайшем будущем, что представляет собой практическую значимость исследования. Авторами делается вывод, что меры, принимаемые руководством КНР в сфере образования, являются весьма успешными и могут быть полезными для преодоления системного кризиса российского образования. По мнению многих ученых, в условиях глобализации конвергенция восточной и западной систем образования будет способствовать смене парадигм: технократический вектор обучения сменится на антропологический, а главным ресурсом образовательного процесса станет восточная философия и система образования стран Азии, в частности Китая. Аналитическая база исследования включает в себя законодательные и нормативные акты, материалы периодических изданий, обзор научных статей экспертов в сфере образования

Ключевые слова: система образования; образовательная политика; приоритетное направление; проблематика образования; реформирование; инновации; современные требования; основные тенденции развития; ресурс образовательного процесса; вектор обучения

The study is devoted to the problems of education, since education is a strategic area, as it forms public consciousness and a system of values. According to the authors, the importance of education and the importance of its reform should not be underestimated, since the goals, content of education and the degree of its impact on all respondents of the educational process determine the present and future of society. The reform process in this area currently covers all countries and states without exception. Education reflects the general dynamics of integrating intellectual property into market relations and becomes an integral part of the “consumer society”. The subject of this research is the educational policy of the Chinese leadership. If earlier the countries of the East paid attention and borrowed a lot from the West - the market economy, political systems, as well as the education system, now, in the 21st century, on the contrary, the countries of the West are studying the East. According

to the authors, despite the variety of works devoted to the problems of education considered in the article, the experience of China currently requires a deeper study and rethinking. The Chinese government prioritizes education, closely linking the economic success of society with education reforms. In this regard, the topic of this article seems to be very relevant.

The research methodology is based on a combination of descriptive and structural analysis. This article examines the micro and macro trends in the development of education in China in the near future, which is the practical significance of the study. The authors conclude that the measures taken by the leadership of the PRC in the field of education are very successful and can be useful for overcoming the systemic crisis in education in Russia. Today, in the opinion of many scientists, in the context of globalization, the convergence of the eastern and western education systems will contribute to a paradigm shift: the technocratic vector of education will be replaced by an anthropological one, and the main resource of the educational process will be the eastern philosophy and the educational system of Asian countries, in particular China. The analytical base of the study includes legislative and regulatory acts, materials from periodicals, a review of scientific articles by experts in the field of education

Key words: education system, educational policy, priority direction, reforming, innovations, modern requirements, main development trends

Введение. Проблемы образования выходят на приоритетную позицию, поскольку в условиях быстро меняющегося мира необходимо посредством образования и воспитания формировать и созидать человека, соответствующего современным требованиям, и в то же время не утратившего традиционные общечеловеческие ценности; а ценностные ориентиры, как известно, зарождаются в рамках ментальности образованной части общества с последующим распространением в массы.

Объектом исследования является сфера образования КНР.

Предмет исследования – образовательная политика китайского руководства. Инновационное развитие образования определяется не только тем, какие шаги будут приняты и принимаются внутри образования, но также и тем, как будет преобразовываться социально-экономическая действительность вовне.

Цель работы может быть обозначена как выявление основных направлений образовательной политики КНР. Обозначенная цель предполагает необходимость решения задач, поставленных в данном исследовании, а именно определить и оценить меры, принимаемые КНР для того, чтобы сфера образования соответствовала требованиям быстро меняющегося мира.

Методология и основные методы исследования: анализ, синтез, сравнение и обобщение. Аналитическая база исследования включает в себя законодательные и нормативные акты, материалы периодических изданий, обзор научных статей экспертов в сфере образования. Методология исследования построена на комбинации дескриптивного и структурного анализа.

Разработанность темы. Отечественные и западные ученые многоаспектно исследуют образование с целью гармоничного встраивания данной сферы в реалии современного мира, внедрения инноваций в учебный процесс и подготовки конкурентоспособных кадров. Ученые рассматривают данную проблематику с двух позиций: сфера образования – формирование ценностей или это арена для сотрудничества стран и т. д. [2; 3; 4; 6; 11].

Результаты исследования и область их применения. Взгляды современных ученых все больше обращены на систему образования в Китае, поскольку Китай в последние годы активно выходит на всемирный образовательный рынок и занимает лидирующие позиции.

Кроме того, передовые державы уделяют пристальное внимание вопросам повышения конкурентоспособности страны, переходу к инновационной модели развития. Китайское правительство опирается на человеческий потенциал как на один из главных факторов осуществления модернизации государства и фундаментальную характеристику его конкурентоспособности. В связи с этим в условиях поиска новых парадигм цивилизационного развития внимание к эффективно функционирующей системе образования с ее трансляционно-адаптационными возможностями становится особенно актуальным.

В своем докладе на XIX съезде КПК от 17 октября 2017 г. председатель Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин, определяя основные направления развития страны на ближайшие пять лет, отвел образованию одну из ведущих ролей. Он заявил, что

необходимо превращать страну в державу образования, что является основополагающей работой для великого возрождения китайской нации. По его мнению, необходимо, представляя дело образования как приоритетное направление работы, интенсифицировать реформу образования и форсировать его модернизацию. Си Цзиньпин ставит важнейшую задачу «приоритетно развивать образование, нацеленное на повышение совокупных личных качеств учащихся, возвращать нравственно, интеллектуально, физически и эстетически всесторонне развитых людей» [7].

В феврале 2019 г. ЦК Коммунистической партии Китая и Государственный совет издали документ «Модернизация образования Китая до 2035 г.». Система документов определяет план развития модернизации образования Китая вплоть до 2035 г., который рассматривается как итоговый в процессе модернизации образования [8].

Прогресс Китая детерминирован определенным количеством предпосылок социально-естественного характера, в том числе демографической аппрессией на относительно небогатые природные ресурсы. В данной ситуации, по мнению китайских лидеров, эволюция образования является ключевым условием экономического роста Китая и международного потенциала страны в процессе перехода к экономике знаний.

Китайский ученый Хань Цинсян пишет: «Знания, интеллектуальные способности, практические навыки, стабильная способность к творчеству станут душой будущей экономики знаний... Лишь имея достаточное количество многосторонне развитых людей с большим запасом знаний и навыков, тогда и только тогда у Китая появится возможность занять желаемое место в экономике знаний» [12].

По статистическим данным, система высшего образования КНР вышла на лидирующие позиции в мире. Прием в вузы увеличился с 7,2 % (1995 г.) от числа молодых людей соответствующего возраста до 21 % в 2005 г. Согласно прогнозам на 2020 г., если темпы роста системы высшего образования составят 3 %, то прием в вузы увеличится до 38 %, а при темпах в 4–5–6 % достигнет 45–52–61 % соответственно [15]. Из чего можно заключить, что в последние годы китайское высшее образование не только развивается высокими темпами, но и

неуклонно движется в сторону современных мировых стандартов.

Экспертами отмечается, что при открытом международном сотрудничестве нового типа всех стран можно достичь устойчивого развития мировой экономики [9]. Поскольку результативность внедрения новых технологий в различных сферах напрямую связана с накопленными знаниями, то внимание акцентируется именно на проблемах образования. В этой связи эксперты выделяют общенациональный, локальный (региональный) и универсальный (глобальный) уровни высшего образования [5]:

– *национальный* уровень: имеет место унификация стандартов высшего образования в ряде стран;

– *локальный* (региональный) уровень: процессы внутри региональных объединений (АТЭС, Евросоюза (Болонский процесс), АСЕАН); практики реформирования образования не только дают научному сообществу новые проекты для изучения и контроля феномена образования, но и предоставляют исторический опыт для развития регионального образования [14];

– *универсальный* уровень: возникновение и саморазвитие глобальных образовательных консорциумов, разрастание межуниверситетской кооперации, международных исследовательских объединений.

Исходя из общей структуры национального развития, социальных изменений, тенденций развития мирового образования и эволюции самого образования, китайские исследователи, опираясь на исторические, социологические и экономические методы, прогнозируют, что в будущем в образовании будут наблюдаться определенные микро- и макротенденции.

Микротенденции:

– *Более широкое использование информационных технологий.* Общество становится более интеллектуальным, автоматизированным и цифровым. Применение информационных технологий в образовании может повысить эффективность образования, снизить стоимость обучения, давая возможность получать образование дистанционно [10], а также способствовать достижению лучших результатов обучения.

– *Распространение смешанного обучения.* Так называемое гибридное обучение относится к сочетанию личного обучения и

обучения в режиме онлайн. Гибридное обучение – это не просто сочетание двух методов, а сочетание учебного оборудования, нескольких методов обучения, нескольких стратегий обучения и методов оценки, одновременного обучения и асинхронного обучения, разнообразных курсов и учебных ресурсов. Смешанное обучение использует все преимущества очного и онлайн-обучения.

Персонализация обучения. Необходимо применять целевое обучение в соответствии с характеристиками каждого учащегося, раскрывая потенциал талантливых учеников; реализовывать персонализированные учебные ресурсы с ускоренным обучением, помогать ученикам целенаправленно достигать результаты обучения. По прогнозам, в будущем в Китае индивидуальное обучение студентов будет все более распространенным, что, безусловно, станет одной из основных тенденций в развитии образования в Китае. По китайской традиции, человек (личность, индивидуальность) – это часть более крупной общественной группы: семьи, рода, общества, нации. Термин «*素质教育*» – «сучжи цзяюй» (личностно ориентированное образование) можно встретить в обсуждениях и педагогов, и исследователей в сфере общественно-политических наук. «Сучжи цзяюй» – «совершенствование качеств личности», что коррелирует с общей задачей образовательных преобразований, а конкретно: повысить качество китайской нации в целом, развивать креативность, индивидуальность и неординарность мышления, дать установку на сверхзадачу и инициативность и т. д. При этом личность все больше отождествляется с творчеством. Изменяя самих себя, люди начинают изменять общество.

– *Перенесение внимания с учебной деятельности преподавателя на учебно-познавательную, трудовую, эстетическую и другую деятельность обучающегося.* Преподаватель будет играть роль своеобразного «гида». Благодаря широкому применению информационных технологий, обучение становится ближе к личностно ориентированному. Роль большинства учителей больше не в том, чтобы напрямую передавать знания, а в том, чтобы проводить «индивидуальную настройку» для учащихся.

– *Персонализация направления обучения.* Происходит в связи с изменениями в социальных потребностях и широким приме-

нением информационных технологий. Только школы с большей индивидуальной направленностью могут удовлетворить потребности людей в лучшем образовании.

– *Обучение на протяжении всей жизни* станет стилем жизни людей, это новая философия обучения. По мере того, как человеческое общество вступает в общество знаний, знания обновляются все быстрее, соответственно и потребности общества в знаниях и способностях людей меняются с каждым днем. Обществу знаний нужны люди, которые постоянно обновляются. Глубокая интеграция информационных технологий и обучения на протяжении всей жизни представляет новую тенденцию двустороннего взаимодействия, а также способствует трансформации и модернизации непрерывного образования.

– *Обмены и сотрудничество в сфере образования* будут развиваться и дальше. Современный мир – это эпоха интернационализации. Многие области становятся более взаимопроницаемыми, и образование не является исключением. Правительства признают общую тенденцию интернационализации образования и ее значение в политике, культуре, образовании и активно принимают меры по ее развитию. Укрепление обменов и сотрудничества в сфере образования стали основной тенденцией в данной области. Поток учащихся и преподавателей усиливается. Философия образования, система учебных программ, учителя и модели школьного обучения интернационализируются. К примеру, в 2017 г. число иностранных студентов, обучающихся в Китае, составляло 544 500 человек, а число студентов, обучающихся за границей в 1978–2016 гг., составило 4,5866 млн. В 2016 г. число иностранных студентов превысило 440 тыс., и Китай стал крупнейшим местом для обучения в Азии. Масштабы китайско-иностранного кооперативного образования постоянно расширяются: в стране утверждено более 2500 китайско-иностраных кооперативных учебных заведений и проектов, в том числе более 1200 программ бакалавриата, около 450 тыс. иностранных студентов обучаются по программе кооперативного образования, выпущено более 1,5 млн дипломированных специалистов китайско-иностраных кооперативных школ [1; 13]. В соответствии с тенденцией развития глобальной интернационализации образования и устоявшейся политикой открытости

Китайские ученые прогнозируют дальнейшее развитие обменов и сотрудничества в сфере образования в Китае.

– *Развитие частного образования.* Основные причины: во-первых, развитие частного образования является мировой тенденцией. Доля приватизации в сфере образования растет. Все больше школ организуются, управляются и финансируются частными силами. Во-вторых, развитие частного образования одобрено правительством Китая. «Закон о поощрении частного образования» («中华人民共和国民办教育促进法») четко поясняет, что государство проводит политику активного поощрения и решительной поддержки частного образования. Различные меры, такие как ослабление условий доступа к частным школам, расширение каналов сбора средств, внедрение эквивалентной политики финансирования и налоговые стимулы создали благоприятную среду для устойчивого развития частного образования.

Исходя из ограниченных государственных финансовых вложений, основным направлением государственного образования является предоставление более качественных государственных услуг в сфере базового образования, в то время как частное образование может предоставлять более качественные дифференцированные образовательные услуги для удовлетворения индивидуальных потребностей образования людей. И государственное образование, и частное дополняют друг друга.

К макротенденциям можно отнести такие направления, как:

– *гуманизация образования.* В основе направления заложен принцип «以人为本» («ижэнь вэйбэнь») – «Человек в основе всего»;

– *гуманитаризация образовательного процесса.* Здесь выделяют следующие задачи: закладывать основы духовности, воспитывать культуру личности, формировать глобальное мышление, холистическую картину мира, поскольку от уровня понимания базисной общегуманитарной культуры напрямую зависит развитие личности в гармонии с общечеловеческой культурой;

– *национальная направленность образования.* Патриотическое образование олицетворяет собой согласие людей с интересами государства; модернизация образо-

вательной мысли, ее развитие и изменения в основном отражаются в изменениях в понимании людьми китайско-западных отношений и изменениях в их мышлении;

– *открытость системы образования:* цели образования зависят не только от госзаказа, но и от культурных, региональных, этнических и других условий образования;

– *творческая направленность образовательного процесса:* необходимо формировать всесторонне развитого созидательного человека, умеющего претворить в жизнь творческий потенциал в социально-экономических условиях как в собственных интересах, так и в интересах общества;

– *неразрывность и органическое сочетание обучения и воспитания:* содержание обучения и воспитания должно быть нацелено на формирование целостной и гармонично развитой личности.

Результаты исследования: авторами проанализированы основные тенденции развития китайского образования, выделены микро- и макротенденции, поскольку регуляция (рыночная и государственная) определяет содержание организационно-управленческого инструментального параметра – «внешнего» по отношению к самой системе образования, т. к. с его помощью задается пространство вызовов современному образованию.

Заключение. Таким образом, авторами делается вывод, что в последние годы КНР представляет собой одну из самых успешных иллюстраций социально-культурного реформирования, направленного на повышение качественных характеристик образования, науки, технологий и рыночных механизмов, а в итоге быстрой коммерциализации исследовательских разработок. А основные тенденции в образовании КНР, прогнозируемые китайскими исследователями, полностью совпадают с задачами, поставленными руководством Китая на XIX Всекитайском съезде КПК в 2017 г. В статье выделены внутренний и внешний векторы развития образования, созвучные с глобальной целью КПК – создание «общества единой судьбы». Данный опыт может иметь практическое значение для преодоления системного кризиса в процессе реформирования российского образования.

Список литературы

1. 2018 нянь цзяоюй пэйсюнь цзигоу шичан фачжань цюйши = Состояние и тенденции развития рынка образования и обучения в 2018 г. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/34347948> (дата обращения: 28.01.2020). Текст: электронный.
2. Дуранзик А., Пищерская Е.Н. Сближение стран и культур через глобальное сотрудничество в образовании // Российско-китайские исследования. 2018. Т.2. №3–4. С. 176–184.
3. Иокша Е. А. Современные тенденции развития образования в мире. URL: <http://ext.spb.ru/2011-03-29-09-03-14/75-correctional/12252-html> (дата обращения: 14.10.2019). Текст: электронный.
4. Озерникова Т.Г., Пруцких Т.А. Факторы и тенденции Российско-китайского сотрудничества в сфере образования // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне (Иркутск, 21–22 сентября 2015 г.): в 2 ч. Ч.1. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2016. С. 3–10.
5. Пищерская Е.Н., Флешлер О.И. Высшее образование в России в XXI веке: тенденции и проблемы // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 23. С. 44.
6. Пруцких Т.А., Пруцких А.А. Развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования (на примере Байкальского государственного университета) // Российско-китайские исследования. 2019. № 1. Т. 3. С. 42–48.
7. Си Цзиньпин. Полный текст доклада на 19-м Всекитайском съезде КПК от 18 окт. 2017 г. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm?from=singlemessage&isappinstalled=0 (дата обращения: 19.12.2019) Текст: электронный.
8. У Зуньминь. Чжаньван Чжунго Цзяоюй 2035 = Взгляд в будущее китайского образования 2035. URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJF> (дата обращения: 19.12.2019) Текст: электронный.
9. Фролов А.В. Влияние мирового кризиса 2008–2009 гг. на высшее образование и его глобализацию // *Almamater*. 2011. №3. С. 67–73.
10. Фэн Пинцзянь. Чжунго сяньдай юаньчэн цзяоюй фачжань дэ тэдянь хэ цюйши = Характеристика и тенденции развития современного дистанционного образования в Китае. URL: <https://wenku.baidu.com/view/3cde2a8529ea81c758f5f61fb7360b4c2e3f2afa.html> (дата обращения: 28.01.2020) Текст: электронный.
11. Хабдаева А.К. К вопросу об истории формирования буддийской образовательной традиции в Китае // *Философская мысль*. 2018. № 1. С. 8–13.
12. Хань Цинсян. Цзяньшэ жэньцай цянго дэ синдун ганлин = Программа построения державы человеческих ресурсов. Пекин: Чжунгун чжуньян Дансяо Чубаньшэ = Издательство центральной партийной школы. 2010. 427 с.
13. Цю Гуан'юй, Цзян Хун. Чжунго Вэйлай Цзяоюй Фачжань Цюйши Цюйши Юйцэ = Анализ тенденций развития будущего образования Китая. URL: <http://edu.people.com.cn/n1/2018/0201/c1053-29800860.html> (дата обращения: 28.01.2020). Текст: электронный.
14. Чжан Пинхай. Чжунго цзяоюй цаоци сяньдайхуа яньцзю = О ранней модернизации китайского образования. URL: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx> (дата обращения: 19.12.2019). Текст: электронный.
15. The 2006 Green Paper on Education in China (Зеленая книга: Образование в Китае 2006) / авт.-сост.: Фан Вэньяо, Чжан Ли и др. Пекин, 2006. С. 253–254. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129507/7/> (дата обращения: 23.10.2019). Текст: электронный.

References

1. 2018 nian jiaoyu peixun jigou shichang fazhan qushi (The state and development trends of the education and training market in 2018). Available at: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/34347948> (Date access: 28.01.2020). Text: electronic.
2. Duranzik A., Pischerskaya E.N. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya* (Russian-Chinese studies 2018), no 3–4, vol. 2, pp. 176–184.
3. Ioksha E. A. *Sovremennye tendentsii razvitiya obrazovaniya v mire* (Modern trends in the development of education in the world). Available at: <http://ext.spb.ru/2011-03-29-09-03-14/75-correctional/12252-html> (Date access: 14.10.2020). Text: electronic.
4. Ozernikova T.G., Prutskikh T.A. *Razvitie rossiysko-kitayskih otnosheniy: novaya mezhdunarodnaya realnost: materialy Vtoroy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy vo Vtoroy mirovoy voyne (Irkutsk, 21–22 sentyabrya 2015 g.): v 2 ch. Ch.1* (Development of Russian-Chinese relations: a new international reality: materials of the second International scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory in World War II: in 2 parts. Part 1). Irkutsk: Baykalsky gos. un-t, 2016, pp. 3–10.

5. Pischerskaya E.N., Flesher O.I. *Nauchny vestnik Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* (Scientific Herald of the Baikal State University of Economics and Law), 2014, no. 23, p. 44.
6. Prutskikh T.A., Prutskikh A.A. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya* (Russian-Chinese studies), 2019, vol. 3, no. 1, pp. 42–48.
7. Xi Jinping. *Polny tekst doklada na 19-m Vsekitayskom s"ezde KPK ot 18 okt. 2017 g.* (The full text of the report at the 19th All-China Congress of the CCP from October 18, 2017). Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm?from=singlemessage&isappinstalled=0 (Date access: 19.12.2019). Text: electronic.
8. Wu Zunming. *Vzglyad v budushchee kitajskogo obrazovaniya 2035* (A look into the future of Chinese education 2035). Available at: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJF> (Date access: 19.12.2019). Text: electronic.
9. Frolov A.V. *Almamater* (Almamater), 2011, no. 3, pp. 67–73.
10. Feng Pingjian. *Harakteristika i tendencii razvitiya sovremennogo distancionnogo obrazovaniya v Kitae* (Characteristics and development trends of modern distance education in China). Available at: <https://wenku.baidu.com/view/3cde2a8529ea81c758f5f61fb7360b4c2e3f2afa.html> (Date access: 28.01.2020). Text: electronic.
11. Khabdaeva A.K. *Filosofskaya mysl* (Philosophical Thought), 2018, no. 1, pp. 8–13.
12. Han Qingxiang. *Programma postroeniya derzhavy chelovecheskih resursov* (Program for building the power of human resources). Pekin: Izdatelstvo tsentralnoy partiynoy shkoly, 2010. 427 p.
13. Tszyu Guang'yu, Jiang Hong. *Analiz tendentsiy razvitiya budushchego obrazovaniya Kitaya* (Analysis of the future education development trends in China). Available at: <http://edu.people.com.cn/n1/2018/0201/c1053-29800860.html> (Date access: 28.01.2020). Text: electronic.
14. Zhang Pinghai. *O ranney modernizatsii kitayskogo obrazovaniya* (About the early modernization of Chinese education). Available at: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx> (Date access: 19.12.2019). Text: electronic.
15. The 2006 Green Paper on Education in China (*Zelenaya kniga: Obrazovanie v Kitae 2006*) / author: Fang Wenyao, Zhang Li, etc. Beijing, 2006, pp. 253–254. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129507/7/> (Date access: 23.10.2019) Text: electronic.

Коротко об авторах

Шаренкова Татьяна Аркадьевна, канд. филос. наук, доцент кафедры иностранных языков, Читинский институт Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия. Область научных интересов: современное китайское общество, аксиологические ценности современной китайской молодежи, образование в Китае, философия образования laoshi68@mail.ru

Тарабарко Ксения Александровна, канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: мягкая сила, концепция мягкой силы культуры Китая, практики мягкой силы культуры Китая xiaoyun@yandex.ru

Briefly about the authors

Tatiana Sharenkova, candidate of philosophical sciences, associate professor, Foreign Languages department, Chita Institute of the Baikal State University, Chita, Russian Federation, Sphere of scientific interests: modern Chinese society, axiological values of modern Chinese youth, education in China, philosophy of education

Kseniya Tarabarko, candidate of philosophical sciences, associate professor, Oriental and North American Regional Studies department, Transbaikalian State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: soft power, soft power of culture, the concept of "soft power".

Образец цитирования

Шаренкова Т. А., Тарабарко К. А. Краткий анализ образовательной политики КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 68–74. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-68-74.

Sharenkova T., Tarabarko K. Brief analysis of educational policy of the People's Republic of China // Transbaikalian State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 68–74. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-68-74.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.

DEVELOPMENT OF A PLATFORM ECONOMY IN RUSSIA: POSSIBLE NEGATIVE CONSEQUENCES FOR THE SIBERIAN AND FAR EASTERN REGIONS

РАЗВИТИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СИБИРСКИХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ

V. Blanutsa, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk
blanutsa@list.ru

В. И. Блануца, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

In the national project “Digital Economy of the Russian Federation” it is noted that the state will support the creation of leading platform companies. However, the project and numerous scientific comments on this project do not explain the possible socio-economic consequences of the development of the platform economy for certain groups of Russian regions. To develop regional development strategies, first of all, it is necessary to know the negative consequences. Therefore, the purpose of the study was to identify possible negative consequences of the platform economy development for the regions of the Siberian and Far Eastern Federal districts of Russia. The analysis of the global array of scientific publications on platform economics in comparison with the peculiarities of the socio-economic development of Siberia and the Far East has revealed five possible negative consequences: concentration of platform companies in the capital of Russia; polarization of the economic space; transformation of regional labour markets; increase in migration flows and chaotic spatial diffusion of innovations. Qualitative estimates were obtained for these consequences. Future products and services with ultra-low signal delay in 5G networks (Tactile Internet, holographic calls, etc.) were selected for a quantitative assessment. Calculations of the signal delay between 196 cities in Siberia and the Far East have showed that it will be possible to create six territorial digital platforms. The business ecosystems that can be created around these platforms can cover 52 cities. The rest of the cities will find themselves without access to new products and services. This will create a future digital inequality that will cover 260 times more people than the current inequality in access to 3G–4G networks. The results can be used to refine the national project

Key words: digital economy; platform economy; regional development; telecommunication network; ultra-low signal delay; city; region; digital divide; Siberian Federal District; Far Eastern Federal District

В национальном проекте «Цифровая экономика Российской Федерации» отмечено, что государство поддержит создание платформенных компаний-лидеров. Однако в проекте и в многочисленных научных комментариях к этому проекту не объясняются возможные социально-экономические последствия развития платформенной экономики для отдельных групп российских регионов. При разработке стратегий регионального развития в первую очередь необходимо учитывать возможные негативные последствия развития платформенной экономики для регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов России, их выявление и стало целью исследования. Анализ мирового массива научных публикаций по платформенной экономике в сопоставлении с особенностями социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока позволил определить пять возможных негативных последствий: концентрацию платформенных компаний в столице России, поляризацию экономического пространства, трансформацию региональных рынков труда, увеличение миграционных потоков и хаотизацию пространственной диффузии инноваций. Этим потенциальным явлениям дана качественная оценка. Для количественной оценки выбраны будущие продукты и услуги со сверхмалой задержкой сигнала в сетях 5G (Тактиль-

ный Интернет, голографические звонки и др.). Расчеты задержки сигнала между 196 городами Сибири и Дальнего Востока показали, что можно будет создать шесть территориальных цифровых платформ. Бизнес-экосистемы, которые могут быть созданы вокруг этих платформ, способны охватить 52 города. Остальные города окажутся вне доступа к новым продуктам и услугам. Это сформирует будущее цифровое неравенство, которое охватит в 260 раз больше населения, чем современное неравенство в доступе к сетям 3G–4G. Полученные результаты могут использоваться для уточнения национального проекта

Ключевые слова: цифровая экономика; платформенная экономика; региональное развитие; телекоммуникационная сеть; сверхмалая задержка сигнала; город; регион; цифровое неравенство; Сибирский федеральный округ; Дальневосточный федеральный округ

Introduction. Initial understanding of the digital economy [22; 33] has transformed into many different opinions and definitions [8]. Recently, the prevailing point of view is that digital platforms are at the heart of the digital economy [10; 34]. According to the most general definition, platforms “function as an interface between different groups of users and facilitate value-creating exchanges” [6, p. 1331]. Digital platforms have begun to affect all types of human activity. To understand this phenomenon, new concepts such as “platformization” [23], “platform revolution” [24], “platform society” [36], “platform power” [11], “platform capitalism” [30], “platform cooperativism” [27], “platform urbanism” [19] and “platform logic” [28] have appeared in the scientific literature. In economic research, the new phenomenon is called “platform economy” [10; 17; 28; 29; 31]. One of the scientific reviews [21] states that the first publications on the platform economy appeared in the early 2000s. In another study [28] it is proposed to count from the publication of D.S. Evans et al. in 2006 [9]. If you “dig deeper”, many of the provisions of the platform economy are based on the research of M.L. Katz and C. Shapiro on network externalities [16], which was published in 1985. A significant theoretical contribution to the foundation of the platform economy was made by research on “two-sided markets” (the platform is used for interaction between two groups of users who are sellers and buyers) [2; 25] and “multi-sided markets” (advertisers, investors, and other new groups are added to the previous two groups) [10; 15]. A separate research area is the study of business ecosystems that are formed around digital platforms [1; 13; 35]. New ideas are also generated in leading platform companies (Airbnb, Alibaba, Alphabet, Amazon, Apple, Baidu, eBay, Facebook, Netflix, Tencent, Uber, etc.).

In recent years, several strategic documents on the development of the digital economy have been adopted in Russia, in which,

among other things, the attention is paid to the platform economy. The government program “Digital Economy of the Russian Federation” was approved in July 2017 (Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r). This program has become the basis for the development of the national project, the passport of which was approved in December 2018 and published in February 2019. The national project was concretized in six federal projects (“Regulatory Regulation of the Digital Environment”, “Personnel for the Digital Economy”, “Information Infrastructure”, “Information Security”, “Digital Technologies” and “Digital Public Administration”), approved in May 2019. According to the national project, “at least 10 leading companies (ecosystem operators)” and “at least 10 industry-specific (industrial) digital platforms” should be created in 2020–2024. The Russian scientific community is actively discussing the national project (as of October 1, 2020, 657 journal articles on this topic were recorded in the eLIBRARY.RU Scientific Electronic Library). However, this set of publications does not contain scientific results that characterize the socio-economic consequences of the development of the platform economy for certain groups of Russian regions.

When forming regional development strategies, first of all, it is necessary to know the negative consequences. This will make it possible to develop regional programs to eliminate or reduce such consequences. In our study, the Eastern regions of Russia were selected as the analyzed territory, since there are numerous socio-economic data on this territory in the Institute of Geography named after V.B. Sochava of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IG SB RAS). Therefore, the purpose of the study is to determine the possible negative consequences of the development of the platform economy for the Siberian and Far Eastern regions. Since the platform economy

has just begun to form in Russia, it is necessary to determine a list of potential negative consequences based on an analysis of the national project, a literature review and clarification of the socio-economic characteristics of the Eastern regions. This will be a qualitative assessment. Quantification is possible if statistics are available for a particular type of future digital service. Previous studies [5] have made it possible to identify this type of service. It is associated with ultra-low signal latency in 5G networks (Tactile Internet, holographic calls, etc.) [18; 20].

Materials and methods. Global array of publications (the following databases were analyzed: www.link.springer.com, www.onlinelibrary.wiley.com, www.sciencedirect.com, www.journals.sagepub.com, www.ideas.repec.org, www.login.webofknowledge.com, www.scopus.com, www.elibrary.ru) and data from the IG SB RAS were used to compile a list of potential negative consequences. Cities, in which access to services with ultra-low signal latency is possible, were determined on the basis of the author's database for Russian telecommunications lines (compiled from reports of all telecom operators as of January 1, 2020). The algorithm for identifying such cities was developed by the author earlier [5]. The socio-economic significance of the selected cities was calculated by the number of their citizens (data from the Federal State Statistics Service were used as of January 1, 2020 [7]).

It is generally accepted that digital platforms are extraterritorial [24]. However, this applies primarily to global platforms. Local and regional platform companies offer products and services within a specific territory. There are no concepts of identifying such territories in the world science. Municipal or regional borders are usually used [12; 14]. This is incorrect, since the zones of platform influence can unite fragments of different municipalities and regions. To solve this problem, the author's concept of a "territorial digital platform" was used [4]. According to the concept, a large city (more than 250 thousand inhabitants) was singled out and the signal delay value was calculated relative to it (the formula is given in [18]) to all other cities. The area of a large city influence included only those neighboring cities, to which the signal delay in fiber-optic networks was extremely low (less than 1 millisecond). This allows you to place a digital platform in a large city in the future and form an ecosystem of users of the Tac-

tile Internet and related services (in real time). Since the national project plans to develop 5G networks only in territories with a population of more than 1 million people, our study identified groups of cities with such a number of citizens. This means that all cities that are not included in the groups will be left without services with ultra-low signal latency. From here, you can calculate the consequences of creating platform companies in large cities for each region. Negative consequences were quantified by the total number of citizens without access to new types of services.

Results and discussion. Our study assessed the potential impact of the platform economy on the socio-economic development of 21 regions (Republic of Altai, Republic of Buryatia, Republic of Sakha (Yakutia), Republic of Tuva, Republic of Khakassia, Altai Territory, Trans-Baikal Territory, Kamchatka Territory, Krasnoyarsk Territory, Primorye Territory, Khabarovsk Territory, Amur Region, Irkutsk Region, Kemerovo Region, Magadan Region, Novosibirsk Region, Omsk Region, Sakhalin Region, Tomsk Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Area). Analysis of the national project and global experience in platform research has revealed five Russian features that in the future may have a negative impact on the Siberian and Far Eastern regions.

The first possible negative consequence of the platform economy development in Russia may be the concentration of platform companies in the capital. The national project notes that the state will support the creation of 10 domestic leading companies. All major Russian state-owned companies are headquartered in Moscow and pay almost all taxes there. Most likely, the new leading platform companies will be localized in Moscow, and their ecosystems will cover all Russian regions. It is possible that leading companies will be created in various sectors of the digital economy and become monopolists in them. The development of platform companies indicates their desire to implement the "winner-takes-all" strategy [26]. With this development of events, platform companies through their ecosystems will make a profit in the Eastern regions, and pay taxes in the capital. This will contribute to a sharp decline in regional budgets, which are currently supported mainly by regional companies and territorial clusters.

The second negative consequence can be associated with the polarization of the economic

space. At present, Russia's economic space has been already polarized. Economic activity is concentrated mainly in urban agglomerations, most of which are located in the Western regions. The platform economy development will facilitate the concentration of companies in the capital region and surrounding regions, which will lead to an even greater polarization of space. Companies from the Eastern regions will have to enter the ecosystems of leading companies from the Western regions with the further prospect of absorbing the first by the latter. Since these processes are not regulated in any way in the national project for the development of the digital economy, the Eastern regions may eventually be left without their own platform companies at all. This can be called modern digital colonization, in which the Eastern regions will only supply data, and companies in the Western regions will process this data and develop.

The third negative consequence may be the transformation of regional labour markets. The labour platforms' development and the transition to remote work are changing employment in countries and regions [37]. In a platform economy, specialists with unique skills will receive higher salaries than they are currently, and low-skilled workers will become even poorer, as switching to temporary contracts will deprive them of their current social guarantees. For the Siberian and Far Eastern regions, this will lead to an increase in hidden unemployment, while in the Western regions this process will be mitigated by greater economic diversification. Platformization will also facilitate the closure of small service and retail companies in the Eastern regions, and new companies will be created closer to the capital, which will increase unemployment in Siberia and the Far East.

The fourth consequence may be an increase in migration flows. Now in the East of Russia there are flows of migrants from the periphery to regional centers and from regional centers to the Western regions. The development of the platform economy will help strengthen the so-called digital migration. As a result, highly qualified IT-specialists will move permanently to the Western regions (closer to the capital), where it is easier to find new and/or additional jobs in the conditions of economic turbulence. An increase in the outflow of population from Siberia and the Far East will have a negative impact on the entire economy.

The fifth negative consequence of the development of the platform economy can manifest itself in the chaotic spatial diffusion of innovations. The national project does not have a regional policy for spreading platform innovations. This would not matter with a single type of spatial diffusion. However, there are three types [3] and each of them has its own "spatial logic". If these processes are not regulated, then innovations waves will be directed to some regions, bypass other regions, and collide in third regions. As a result, there will be chaos, which will intensify with distance from the capital, since the leading platform companies will close innovation flows among themselves within Moscow, and the spread of innovations throughout the rest of Russia will be carried out randomly.

One of the ways to neutralize possible negative consequences is the formation of multi-sided territorial digital platforms in the regions as well as the formation of regional business ecosystems around them [4]. As a result of the study, it was found that six territorial digital platforms can be formed in the Siberian and Far Eastern regions (Table 1). This number of platforms is associated with the existing settlement system, the existing telecommunications network and the presence of at least 1 million people in the area of each platform influence. If in the distant future 5G networks start to be deployed in territories with a population of 0.5 to 1 million people, then digital platforms can be created in Barnaul, Kemerovo, Tomsk and Khabarovsk.

The socio-economic significance of the six platforms can be roughly estimated by the number of cities and urban populations that will have access to services and products with ultra-low signal latency. The study has found that in Siberia and the Far East, more than half of the population will not have access (in real time) to such services and products (Table 2). If we consider access for each region, the most favourable situation is in the Omsk Region (only the city of Tara is outside the influence of the platform). In four regions, the platforms can cover cities around regional centers (Novosibirsk, Krasnoyarsk, Vladivostok, and Irkutsk). A relatively unique situation has turned out in the Kemerovo Region, where the regional center (the city of Kemerovo) and the surrounding cities are out of access to the Novokuznetsk digital platform. All cities in the other 15 regions will not have access to the six platforms.

Table 1 / Таблица 1

A number of cities and urban population in areas of ultra-low signal delay from territorial digital platforms in Siberia and the Far East (as of January 1, 2020)/ Количество городов и численность городского населения в зонах сверхмалой задержки сигнала от территориальных цифровых платформ Сибири и Дальнего Востока (на 1 января 2020 г.)

Place of platform localization / Место локализации платформы	Number of cities / Количество городов	Urban population (thousand people) / Численность городского населения (тыс. чел.)
Novosibirsk / Новосибирск	9	1891,3
Krasnoyarsk / Красноярск	9	1452,0
Novokuznetsk / Новокузнецк	13	1269,6
Omsk / Омск	6	1244,0
Vladivostok / Владивосток	7	1129,6
Irkutsk / Иркутск	8	1066,3

Table 2 / Таблица 2

Distribution of the number of cities and urban population in the Siberian and Far Eastern regions, taking into account the presence or absence of ultra-low signal delay from digital platforms (as of January 1, 2020) / Распределение количества городов и численности городского населения по сибирским и дальневосточным регионам с учетом наличия или отсутствия сверхмалой задержки сигнала от цифровых платформ (на 1 января 2020 г.)

Regions / Регионы	Territory with ultra-low signal delay from platforms / Территория со сверхмалой задержкой сигнала от платформ		Other territory / Остальная территория	
	Number of cities / Количество городов	Urban population (thousand people) / Численность населения (тыс.чел.)	Number of cities / Количество городов	Urban population (thousand people) / Численность населения (тыс. чел.)
Republic of Altai / Республика Алтай	0	0	1	64,5
Republic of Buryatia / Республика Бурятия	0	0	6	521,3
Republic of Sakha (Yakutia) / Республика Саха (Якутия)	0	0	13	523,0
Republic of Tuva / Республика Тыва	0	0	5	147,3
Republic of Khakassia / Республика Хакасия	0	0	5	334,4
Altai Territory / Алтайский край	0	0	12	1248,2
Transbaikal Territory / Забайкальский край	0	0	10	515,9
Kamchatka Territory / Камчатский край	0	0	3	241,2
Krasnoyarsk Territory / Красноярский край	9	1452,0	14	594,4
Primorye Territory / Приморский край	7	1129,6	5	186,2
Khabarovsk Territory / Хабаровский край	0	0	7	970,6
Amur Region / Амурская область	0	0	10	463,6
Irkutsk Region / Иркутская область	8	1066,3	14	603,8
Kemerovo Region / Кемеровская область	13	1269,6	7	839,7
Magadan Region / Магаданская область	0	0	2	96,4
Novosibirsk Region / Новосибирская область	10	1914,7	4	112,9
Omsk Region / Омская область	5	1220,6	1	28,2
Sakhalin Region / Сахалинская область	0	0	24	360,5

End of the table

Tomsk Region / Томская область	0	0	6	773,1
Jewish Autonomous Region / Еврейская автономная область	0	0	2	80,2
Chukotka Autonomous Area / Чукотский автономный округ	0	0	3	25,8
Total / Всего	52	8052,8	144	8731,2

If the data in Table 2 are interpreted as the future digital inequality in the era of the Tactile Internet and 5G networks, then this inequality will be significantly greater than it is now. In the Siberian and Far Eastern Federal Districts, as of January 1, 2020, there were 190 cities with a connection to the unified fiber-optic network of Russia and 6 cities (Anadyr, Bilibino, Verkhoyansk, Pevek, Severo-Kurilsk and Srednekolymsk) were without such a connection (they were connected via satellite). Hence, the existing digital inequality is estimated at about 3.1% for the number of cities and 0.2% for the urban population. If 5G networks were formed on the same date and services with ultra-low signal latency were provided, the inequality would be 73.5% for the number of cities and 52.0% for the population. Based on these data, it can be assumed that the development of a platform economy in relation to new high-tech products and services will lead to an increase in digital inequality in Siberia and the Far East by 23.7 times in the number of cities and 260 times in the population.

Our study had several limitations. First, the situation with the future platform economy was projected onto the modern settlement system and telecommunications network. Perhaps in 10–20 years, the settlement and network in Siberia and the Far East will change. However, these processes are inertial, which gives rise to rough estimates. Secondly, urban-type settlements and rural settlements were outside the study. Taking these settlements into account will provide a more accurate estimate of the future digital divide. Third, the quantitative assessment was limited only to the development of regional platform companies for generating products and services with ultra-low signal latency. Other types of platform companies (for example, in the field of sharing economy [32]) were not analyzed. Fourth, the allocation of territorial digital platforms was made with a limit on the

population (at least 1 million people). Removing this limitation will allow you to look into a more distant perspective. Fifth, Siberian and Far Eastern business ecosystems, which can be formed by platform companies from European Russia, were not considered.

Conclusions. Comparison of the platform economy problems, given in the global array of scientific publications, with the peculiarities of regional development in Eastern Russia, has revealed five possible negative consequences: concentration of platform companies in Moscow, polarization of the economic space, transformation of regional labour markets, increase in migration flows and chaos of spatial diffusion of innovations. According to the author, in order to neutralize these negative consequences, it is necessary to create territorial digital platforms. However, the existing settlement system and telecommunications network will not eliminate the future digital inequality. Moreover, in Siberia and the Far East, the future inequality in access to products and services with ultra-low signal delay in 5G networks will be many times greater than the current inequality in access to 3G–4G networks.

The practical significance of our research may be related to the development of a new section "Regional Economic Policy" for the national project "Digital Economy of the Russian Federation", as well as to the formation of socio-economic development strategies in each of the 21 regions included in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. Further research can be aimed at developing methods for quantitatively assessing the five possible negative consequences of the platform economy development, which for Siberia and the Far East received only a qualitative assessment. In future research on products and services with ultra-low signal delay, it is desirable to overcome five limitations and conduct a more complete quantitative assessment.

References

1. Alaimo C., Kallinikos J., Valderrama E. *Journal Information Technology* (Journal Information Technology), 2020, vol. 35, no. 1, pp. 25–48.
2. Armstrong M. *RAND Journal of Economics* (RAND Journal of Economics), 2006, vol. 37, no. 3, pp. 668–691.
3. Blanutsa V. I. *Regional'nye issledovaniya* (Regional Studies), 2015, no. 3, pp. 4–12.
4. Blanutsa V. I. *Aktual'nye problem ekonomiki i prava* (Actual Problems of Economics and Law), 2019, vol. 13, no. 3, pp. 1362–1374.
5. Blanutsa V. I. *Regional Research of Russia* (Regional Research of Russia), 2019, vol. 9, no. 4, pp. 17–35.
6. Cennamo C., Santalo J. *Strategic Management Journal* (Strategic Management Journal), 2013, vol. 34, no. 11, pp. 1331–1350.
7. *Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2020 goda* (Population of the Russian Federation by municipality as of January 1, 2020). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (Date access: 20.09.2020). Text: electronic.
8. Dyachenko O. V. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* (Economic Revival of Russia), 2019, no. 1, pp. 86–98.
9. Evans D. S., Hagiu A., Schmalensee R. *Invisible engines: how software platforms drive innovation and transform industries* (Invisible engines: how software platforms drive innovation and transform industries). Cambridge: MIT Press, 2006. 409 p.
10. Evans D. S., Schmalensee R. *Matchmakers: the economics of multisided platforms* (Matchmakers: the economics of multisided platforms). Boston: Harvard Business Review Press, 2016. 272 p.
11. Evens T., Donders K. *Platform power and policy in transforming television markets* (Platform power and policy in transforming television markets). Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 304 p.
12. Harmaakorpi V., Rinkinen S. *Growth and Change* (Growth and Change), 2020, vol. 51, no. 2, pp. 626–645.
13. Hein A., Schreieck M., Riasanow T., Setzke D.S., Wiesche M., Bohm M., Krcmar H. *Electronic Markets* (Electronic Markets), 2020, vol. 30, no. 1, pp. 87–98.
14. James L., Halkier H. *European Urban and Regional Studies* (European Urban and Regional Studies), 2016, vol. 23, no. 4, pp. 831–847.
15. Jullien B. *American Economic Journal: Microeconomics* (American Economic Journal: Microeconomics), 2011, vol. 3, no. 4, pp. 186–219.
16. Katz M.L., Shapiro C. *American Economic Review* (American Economic Review), 1985, vol. 75, no. 3, pp. 424–440.
17. Kenney M., Zysman J. *Issues in Science and Technology* (Issues in Science and Technology), 2016, vol. 32, no. 2, pp. 61–69.
18. Kucheryavy A. E., Makolkina M. A., Kirichek R. V. *Elektrosvyaz'* (Telecommunication), 2016, no. 1, pp. 44–46.
19. Lee A., Mackenzie A., Smith G.J.D., Box P. *Urban Planning* (Urban Planning), 2020, vol. 5, no. 1, pp. 116–128.
20. Martin M., Mahfuzulhoq C., Bhaskar P., Dung P. *IEEE Communications Magazine* (IEEE Communications Magazine), 2016, vol. 54, no. 5, pp. 138–145.
21. McIntyre D. P., Srinivasan A. *Strategic Management Journal* (Strategic Management Journal), 2017, vol. 38, no. 1, pp. 141–160.
22. Negroponte N. *Being digital* (Being digital). London: Alfred A. Knopf, 1995. 252 p.
23. Nieborg D.B., Poell T. *New Media & Society* (New Media & Society), 2018, vol. 20, no. 11, pp. 4275–4292.
24. Parker G. G., van Alstyne M. W., Choudary S. P. *Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You* (Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You). New York: W. W. Norton & Company, 2016. 211 p.
25. Rochet J.-C., Tirole J. *Journal of European Economic Association* (Journal of European Economic Association), 2003, vol. 1, no. 4, pp. 990–1029.
26. Schilling M. A. *The Academy of Management Journal* (The Academy of Management Journal), 2002, vol. 45, no. 2, pp. 387–398.
27. Scholz T., Schneider N. (Eds.). *Ours to hack and to own: the rise of platform cooperativism, a new vision for the future of work and a fairer internet* (Ours to hack and to own: the rise of platform cooperativism, a new vision for the future of work and a fairer internet). New York: OR Books, 2016. 252 p.
28. Schwarz J. A. *Policy & Internet* (Policy & Internet), 2017, vol. 9, no. 4, pp. 374–394.
29. Spulber D. F. *Journal of Economics & Management Strategy* (Journal of Economics & Management Strategy), 2019, vol. 28, no. 1, pp. 159–172.

30. Srnicek N. *Platform capitalism* (Platform capitalism). Cambridge: Polity Press, 2017. 171 p.
31. Steinberg M. *The Platform economy. How Japan transformed the consumer Internet* (The Platform economy. How Japan transformed the consumer Internet). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2019. 304 p.
32. Sutherland W., Jarrahi M.H. *International Journal of Information Management* (International Journal of Information Management), 2018, vol. 43, pp. 328–341.
33. Tapscott D. *The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence* (The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence). New York: McGraw-Hill, 1994. 368 p.
34. Teece D. J. *Advances in Strategic Management* (Advances in Strategic Management), 2017, vol. 37, pp. 211–225.
35. Valdez-De-Leon O. *Technology Innovation Management Review* (Technology Innovation Management Review), 2019, vol. 9, no. 8, pp. 43–54.
36. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The platform society: public values in a connective world* (The platform society: public values in a connective world). Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
37. Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. *Work, Employment and Society* (Work, Employment and Society), 2019, vol. 33, no. 1, pp. 56–75.

Список литературы

1. Alaimo C., Kallinikos J., Valderrama E. Platforms as service ecosystem: Lessons from social media // *Journal Information Technology*. 2020. Vol. 35, no. 1. P. 25–48.
2. Armstrong M. Competition in two-sided markets // *RAND Journal of Economics*. 2006. Vol. 37, no. 3. P. 668–691.
3. Блануца В. И. Пространственная диффузия нововведений: сфера неопределенности и сетевая модель // *Региональные исследования*. 2015. № 3. С. 4–12.
4. Блануца В. И. Цифровая экономика Сибири: территориальные платформы для кластеров // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13, № 3. С. 1362–1374.
5. Blanutsa V. I. Territorial structure of the Russian digital economy: Preliminary delimitation of smart urban agglomerations and regions // *Regional Research of Russia*. 2019. Vol. 9, no. 4. P. 17–35.
6. Cennamo C., Santalo J. Platform competition: Strategic trade-offs in platform markets // *Strategic Management Journal*. 2013. Vol. 34, no. 11. P. 1331–1350.
7. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>. (Дата обращения: 20.09.2020). Текст: электронный.
8. Дьяченко О. И. Дефиниция категории «цифровая экономика» в зарубежной и отечественной экономической науке // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1. С. 86–98.
9. Evans D. S., Hagiu A., Schmalensee R. *Invisible engines: how software platforms drive innovation and transform industries*. Cambridge: MIT Press, 2006. 409 p.
10. Evans D. S., Schmalensee R. *Matchmakers: the economics of multisided platforms*. Boston: Harvard Business Review Press, 2016. 272 p.
11. Evens T., Donders K. *Platform power and policy in transforming television markets*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 304 p.
12. Harmaakorpi V., Rinkinen S. Regional development platforms as incubators of business ecosystems. Case study: Lahti Urban Region, Finland // *Growth and Change*. 2020. Vol. 51, no. 2. P. 626–645.
13. Hein A., Schrieck M., Riasanow T., Setzke D.S., Wiesche M., Bohm M., Krcmar H. Digital platform ecosystems // *Electronic Markets*. 2020. Vol. 30, no. 1. P. 87–98.
14. James L., Halkier H. Regional development platforms and related variety: Exploring the changing practices of food tourism in North Jutland, Denmark // *European Urban and Regional Studies*. 2016. Vol. 23, no. 4. P. 831–847.
15. Jullien B. Competition in multi-sided markets: Divide and conquer // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2011. Vol. 3, no. 4. P. 186–219.
16. Katz M. L., Shapiro C. Network externalities, competition, and compatibility // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75, no. 3. P. 424–440.
17. Kenney M., Zysman J. The rise of the platform economy // *Issues in Science and Technology*. 2016. Vol. 32, no. 2. P. 61–69.
18. Кучерявый А. Е., Маколкина М. А., Киричек П. В. Тактильный Интернет. Сети связи со сверхмалыми задержками // *Электросвязь*. 2016. № 1. С. 44–46.
19. Lee A., Mackenzie A., Smith G. J. D., Box P. Mapping platform urbanism: Charting the nuance of the platform pivot // *Urban Planning*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 116–128.

20. Martin M., Mahfuzulhoq C., Bhaskar P., Dung P. The Tactile Internet: vision, recent progress, and open challenges // IEEE Communications Magazine. 2016. Vol. 54, no. 5. P. 138–145.
21. McIntyre D. P., Srinivasan A. Networks, platforms, and strategy: Emerging views and next steps // Strategic Management Journal. 2017. Vol. 38, no. 1. P. 141–160.
22. Negroponte N. Being digital. London: Alfred A. Knopf, 1995. 252 p.
23. Nieborg D. B., Poell T. The platformization of cultural production: Theorizing the contingent cultural commodity // New Media & Society. 2018. Vol. 20, no. 11. P. 4275–4292.
24. Parker G. G., van Alstyne M.W., Choudary S.P. Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York: W.W. Norton & Company, 2016. 211 p.
25. Rochet J.-C., Tirole J. Platform competition in two-sided markets // Journal of European Economic Association. 2003. Vol. 1, no. 4. P. 990–1029.
26. Schilling M. A. Technology success and failure in winner-take-all markets: The impact of learning orientation, timing, and network externalities // The Academy of Management Journal. 2002. Vol. 45, no. 2. P. 387–398.
27. Scholz T., Schneider N. (Eds.). Ours to hack and to own: the rise of platform cooperativism, a new vision for the future of work and a fairer internet. New York: OR Books, 2016. 252 p.
28. Schwarz J. A. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-based economy // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, no. 4. P. 374–394.
29. Spulber D. F. The economics of markets and platforms // Journal of Economics & Management Strategy. 2019. Vol. 28, no. 1. P. 159–172.
30. Srnicek N. Platform capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 171 p.
31. Steinberg M. The Platform economy. How Japan transformed the consumer Internet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2019. 304 p.
32. Sutherland W., Jarrahi M.H. The sharing economy and digital platforms: A review and research agenda // International Journal of Information Management. 2018. Vol. 43. P. 328–341.
33. Tapscott D. The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1994. 368 p.
34. Teece D.J. Dynamic capabilities and (digital) platform lifecycles // Entrepreneurship, Innovation, and Platforms (Advances in Strategic Management). 2017. Vol. 37. P. 211–225.
35. Valdez-De-Leon O. How to develop a digital ecosystem: A practical framework // Technology Innovation Management Review. 2019. Vol. 9, no. 8. P. 43–54.
36. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The platform society: public values in a connective world. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
37. Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. Good gig, bad gig: Autonomy and algorithmic control in the global gig economy // Work, Employment and Society. 2019. Vol. 33, no. 1. P. 56–75.

The research was carried out at the expense of the state task (subject registration no. AAAA-A17-117041910166-3) / Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ регистрации темы AAAA-A17-117041910166-3)

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Viktor Blanutsa, doctor of geographical sciences, RAS expert in economic sciences, leading researcher, Laboratory of Geo-Resources Studies and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: political geography, strategic planning, economic development
blanutsa@list.ru

Блануца Виктор Иванович, д-р геогр. наук, эксперт РАН по экономическим наукам, вед. науч. сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: политическая география, стратегическое планирование, экономическое развитие

Образец цитирования

Blanutsa V. Development of a platform economy in Russia: possible negative consequences for the Siberian and Far Eastern regions // Transbaikalian State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 75–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-75-83.

Блануца В. И. Развитие платформенной экономики в России: возможные негативные последствия для сибирских и дальневосточных регионов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 75–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-75-83.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 06.11.2020 г.

УДК 338.36

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-84-92

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИИ 4.0

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE VIETNAM'S MANUFACTURING INDUSTRY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF INDUSTRY 4.0

Ло Тхи Хонг Ван,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
г. Санкт-Петербург
Hongvan289@gmail.com

Lo Thi Hong Van,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University

Л. А. Гузикова,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
г. Санкт-Петербург
Guzikova@mail.ru

L. Guzikova,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University

В статье исследуется развитие обрабатывающей промышленности Вьетнама в контексте Индустрии 4.0; выявляются вызовы, перспективы и пути развития после пандемии COVID-19. Методология исследования включает сравнительный анализ, элементы позитивного и нормативного анализа. Исследование основано на статистической информации, доступной на момент написания статьи (до 1 октября 2020 г.): данные вьетнамских и международных исследовательских организаций и органов статистики, в частности, официальных сайтов Всемирного банка и Главного статистического управления Вьетнама. Определена ведущая роль обрабатывающей промышленности в достижении устойчивого экономического развития в развивающихся странах, включая Вьетнам. На основе оценки развития обрабатывающей промышленности 2011–2019 гг. и динамики производства основных отраслей обрабатывающей промышленности под влиянием пандемии коронавируса в 2020 г. выявлены актуальные проблемы развития обрабатывающей промышленности в контексте Индустрии 4.0. Пандемия коронавируса с одной стороны рассматривается как причина замедления роста производства в обрабатывающей промышленности, а с другой – как условие для ускорения цифровой трансформации в промышленных обрабатывающих предприятиях. В статье выявлены основные вызовы и перспективы развития обрабатывающей промышленности Вьетнама в условиях четвёртой промышленной революции. Проблема с человеческими ресурсами в контексте четвертой революции промышленности была выявлена в некоторых конкретных отраслях, таких как текстильная промышленность, пищевая, производство машин и оборудования, путем анализа отчета об уровне готовности к Индустрии 4.0 промышленных предприятий Вьетнама в 2019 г. Представлены актуальные направления улучшения производства обрабатывающей промышленности во Вьетнаме для достижения устойчивого развития промышленности. Результаты работы могут использоваться при разработке политики развития обрабатывающей промышленности не только во Вьетнаме, но и в других развивающихся странах

Ключевые слова: развивающаяся страна; промышленность; обрабатывающая промышленность; развитие промышленности; устойчивое развитие экономики; вызовы, перспективы; Индустрия 4.0; индустриализация; Вьетнам

The purpose of the study is to identify the challenges, prospects and ways for the development of the manufacturing industry in Vietnam in the context of Industry 4.0, after COVID-19.

The article examines the development of the manufacturing industry in the context of Industry 4.0. The research methodology includes comparative analysis, elements of positive and normative analysis. The study is based on statistical information available within the period of writing the article (till October 1, 2020). The data of Vietnamese and international research organizations and statistics bodies, in particular, the websites of World Bank and General Statistics Office of were used. The leading role of the manufacturing industry in achieving sustainable economic development in developing countries, including Vietnam, was determined. Based on an

assessment of the levels of development of the manufacturing industry in Vietnam from 2011 to 2019 and the state of production of the main manufacturing industries under the influence of the coronavirus pandemic in 2020, urgent problems of the development of the manufacturing industry in the context of Industry 4.0 in Vietnam were identified. The coronavirus pandemic, on the one hand, is seen as the reason for the slowdown in production growth in the manufacturing industry, and on the other hand, as a condition for accelerating digital transformation in industrial manufacturing enterprises. The article identifies the main challenges and prospects for the development of the manufacturing industry in Vietnam in the fourth industrial revolution. The human resource challenge for the development of manufacturing in the context of the fourth industrial revolution was identified in some specific industries such as textiles, food processing, machinery and equipment manufacturing by analyzing the Report of 2019 about Industry 4.0 Readiness of Vietnam's industrial enterprises. The main priority areas for improving the production of the manufacturing industry in Vietnam to achieve sustainable industrial development are presented. The results of the work can be used in the development of policies for the development of the manufacturing industry not only in Vietnam, but also in other developing countries

Key words: *developing country, industry, manufacturing industry, industrial development, sustainable economic development, challenges, prospects, industry 4.0, industrialization, Vietnam*

Введение. Обрабатывающая промышленность является главной движущей силой индустриализации и модернизации экономики в развивающихся странах [5]. В. Б. Кондратьев считает, что индустрия 4.0 и обрабатывающая промышленность позволят этим странам участвовать в глобальных цепочках стоимости [3]. Цифровизация обрабатывающих отраслей промышленности стала двигателем цифровой трансформации национальной экономики [6]. Низкая производительность труда является фактором, препятствующим экономическому росту с точки зрения как скорости, так и устойчивости. По мере того, как факторы роста существующих обрабатывающих предприятий исчерпываются, а их эффективность снижается, цифровая трансформация открывает возможности для резкого повышения уровня производительности труда во всех отраслях [16]. Промышленный Интернет вещей (*Industrial Internet of Things – IIoT*) позволяет значительно изменить производственные мощности в обрабатывающей промышленности благодаря таким очевидным преимуществам, как сокращение количества брака, вызванного сбоями оборудования, экономия материалов, сокращение простоев и повышение производительности труда [8].

По нашему мнению, в контексте индустрии 4.0 и тенденции к увеличению доли сферы услуг в структуре экономики правильный выбор приоритетных направлений совершенствования обрабатывающей промышленности позволит достичь устойчивого развития промышленности и создать рациональную структуру экономики. Выбор приоритетов

развития должен базироваться на макроэкономических балансовых моделях [4].

Объектом исследования является обрабатывающая промышленность во Вьетнаме.

Предмет исследования представляет структуру обрабатывающей промышленности Вьетнама и показатели ее развития.

Цель исследования состоит в выявлении вызовов, перспектив и путей развития обрабатывающей промышленности Вьетнама в контексте индустрии 4.0 после пандемии COVID-19.

Для достижения цели последовательно поставлен и решен ряд *задач*:

1) выявить достижения и роль развития обрабатывающей промышленности как локомотива устойчивого роста экономики Вьетнама в 2008–2019 гг. в контексте индустрии 4.0;

2) проанализировать влияние пандемии коронавируса на развитие обрабатывающей промышленности во Вьетнаме и обосновать новые перспективы ее развития в контексте индустрии 4.0;

3) выявить вызовы развития обрабатывающей промышленности в контексте индустрии 4.0 и пути преодоления этих вызовов после COVID-19.

Материалы и методы исследования. Методология исследования включает сравнительный анализ и элементы позитивного и нормативного анализа. Исследование базируется на статистической информации международных исследовательских организаций и органов государственной статистики Вьетнама, а также на фактографических данных, содержащихся в интернет-публикациях по исследуемой теме.

Результаты исследования и их обсуждение. С 2008 по 2018 гг. индекс развития обрабатывающей промышленности Вьетнама увеличился на 29 позиций – с 67 места в 2008 г. до 38 в 2018 г. [17]. За 20 лет доля средне- и высокотехнологичной обрабатывающей промышленности в общем объеме производства обрабатывающей промышленности повысилась с 26 до 41 %. Доля экспорта средне- и высокотехнологичных промышленных товаров в общем объеме экспорта промышленных товаров отметилась значительным ростом – с 26 % в 2008 г. до 55 в 2018 г. [19]. Эффективность использования возможности развития обрабатывающей промышленности в четвертой революции налицо. Перспектива Вьетнама – стать индустриальной страной с направлением моделирования.

В 2011–2019 гг. объем производства обрабатывающей промышленности Вьетнама увеличился в 2,4 раза – с 18,10 млрд долл.

США в 2011 г. до 43,17 млрд долл. США в 2019. Темп прироста этого показателя снизился с 14,1 % в 2011 г. до 7,2 % в 2013. В дальнейшем темп прироста обрабатывающей промышленности увеличивался вплоть до 2017 г., а после этого начался новый спад. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте товаров неуклонно росла и в 2019 г. составила 94,09 %. Динамика показателей обрабатывающей промышленности Вьетнама в 2011–2019 гг. представлено в табл. 1.

Промышленная революция 4.0 требует от национальных экономик изменения экономической структуры и модернизации производства [12]. С 2008 до 2018 гг. в структуре обрабатывающей промышленности Вьетнама происходили следующие изменения: доля пищевой промышленности снизилась с 22,5 до 13,7 %, а доля производства машин и оборудования увеличилась с 13,7 до 32,9 % (рис. 1, 2).

Таблица 1 / Table 1

Рост обрабатывающей промышленности Вьетнама в 2011–2019 гг. /
Manufacturing growth of Vietnam from 2011 to 2019 [11; 19]

Показатель / Index	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем производства обрабатывающей промышленности, млрд долл. США / Manufacturing output, USD billion	18,10	20,70	22,83	24,54	26,46	29,28	34,31	39,23	43,17
Темпы прироста обрабатывающей промышленности, % / Growth rate of the manufacturing industry, %	14,1	9,0	7,2	7,4	10,6	11,9	14,4	13,0	11,3
Доля добывающей промышленности в ВВП, % / Share of the mining industry in GDP, %	9,87	11,42	11,01	10,82	9,61	8,12	7,47	7,37	6,72
Доля обрабатывающей промышленности в ВВП, % / Share of manufacturing in GDP, %	13,4	13,3	13,3	13,2	13,7	14,3	15,3	16,0	16,5
Доля остальных отраслей промышленности в ВВП, % / Share of other industries in GDP, %	3,41	3,47	3,77	4,11	4,5	4,71	4,86	5,04	5,35
Доля добывающей промышленности в общем объеме экспорта, % / Share of the mining industry in total exports, %	-	-	-	5,42	2,70	1,69	1,73	1,30	0,96
Доля обрабатывающей промышленности в общем объеме экспорта, % / Share of the manufacturing industry in total exports, %	-	-	-	88,46	92,54	93,25	93,74	94,69	94,09
Доля остальных отраслей промышленности в общем объеме экспорта, % / Share of other industries in total exports, %	-	-	-	0,07	0,06	0,05	0,04	0,04	0,07

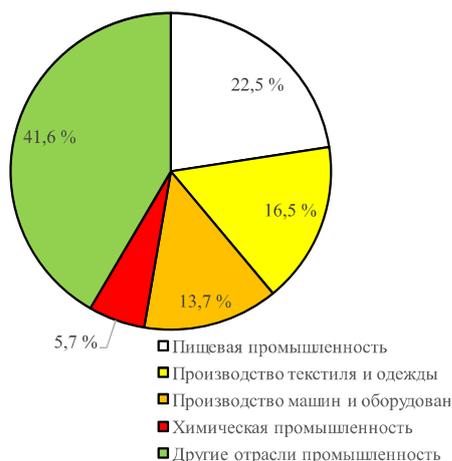

Рис. 1. Структура обрабатывающей промышленности в 2008 г. /
Fig. 1. Structure of manufacturing industry in 2008 [11]

Рис. 2. Структура обрабатывающей промышленности в 2018 г. /
Fig. 2. Structure of manufacturing industry in 2018 [11]

Производство машин и оборудования постепенно занимает ведущее место в структуре обрабатывающей промышленности. Опыт Германии показал, что концепция развития промышленности 4.0 внедрялась в практику производства обрабатывающей промышленности в первую очередь в машиностроении, автомобильной промышленности [2]. Производство машин и оборудования во Вьетнаме стало приоритетной отраслью обрабатывающей промышленности, что создает возможности для усиления четвертой промышленной революции во Вьетнаме.

Текстильная и электронная промышленность, считают П. А. Севостьянов и А. В. Фирсов, являются отраслями обрабатывающей промышленности, которые больше всего пострадают от Индустрии 4.0 из-за быстрого распространения технологий через канал импорта-экспорта. Достижения в области автоматизации и технологии 3D-печати уменьшают конкурентное преимущество дешевой рабочей силы в развивающихся странах, что в полной мере относится к Вьетнаму [7]. Отчет Международной организации труда (ILO) показывает, что до 86 % работников текстильной и обувной промышленности во Вьетнаме подвергаются высокому риску потери работы под воздействием технологических достижений [9]. В 2019 г. только 13 % вьетнамских рабочих в текстильной и швейной промышленности являлись квалифицированной рабочей силой, способной применять новые технологии в производстве [10].

Без улучшения качества трудовых ресурсов в текстильной и швейной промышленности Вьетнам может потерять свои позиции на мировом текстильном рынке.

Пандемия коронавируса стала тестом на устойчивость развития экономики и, в частности, обрабатывающей промышленности во всех странах мира. Структурная перестройка экономики во Вьетнаме состоит в увеличении доли обрабатывающих отраслей и диверсификации народного хозяйства. Быстро растет промышленное производство лекарственных средств, лекарственных химикатов и ботанических продуктов. В 2012–2018 гг. темпы роста производства лекарственных средств, лекарственных химикатов и ботанических продуктов увеличились с 6 до 19,5 % [11]. Быстрое развитие фармацевтической промышленности помогло Вьетнаму взять на себя инициативу в удовлетворении внутреннего спроса на лекарства и предметы медицинского назначения для борьбы с пандемией коронавируса. Текстильная и швейная промышленность Вьетнама быстро преодолела трудности, вызванные сокращением производственных контрактов с иностранными предприятиями, и изменила направления производства в ответ на вызовы пандемии. Ряд текстильных предприятий перешли на производство медицинской одежды и средств защиты для удовлетворения внутреннего спроса и экспорта. Согласно статистике Министерства промышленности и торговли, 50 текстильных предприятий к

концу марта 2020 г. поставили на рынок около 57 млн антибактериальных масок всех видов. Производственные мощности предприятий составляют около 8 млн штук антибактериальных масок в день, в среднем около 200 млн штук в месяц [14]. На рис. 3 отраже-

ны индексы промышленного производства по отраслям обрабатывающей промышленности Вьетнама за первые девять месяцев 2020 г. в сравнении с аналогичными показателями 2019 г.

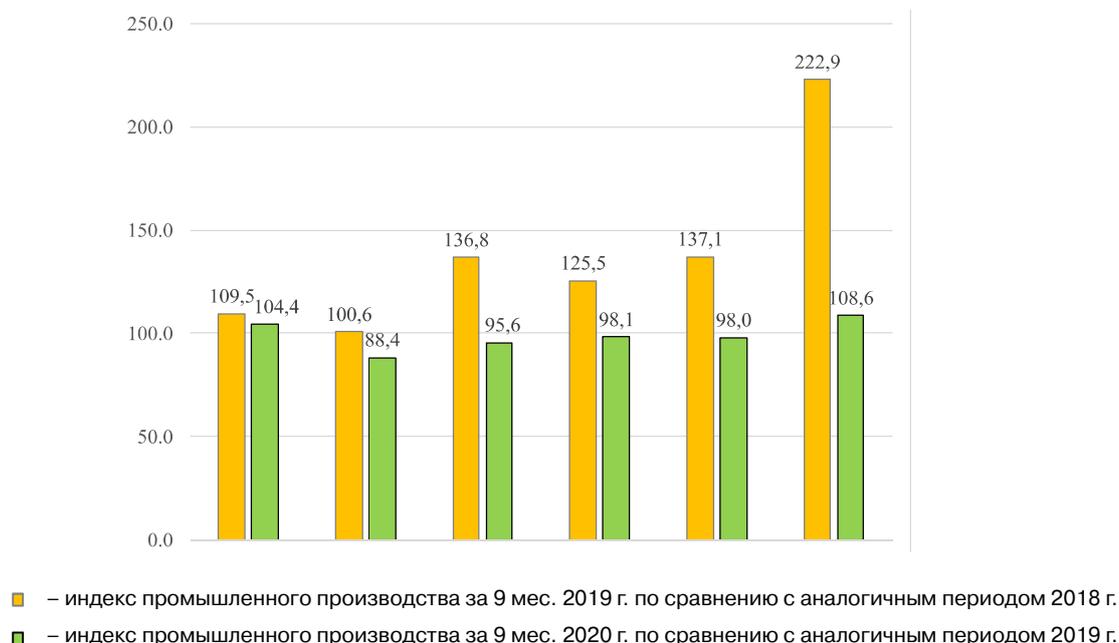

Рис. 3. Динамика индексов промышленного производства по отраслям промышленности за первые девять месяцев 2019 и 2020 гг. / Fig. 3. Dynamics of industrial production indices by industry in the first nine months of 2019 and 2020 [11]

Пандемия коронавируса оказала сильное влияние на все отрасли обрабатывающей промышленности и выявила наиболее актуальные проблемы обрабатывающей промышленности во Вьетнаме, существенно зависящей от поставок сырья и компонентов, импортируемых из стран, затронутых пандемией. Зависимость от импорта сырья из некоторых азиатских стран, в том числе Китая, Кореи и Японии, привела к значительному сокращению производства в текстильной и швейной промышленности, в производстве машин и оборудования из-за нестабильных поставок.

Вместе с тем пандемия коронавируса открыла новые перспективы развития обрабатывающей промышленности Вьетнама в контексте Индустрии 4.0. Воздействие пандемии радикально изменило позиции некоторых экспортных товаров обрабатывающей промышленности. В группе основных экспортных товаров с масштабом более 30 млрд долл. в год за первые 6 месяцев

2020 г. текстильная промышленность потеряла второе место по объему экспорта, уступив место компьютерам, электронным изделиям и компонентам [11]. Развитие производства компьютеров и электронных изделий создает предпосылку для совершенствования национальной информационной инфраструктуры и усиления Индустрии 4.0 во Вьетнаме. Эпидемия коронавируса ускорила тенденцию к применению технологии 4.0 в обрабатывающей промышленности, создав новую мотивацию для предприятий строить умные фабрики, полностью автоматизировать производственные процессы.

Хотя в обрабатывающей промышленности в последние годы произошло заметное повышение производительности труда, разрыв в производительности труда со странами со средним уровнем дохода и некоторыми развивающимися странами все еще велик. Производительность труда в обрабатывающей промышленности Вьетнама в 2017 г.

составила всего 12,5 % от уровня производительности Сингапура, 9,7 % – Кореи, 8,3 % – Японии и 6,4 % от уровня Малайзии [18].

Индустрия 4.0 дает Вьетнаму возможность сократить разрыв в производительности труда с новыми индустриальными странами Азии; содействовать реструктуризации обрабатывающей промышленности по направлению увеличения доли отраслей, использующих технологии нового поколения [13]. Однако существует проблема с человеческими ресурсами для развития обрабатывающей промышленности в контексте четвертой революции промышленности. По отчету об уровне готовности к Индустрии 4.0 промышленных предприятий Вьетнама в 2019 г., только 15 % промышленных предприятий находятся на начальной стадии готовности к Индустрии 4.0, остальные 85 % промышленных предприятий совершенно не готовы к использованию технологий Индустрии 4.0 [15]. Вьетнам принадлежит к группе стран, которые не готовы к Индустрии 4.0, занимая лишь 70/100 место по человеческим ресурсам и 81/100 место по высококвалифицированной рабочей силе [15]. Примечательно, что только 38,3 % предприятий пищевой промышленности имеют готовность кадровых ресурсов к Индустрии 4.0 на базовом уровне; 13 % предприятий этой отрасли, с точки зрения кадровых ресурсов, к Индустрии 4.0 полностью не готовы. В производстве машин и оборудования базовый уровень готовности имеют только 36 % предприятий, около 43 % предприятий этой отрасли полностью не удовлетворяют требованиям по качеству трудовых ресурсов. Только 30,7 % предприятий текстильной и швейной промышленности имеют рабочую силу, которая соответствует базовому уровню готовности к переходу на технологии 4.0 [15].

В исследовании Р. И. Акмаевой, А. В. Бабкина и Н.Ш. Епифановой утверждается, что восстановление экономики после пандемии COVID-19 потребует долгосрочной комплексной стратегии, а отрасли и компании, сделавшие ставку на цифровые бизнес-модели, будут готовы к новой посткризисной реальности лучше других [1]. Для развития обрабатывающей промышленности в контексте Индустрии 4.0 можно пред-

ложить следующие актуальные направления развития:

- активный поиск поставщиков сырья, чтобы обеспечить диверсификацию поставок и избежать сырьевой зависимости только от Китая;

- продвижение инноваций на промышленных предприятиях для повышения производительности труда и адаптации к Индустрии 4.0;

- построение долгосрочной стратегии развития человеческих ресурсов в обрабатывающей промышленности с целью повышения готовности к технологии 4.0;

- совершенствование обучения и подготовки человеческих ресурсов в текстильной промышленности, производстве машин и компонентов, производстве компьютеров и электронного оборудования;

- построение модели «промышленная академия» на предприятиях обрабатывающей промышленности. Это означает, что предприятия имеют автономию в обучении и повышении качества человеческих ресурсов и сотрудничестве с учебными заведениями, авторитетными в области технологии 4.0. Эта модель будет применяться в первую очередь в крупных корпорациях в обрабатывающей промышленности, таких как производство компьютеров, автомобилей, электроники и текстиля.

Заключение. Изменения в транспортных операциях и проблемы с импортными поставками, вызванные пандемией коронавируса, повысили риск дестабилизации обрабатывающей промышленности во Вьетнаме. Реакцией на повышение риска должно стать развитие информационных технологий в обрабатывающей промышленности. Содействие инновациям в контексте промышленной революции 4.0 поможет повысить стабильность экономики при внезапных изменениях внешней среды, таких как пандемии и стихийные бедствия. Цифровая трансформация – единственный способ не упустить возможность сократить разрыв в экономическом развитии между Вьетнамом и новыми индустриальными странами. Результаты работы могут быть использованы при разработке политики развития обрабатывающей промышленности как во Вьетнаме, так и в других развивающихся странах.

Список литературы

1. Акмаева Р. И., Бабкин А. В., Епифанова Н. Ш. О стратегиях восстановления российских организаций после COVID-19 // Научно-технические ведомости СПбПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 115–128.
2. Белов В.Б. Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия «Индустрия 4. 0» // Современная Европа. 2016. № 5. С 11–22.
3. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 3. С. 170–178.
4. Малышев Е. А. Методология прогнозирования выбора долгосрочных приоритетов инновационного развития приграничных территорий на основе макроэкономических и балансовых моделей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 122–135.
5. Пороховский А. А. Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее: сб. пленарных докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2018) / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2018. С. 81–98.
6. Прошкина С. И. Развитие цифровой экономики: производственный сектор и индустрия 4.0 // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 3. С 91–96.
7. Севостьянов П. А., Фирсов А. В. Информационные и компьютерные технологии в текстильной промышленности // Известия Высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2018. № 4. С. 107–109.
8. Толкачев С. А., Морковкин Д. Е. Тренды цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности Германии и России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 260–272
9. ASEAN in Transformation – How technology is changing jobs and enterprises. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/cstd2016_p24_Jae-HeeChang_ILO_en.pdf (дата обращения: 15.10.2020). Текст: электронный.
10. Challenges for human resources of Vietnam's textile and garment industry in the context of the Industrial Revolution 4.0. (на вьет.). URL: <https://khcncongthuong.vn/tin-tuc/t3311/thach-thuc-doi-voi-nguon-nhan-luc-det-may-viet-nam-trong-boi-canh-cuoc-cach-mang-cong-nghiep-4-0.html> (дата обращения: 15.10.2020). Текст: электронный.
11. General statistics office of Vietnam. URL: https://www.gso.gov.vn/Default_en.aspx?tabid=491 (дата обращения 15.10.2020). Текст: электронный.
12. Guzikova L., Van L.T.H., Nechitaylo I. & Dedyukhina N. Impact of the fourth industrial revolution on the sustainability of Vietnam's economic development // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. IOP Publishing, 2020. V. 940. № 1. P. 012-031.
13. Machado C. G., Winroth M. P., Ribeiro da Silva E. H. D. Sustainable manufacturing in Industry 4.0: an emerging research agenda // International Journal of Production Research. 2020. V. 58. №. 5. P. 1462–1484.
14. Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam. Vietnam could become world's face mask factory amid COVID-19 (на вьет.). URL: <https://moit.gov.vn/web/guest/bao-cao-tong-hop1> (дата обращения: 21.09.2020). Текст: электронный.
15. Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam, UN Development Programme. Industry 4.0 readiness of industry enterprise in Vietnam 2019. URL: <https://www.vn.undp.org/content/vietnam/en/home/library/I40.html> (дата обращения: 27.09.2020). Текст: электронный.
16. Thang N. The impact of Industrial Revolution 4.0 on some industries of Vietnam // Vietnam Science and Technology Journal. 2019. No. 12A. P. 186–194.
17. UNIDO statistics data portal. URL: <https://stat.unido.org/database/CIP%202020> (дата обращения: 15.10.2020). Текст: электронный.
18. Vietnam productivity report 2017 of Vietnam national productivity institute. (на вьет.). URL: <https://www.undp.org/content/dam/vietnam/docs/Publications/Bao%20cao%20En.pdf> (дата обращения: 27.09.2020). Текст: электронный.
19. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 21.09.2020). Текст: электронный.

References

1. Akmaeva R.I., Babkin A. V., Epifanova N. Sh. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbPU. Ekonomicheskie nauki* (Scientific and technical statements of SPbPU. Economic sciences), 2020, vol. 13, no. 3, pp. 115–128.
2. Belov V.B. *Sovremennaya Evropa* (Modern Europe), 2016, no. 5, pp. 11–22.
3. Kondratyev V.B. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* (Journal of the New Economic Association), 2018, no. 3, pp. 170–178.
4. Malyshev E.A. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikalian State University), 2012, no. 6, pp. 122–135.
5. Porokhovskiy A.A. *Forsayt "Rossiya": novoe industrialnoe obshchestvo. Budushchee. Sbornik plenarnykh dokladov Sankt-Peterburgskogo Mezhdunarodnogo Ekonomicheskogo Kongressa (SPEC-2018)* (Foresight "Russia": a new industrial society. Future. Collection of plenary reports of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2018)) / Edited by S.D. Bodruno. Saint Petersburg: INIR named After S. Yu. Witte, 2018, p. 81–98.
6. Proshkina S.I. *Russian Economic Bulletin* (Russian Economic Bulletin), 2019, vol. 2, no. 3, p. 91–96.
7. Sevostyanov P.A., Firsov A.V. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Tekhnologiya tekstilnoy promyshlennosti* (News of Higher Educational Institutions. Textile industry technology), 2018, no. 4, p. 107–109.
8. Tolkachev S.A., Morkovkin D.E. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* (Scientific works of the Free Economic Society of Russia), 2019, vol. 218, no. 4, pp. 260–272.
9. *ASEAN in Transformation – How technology is changing jobs and enterprises* (ASEAN in Transformation – How technology is changing jobs and enterprises). Available at: https://unctad.org/system/files/non-official-document/cstd2016_p24_Jae-HeeChang_ILQ_en.pdf (Date access: 15.10.2020). Text: electronic.
10. *Challenges for human resources of Vietnam's textile and garment industry in the context of the Industrial Revolution 4.0* (Challenges for human resources of Vietnam's textile and garment industry in the context of the Industrial Revolution 4.0) (In Vietnamese). Available at: <https://khcncongthuong.vn/tin-tuc/t3311/thach-thuc-doi-voi-nguon-nhan-luc-det-may-viet-nam-trong-boi-can-h-cuoc-cach-mang-cong-nghiep-4-0.html> (Date access: 15.10.2020). Text: electronic.
11. *General statistics office of Vietnam* (General statistics office of Vietnam). Available at: https://www.gso.gov.vn/Default_en.aspx?tabid=491 (Date access: 15.10.2020). Text: electronic.
12. Guzikova L., Van L.T.H., Nechitaylo I., & Dedyukhina N. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – IOP Publishing (IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – IOP Publishing), 2020, vol. 940, no. 1, pp. 012–031.
13. Machado C. G., Winroth M. P., Ribeiro da Silva E. H. D. *International Journal of Production Research* (International Journal of Production Research), 2020, vol. 58, no. 5, pp. 1462–1484.
14. *Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam. Vietnam could become world's face mask factory amid COVID-19* (Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam. Vietnam could become world's face mask factory amid COVID-19) (In Vietnamese). Available at: <https://moit.gov.vn/web/guest/bao-cao-tong-hop1> (Date access: 21.09.2020). Text: electronic.
15. *Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam, UN Development Programme. Industry 4.0 readiness of industry enterprise in Vietnam 2019* (Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam, UN Development Programme. Industry 4.0 readiness of industry enterprise in Vietnam 2019). Available at: <https://www.vn.undp.org/content/vietnam/en/home/library/I40.html> (Date access: 27.09.2020). Text: electronic.
16. Thang N. *Vietnam Science and Technology Journal* (Vietnam Science and Technology Journal), 2019, no. 12A, pp. 186–194.
17. *UNIDO statistics data portal* (UNIDO statistics data portal). Available at: <https://stat.unido.org/database/CIP%202020> (Date access: 15.10.2020). Text: electronic.
18. *Vietnam productivity report 2017 of Vietnam national productivity institute* (Vietnam productivity report 2017 of Vietnam national productivity institute) (In Vietnamese). Available at: <https://www.undp.org/content/dam/vietnam/docs/Publications/Bao%20cao%20En.pdf> (Date access: 27.09.2020). Text: electronic.
19. *World Bank Open Data* (World Bank Open Data). Available at: <https://data.worldbank.org/> (Date access: 21.09.2020). Text: electronic.

Коротко об авторах

Ло Тхи Хонг Ван, аспирант, Высшая инженерно-экономическая школа, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: устойчивое развитие, экономика промышленности
Hongvan289@gmail.com

Гузикова Людмила Александровна, д-р экон. наук, профессор Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: математические методы и модели в экономике и финансах, устойчивое развитие
Guzikova@mail.ru

Briefly about the authors

Lo Thi Hong Van, postgraduate, Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg Russia Federation. Sphere of scientific interests: sustainable development, industrial economy

Guzikova Lyudmila, doctor of economic sciences, professor, Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia Federation. Sphere of scientific interests: mathematical methods and models in economics and finance, sustainable development

Образец цитирования

Ло Тхи Хонг Ван, Гузикова Л. А. Вызовы и перспективы развития обрабатывающей промышленности Вьетнама в контексте Индустрии 4.0 // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 84–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-84-92.

Lo Thi Hong Van, Guzikova L. A. Challenges and prospects for the Vietnam's manufacturing industry development in the context of industry 4.0 // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 84–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-84-92.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 09.11.2020 г.

УДК 33.025.1

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-93-101

ВЛИЯНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА ОЦЕНКУ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ ИМУЩЕСТВОМ

THE IMPACT OF STATE FINANCIAL CONTROL INSTRUMENTS ON THE ASSESSMENT OF THE STATE AND MUNICIPAL PROPERTY MANAGEMENT EFFICIENCY

М. Н. Лукьянова, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
MNLukyanova@fa.ru

M. Lukyanova, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

В статье рассмотрены вопросы влияния инструментов государственного финансового контроля на сферу управления государственным и муниципальным имуществом. Предметом исследования являются методические подходы к классификации нарушений, выявляемых в ходе контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, осуществляемых органами государственного, регионального и муниципального финансового контроля. Тема работы – влияние инструментов государственного финансового контроля на оценку эффективности управления государственным и муниципальным имуществом и перспектив их применения.

Цель работы – изложение авторской позиции относительно эффективности применения методических правил и норм в ходе контрольных и экспертно-аналитических мероприятий. Результатом явилось расширение значения принципа независимости как отдельной категории деятельности органов государственного и муниципального финансового контроля (аудита) в целях акцентирования внимания на его ведущей роли; соединение теоретических и практических положений в сфере государственного финансового контроля государственного (муниципального) имущества на примере нового объекта государственного финансового контроля и аудита; анализ классификации объектов контроля в части нарушений и недостатков. В качестве выводов спрогнозированы позитивные возможности и негативные последствия строгости соблюдения разработанных в данной сфере стандартов, собранных методом экономической группировки.

Применены следующие методы исследования: для обоснования предложений в сфере государственного финансового контроля в части оценки их влияния на эффективность управления государственным и муниципальным имуществом использован литературный обзор научных методологических разработок; в части привлечения, использования и распоряжения государственным и муниципальным имуществом метод классификации данных с помощью статистических группировок

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; контрольные мероприятия; государственное имущество; бюджетные средства; муниципальное имущество; общественный контроль; аудит; общественные финансы; государственное управление; муниципальный контроль

The article deals with the impact of instruments of state financial control on the management of state and municipal property. The subject of the research is methodological approaches to the classification of violations revealed during control and expert-analytical activities carried out by state, regional and municipal financial control bodies. The topic of the work is the influence of state financial control instruments on the assessment of the state and municipal property management efficiency and the prospects for their application.

The aim of the work is to present the author's position on the effectiveness of the application of methodological rules and norms during control and expert-analytical activities. As a result, the importance of the principle

of independence as a separate category of activities of state and municipal financial control (audit) bodies was expanded in order to focus on its leading role.

The theoretical and practical provisions in the field of state financial control over state (municipal) property were combined using the example of a new object of state financial control and audit; analyzed the classification of objects of control in terms of violations and shortcomings. As conclusions, positive opportunities and negative consequences of strict adherence to standards developed in this area, collected by the method of economic grouping, were predicted.

The author has used the following research methods: substantiations of proposals in the field of state financial control in terms of assessing their impact on the state and municipal property management efficiency, a literary review of scientific methodological developments in terms of attracting, using and disposing of state and municipal property, a method of data classification with using statistical groupings

Key words: state financial control, control measures, state property, budget funds, municipal property, public control, public finance, public administration, municipal control

Введение. Тенденция к росту роли государства в экономической жизни территории проявляется в направлении, связанном с увеличением государственной и муниципальной собственности. Большие масштабы государственного имущества, сложность его состава, многогранность структуры требуют повышенного внимания к управлению и контролю со стороны государства. Одной из задач созданных и функционирующих на постоянной основе органов власти является контроль, аудит и оценка исполнения бюджетных полномочий всех публично-правовых образований; учрежденных государством организационных форм и структур. Организация контроля за государственным и муниципальным имуществом имеет ярко выраженную процессную ориентацию, регулируется большим числом нормативных актов отраслевого характера, реализуется как внутренними структурными подразделениями, созданными внутри органа исполнительной власти любого уровня, так и специально созданной независимой структурой, имеющей международную основу своего функционирования.

Деятельность этих органов регулируется национальным бюджетным законодательством, регламентами, стандартами. Цель научной публикации – государственный финансовый контроль сохранности государственного и муниципального имущества, обеспечение эффективности использования государственных и муниципальных средств при осуществлении управления данным имуществом. Указанный процесс реализуется в рамках государственного финансового контроля (аудита), с помощью которого обеспечиваются обратные связи в системе

государственного управления, открытость и прозрачность деятельности. Таким образом, достигается реализация прав граждан и организаций на получение достоверной информации об использовании общественных ресурсов.

Объект изучения работы – материалы проверок органов внутреннего и внешнего финансового контроля. Предмет исследования – оценка исполнения полномочий в рамках контроля (аудита) использования государственного и муниципального имущества.

Цель исследования – изложение авторской позиции относительно эффективности применения методических правил и норм в ходе контрольных и экспертно-аналитических мероприятий. Выполнение поставленной цели реализуется посредством решения следующих задач: выбор поддающихся алгоритмированию ситуаций; систематизация материалов различного рода проверок, ревизий, других типов контрольных мероприятий; поиск по ключевым словам нормативных правовых актов.

Методология и методы исследования заключаются в комбинации методов анализа, синтеза и дальнейшего обобщения на основе поиска и систематизации информации из открытых баз данных.

Для систематизации своей работы органы власти прибегают к классификации ошибок, которые принимают форму классификаторов, включающих группы нарушений и недостатков, выявленных в ходе государственного (муниципального) финансового контроля. Подобная группировка позволяет эффективно и результативно оценивать складывающуюся в регионе контроля ситуацию, проследить динамику выбранных

показателей, производить структурный анализ нарушений, выявляя слабые места в работе системы государственного управления и общественных финансов. Примером такой систематизации служит одобренный Межведомственным координационным советом по вопросам государственного финансового контроля стандарт, рекомендованный к применению в Республике Татарстан. Он приводит классификацию типов нарушений, объединенных в группы, среди которых выделены следующие:

1) нарушения при планировании использования бюджетных средств, при подготовке проекта бюджета, при утверждении бюджетных смет;

2) при работе с бюджетными средствами, в том числе непринятие мер по возврату средств в бюджет; действия, влекущие недопоступление средств в бюджет;

3) при расходовании бюджетных средств, включая нецелевое их использование;

4) нарушение учета и отчетности;

5) нарушения в деятельности государственных и муниципальных органов и организаций.

Внутри группы, связанной с нарушениями и недостатками в работе с государственной (муниципальной) собственностью, можно выделить направления, связанные с

нарушением при получении и использовании имущества, с необеспечением его сохранности, непропорциональным использованием имущества, а также неэффективной деятельностью по его получению и использованию. Данный вид нарушений занимает особое место во всей совокупности деяний, связанных с бюджетным процессом.

В целях обобщения результатов контрольных мероприятий при установлении нарушений и недостатков в направлении и использовании средств, государственного (муниципального) имущества с точки зрения законности, эффективности, целесообразности и целевого использования выделяются основные группы нарушений и недостатков (рис. 1).

Таким образом, положительной стороной государственного финансового контроля является выделение трех основных зон регулирования, управления и контроля, следовательно, дифференциация мер поощрения и ответственности. К отрицательной стороне рассматриваемой тематики относится фокусирование на проблемах, идеализация созданных норм и правил. Такой подход не позволяет адаптироваться к глобальным изменениям, происходящим в экономической и социальной системе государства, тормозит развитие страны или региона.

Рис. 1. Виды нарушений и недостатков в сфере контроля за использованием государственного имущества / Fig. 1. Types of violations and disadvantages in the field of control over the use of state property

Примечание: составлено автором на основании «Классификатора нарушений и недостатков, выявляемых в ходе государственного (муниципального) финансового контроля» / Note: compiled by the author on the basis of "Classifier of violations and disadvantages identified in the course of state (municipal) financial control"

В большинстве нормативных правовых актов выделяются основные виды выявленных в ходе государственного финансового контроля последствий нарушений и недо-

статков, вследствие чего следует рассматривать не только организацию, но и дезорганизацию процесса контроля и аудита (рис. 2).

Рис. 2. Организация и дезорганизация бюджетного процесса в части нарушений, выявляемых в ходе государственного (регионального) финансового контроля / Fig. 2. Organization and disorganization of the budgetary process in terms of violations revealed in the course of state (regional) financial control

Примечание: составлено автором / Note: compiled by the author

Обзор научно-методической литературы (публикаций по теме) защищает позицию, связанную, прежде всего, с практико-ориентированным подходом к анализу общей динамики системы государственного (муниципального) управления, где нарушения рассматриваются как следствия недостаточно четко организованного процесса контроля в принятии и исполнении решений. Государственный финансовый контроль разделяется в отечественной и мировой практике на внутренний и внешний, последний представляет собой контроль в системе представительных органов власти [12].

Тенденции в сфере государственного финансового контроля и управления государственным (муниципальным) имуществом. Другим аспектом рассматриваемой

проблемы является несоблюдение общепризнанных принципов государственного управления, аудита и контроля, которые установлены международным правом, глобальными организациями, их декларациями, а также национальным законодательством в сфере общественных финансов. Среди существующих нормативно-правовых актов, регулирующих контроль за государственным и муниципальным имуществом, можно выделить текст Лимской декларации, принятой международной организацией высших органов контроля и аудита, в которой изложены основные принципы его осуществления. Среди ключевых принципов стоит выделить:

– независимость государственных органов с сфере осуществления контроля за государственной и муниципальной собственно-

стью, а также иного контроля. Независимость предполагает финансирование деятельности данных органов за счет средств федерального бюджета, а также их независимость от иных органов государственной власти;

– объективность государственных органов при осуществлении контроля за государственным и муниципальным имуществом, что подразумевает достоверность информации, непредвзятость контроля и верификацию результатов;

– компетентность государственных органов, выражающуюся в высоком уровне квалификации государственных служащих, деятельности, основанной на наиболее эффективных принципах и методиках, использовании отечественного и зарубежного опыта осуществления государственного финансового контроля;

– гласность результатов проверок, что подразумевает открытость данных проверок, их доступность для третьих лиц, граждан и для публикации в СМИ.

Речь идет не о самой модели, существующей в стандартах, а о процессе ее формирования в практической деятельности публичной (законодательной) власти. Во многих странах модели уже начали формироваться. Так, И. А. Рустемов в своей работе пишет о начале формирования казахстанской модели государственного контроля (аудита) [11]. М. О. Навродська говорит о развитии национальной системы государственного финансового контроля в Украине, подчеркивает аспекты выполнения требований стандартов международного уровня [6]. М. В. Росицкая подчеркивает особенности процесса транзита от государственного финансового контроля к государственному аудиту, что обусловлено тем, что «сфера государственного финансового контроля имеет сложную структуру, которая с течением времени постоянно изменяется, именно это обуславливает стремление государств к качественной организации государственного аудита» [10]. И. В. Попов, И. А. Ангелина отражают глобальную тенденцию цифровизации, которая находит свое отражение в информационном обеспечении финансового контроля [9]. Данные элементы могут быть применены в проектах по внедрению международных стандартов учета для государственного сектора на примере реализации «дорожной карты» и показателей эффективности. В целом, меж-

дународный опыт свидетельствует, как подчеркивает Н. С. Матвеева, о формировании трех направлений – «общий контроль над государственными финансами, парламентский и правительственный контроль, а также внутренний контроль и внутренний аудит как особые области финансового контроля» [4]. Как указывает источник, «требования к организации и функционированию внутреннего финансового контроля могут устанавливаться как высшими органами государственного аудита, так и министерствами финансов, а требование организовать и осуществлять внутренний финансовый аудит устанавливается законодательно» [Там же]. В этой связи не стоит недооценивать роль контрольной функции в деятельности парламента, которая подтверждается мнением других источников [7].

Муниципальная политика в сфере государственного (муниципального) финансового контроля. Государственный финансовый контроль (аудит) вписан в трехзвенную систему бюджетного процесса. Равно как и организацию потоков финансовых ресурсов государства, систему общественных финансов принято делить на принадлежность к федеральному, региональному и муниципальному уровню. Нижнее звено отличается территориальным многообразием и имеет свою специфику. Как пишет П. А. Бышков [2], «целью изучения является применение на практике муниципалитетами новых алгоритмов проведения контрольных мероприятий с целью эффективной и максимально скоординированной работы по выявлению нарушений обязательных требований, установленных законодательством, подконтрольными субъектами». Особенности статуса такого органа муниципальной власти регулируются муниципальным уставом, в котором перечень полномочий в контрольной сфере закреплен за представительным органом муниципалитета, а не только федеральным и местным законодательством.

Помимо прочего перспективным нужно считать вектор, направленный на нормативно-правовую формализацию института локальных сообществ граждан на городских территориях с целью привлечения местного населения к решению вопросов местного значения, включая контроль за организацией соответствующих процессов. В научной статье А. А. Ларичев отмечает «сложности,

возникающие у субъектов муниципально-го управления – органов и должностных лиц местного самоуправления – по решению задач в рассматриваемой сфере», а также утверждает недостаточность «институциональных и организационных мер по развитию механизма муниципального управления». В качестве альтернативы автор предлагает создавать подобные локальные сообщества как противовес разрастанию «аппарата муниципальной бюрократии в городах, призванной обеспечить законодательные гарантии реализации права граждан на самоуправление непосредственно на территориях их проживания» [3].

Вследствие многочисленности указанных позиций представляется фактически невозможным сформулировать единое мнение, из-за чего возникает необходимость в перечислении отдельных моментов анализируемой проблемы. Так, несмотря на прогресс, связанный с разграничением прав собственности между уровнями публичной власти и внутри муниципальных образований, остаются нерешенными проблемы, связанные с управлением муниципальной собственностью и контролем за ее использованием. Об этом, в частности, напрямую говорится в статье В. В. Хакимова [13], А. Ф. Ноздрачева [7].

Интересна позиция И. Б. Плешкевича [8], предложившего типологию участия граждан управления городским пространством, для которых характерно, что «тенденция к самоорганизации города сопровождается участием граждан в процессах преобразования городской среды». В статье особое внимание уделяется проблематике взаимодействия и согласования интересов муниципальных властей и жителей города, строящихся на выявлении мотивов и типов участия граждан в развитии городского пространства. Основными результатами являлось выделение основных способов участия граждан в изменении города – активных и пассивных, а также было выделено три основных типа: отстраненный, заинтересованный, решительный. В целом можно говорить о преобладании пассивных форм участия граждан в жизни города, а также об актуализации проблемы гражданской активности: появление и активное распространение онлайн-форм гражданской активности заставляют по-новому взглянуть и на привычные, традиционные офлайн-формы.

Результаты исследования. Практика распоряжения и использования муниципального и государственного имущества, выявленного в результате контрольных мероприятий.

В Российской Федерации каждый субъект государственного управления самостоятельно организует контроль сохранности государственного имущества. Органы, осуществляющие данный контроль, а также их функции, могут быть указаны в законах субъектов РФ. Так, согласно ст. 19 закона Республики Коми от 4 декабря 2000 г. № 76-РЗ «Об управлении и распоряжении государственной собственностью Республики Коми» «контроль за использованием государственного имущества Республики Коми осуществляют Государственный Совет Республики Коми, Правительство Республики Коми и орган по управлению государственным имуществом». Государственный Совет Республики Коми осуществляет контроль за соблюдением установленного порядка распоряжения государственной собственностью республики в форме рассмотрения отчетов Правительства Республики Коми о выполнении законодательства Республики Коми по управлению объектами государственной собственности. Зачастую проверки государственного имущества проводятся органами исполнительной власти субъекта.

Государственный контроль сохранности муниципального имущества осуществляется органами, избираемыми непосредственно муниципальными органами власти. Так, управление и контроль сохранности муниципального имущества в г. Когалым осуществляет специальный Комитет по управлению муниципальным имуществом, в основные задачи которого входит осуществление контроля за использованием по назначению (целевым использованием) и сохранностью объектов муниципальной собственности. Для реализации данной цели Комитет осуществляет контроль выполнения договора аренды, доверительного управления, залога муниципального имущества. Комитет закрепляет имущество за муниципальными унитарными предприятиями на праве хозяйственного ведения, за муниципальными учреждениями на праве оперативного управления. Контролирует эффективность его использования. Однако стоит отметить, что создание контрольно-счетного органа муниципального образования не является

обязательным и создается по усмотрению органов местного самоуправления (ст. 38 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Возможности системы государственного финансового контроля сохранности государственного и муниципального имущества заключаются, прежде всего, в отсутствии четких законодательных актов в данной сфере. Каждый субъект РФ самостоятельно выбирает орган, осуществляющий данный контроль, а также основные меры и направления контроля. Несомненно, в рамках федеративного государства данное решение является обоснованным, тем самым увеличивается региональная самостоятельность. В большинстве субъектов РФ проверки государственной собственности осуществляются не в полной мере, что приводит к неэффективности использования государственного имущества, а также становится одной из причин развития коррупции. Таким образом, общие рекомендации по обеспечению ГФК за государственным и муниципальным имуществом позволили бы систематизировать данный процесс среди регионов, а также повысили бы эффективность проводимого контроля.

Необходима установка единой системы оценки объектов недвижимости, что обеспечит соответствие объектов рыночным ценам. В ином случае, при занижении стоимости недвижимости средства недопоступают в муниципальный бюджет и региональный.

Выводы. Применение практико-ориентированного подхода в научном исследовании должно базироваться на материалах проверок региональных контрольно-счетных органов. Так, сделано обобщение материалов проверок использования (распоряжения) государственного и муниципального имущества, выявлены факты его списания (уничтожения) без согласования с собственником (учредителем). В подобных случаях в соответствии с федеральным законодательством (ст. 295–298 Гражданского кодекса Российской Федерации) и/или уставом требуется согласие собственника или организации, осуществляющей функции и полномочия учредителя.

Другим наиболее распространенным эпизодом является заключение договоров аренды или безвозмездного пользования без

проведения торгов, на монопольно-административной основе. Альтернативный способ временной передачи имущества предусмотрен Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 17.1, которая предписывает проводить заключение договоров аренды, безвозмездного пользования, доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного имущества, с проведением конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров. Данные противоречия, возникающие в ходе хозяйственной деятельности, обозначаются в изучаемых контрольно-надзорными органами материалах как отсутствие разрешения органа местного самоуправления на строительство, реконструкцию, перепланировку объектов капитального строительства с отправкой на ч. 1 ст. 49, ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации. На этом фоне ничтожно малой вехой смотрятся события и факты хозяйственной жизни, вызванные отсутствием регистрации прав. В части работ описываются последствия со ссылкой на нормативный правовой документ: «отсутствие государственной регистрации права на имущество, переданное в оперативное управление краевому учреждению или в хозяйственное ведение краевому государственному предприятию согласно ст. 131 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 4 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Конфликтом может стать разность в оценке стоимости недвижимого имущества, возникающая в процессе его реализации. Решение такой проблемы можно искать, по мнению М. В. Штань, в создании такого алгоритма, как технология изучения рынка недвижимости, который основан на геоинформационном подходе, позволяющем «изучить и определить параметры рыночной стоимости, учитывая ее вероятностный характер, а именно характеристики распределения отдельных реализаций рыночной стоимости объектов недвижимости для каждой точки городской территории» [14]. Оригинальное решение дано в работе Н. В. Баринным, оно основано на слабостях практической реализации сравнительного подхода к оценке

недвижимости, связанной с ней недостаточностью информации об объекте оценки. Авторская методика основана на применении индивидуальной оценки, включающей харак-

теристики «рыночной стоимости, территории рынка, а также субъектной составляющей в ценах на недвижимость» [1].

Список литературы

1. Баринов Н. П. Сравнительный подход к оценке недвижимости. Современный взгляд // Вопросы оценки. 2019. № 1. С. 2–16.
2. Бышков П. А. Контрольные полномочия представительного органа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 9. С. 24–27.
3. Ларичев А. А. Локальные сообщества в городах как субъект контроля за решением вопросов местного значения // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1.
4. Матвеева Н. С. Международный опыт осуществления государственного финансового контроля // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 2.
5. Михалёва Н. В., Дьякова Т. Ю. Формы парламентского контроля // Гуманитарные, социальноэкономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 103–105.
6. Навродська М. О., Артюх О. В. Государственный финансовый контроль: международный опыт // Науковий вісник Одеського національного економічного університету. 2018. № 4. С. 129–140.
7. Ноздрачев А. Ф., Зырянов С. М., Калмыкова А. В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 34–46.
8. Плешкевич И. Б. Типология участия граждан в развитии городского пространства // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4, № 1. С. 43–50.
9. Попова И. В., Ангелина И. А. Информационное обеспечение финансового контроля на основе международных стандартов бухгалтерского учета для государственного сектора // Финансы, деньги, инвестиции. 2019. № 1. С. 20–24.
10. Росицкая М. В. Международный опыт: от государственного финансового контроля к государственному аудиту // Вестник науки и образования. 2018. № 14-2 (50).
11. Рустемов И. А. Система формирования казахстанской модели государственного аудита // Статистика, учет и аудит. 2016. Т. 4. С. 29–36.
12. Уразов Г. Д. Контроль в системе представительных органов государственной власти в Российской Федерации: понятие, виды и формы // Образование и право. 2019. № 8. С. 195–200.
13. Хакимов В. В. Особенности системы управления муниципальной собственностью // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2.
14. Штань М. В. Конфликт между рыночной и кадастровой стоимостями // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 8.

References

1. Barinov N. P. *Voprosy otsenki* (Evaluation issues), 2019, no. 1, p. 2–16.
2. Byshkov P. A. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* (State power and local government), 2018, no. 9, p. 24–27.
3. Larichev A. A. *Pravoprimerenie* (Jurisprudence), 2019, vol. 3, no. 1.
4. Matveeva N. S. *Finansovy zhurnal* (Financial journal), 2020, vol. 12, no. 2.
5. Mikhalyova N.V. *Gumanitarnye, sotsialnoekonomicheskie i obshchestvennye nauki* (Humanitarian, socio-economic and social sciences.), 2016, no 4, p. 103–105.
6. Navrodska M. O., Artyukh O. V. *Naukovi visnik Odeskogo natsionalnogo ekonomichnogo universitetu* (Science news of Odessa National University of Economics), 2018, no 4, p. 129–140.
7. Nozdrachev A.F. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian law), 2017, no 9 (249), p. 34–46.
8. Pleshkevich I. B. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* (Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships), 2020, vol. 4, no 1, p. 43–50.
9. Popova I. V., Angelina I. A. *Finansy, dengi, investitsii* (Finance, money, investments), 2019, no. 1, p. 20–24.
10. Rositskaya M. V. *Vestnik nauki i obrazovaniya* (Bulletin of science and education), 2018, no 14–2 (50).
11. Rustemov I. A. *Statistika, uchet i audit* (Statistics, accounting, audit), 2016, vol. 4, pp. 29–36.

12. Urazov G. D. *Obrazovanie i pravo* (Education and Law), 2019, no 8, pp. 195–200.
13. Khakimov V. V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Chelyabinsk State University Bulletin), 2016, no. 2 (384).
14. Shtan M. V. *Imushhestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* (Property relations in the Russian Federation), 2018, no. 8 (203).

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Лукьянова Марина Николаевна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного финансового контроля и казначейского дела, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. Область научных интересов: региональная экономика и управление, управление муниципальными образованиями, муниципальная экономика, муниципальное хозяйство, внешний контроль, аудит государственных финансов
MNLukyanova@fa.ru

Marina Lukyanova, candidate of economic sciences, assistant professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: regional economics and management, management of municipalities, municipal economics, municipal economy, external control and public finance audit

Образец цитирования

Лукьянова М. Н. Влияние инструментов государственного финансового контроля на оценку эффективности управления государственным и муниципальным имуществом // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 93–101. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-93-101.

Lukyanova M. The impact of state financial control instruments on the assessment of the state and municipal property management efficiency // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 93–101. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-93-101.

Статья поступила в редакцию: 08.10.2020 г.

Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.

УДК 338
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-102-110

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ СТРАНЫ

INNOVATIVE FACTORS OF CONSTRUCTION TECHNOLOGICAL PROGRESS IN RUSSIA

М. С. Оборин, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Пермь
recreachin@rambler.ru

M. Oborin, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Perm

Статья посвящена технологическим инновациям, проблемам их внедрения на отраслевом уровне и уровне строительных организаций. Определены факторы, мешающие введению инноваций в инвестиционный строительный комплекс. Предложены меры государственной поддержки этого процесса. Даны рекомендации по совершенствованию механизмов введения инноваций в инвестиционном строительном комплексе. Технологический прогресс определяет темпы и стратегические направления развития строительства. Поскольку строительная отрасль задает темпы экономического развития и является важным сектором экономики многих стран мира, нет сомнений в актуальности исследуемой проблемы. Внедрение технологий способствовало динамичному развитию строительных услуг в последние несколько лет в развитых государствах.

Целью исследования является анализ предпосылок стратегического развития строительства на основе научно-технического развития, а также выявление ограничений роста в регионах страны.

Методы исследования: системный, ситуационный, сетевой подходы, моделирование социально-экономических процессов.

Результаты. В ходе исследования рассмотрены теоретические подходы к развитию строительства в условиях научно-технического прогресса, представлена модель стратегического развития отрасли с учетом нормативно-правовых документов, в частности проекта «Стратегии развития строительства до 2030 года». Переход на инновационный путь развития является сложным процессом, в котором должна быть единая политика на региональном и локальном уровнях.

Выводы. Раскрываются проблемы инновационного развития строительного комплекса и обосновываются факторы, стимулирующие его переход на новую технологическую структуру. Несмотря на определенные трудности, строительный сектор имеет много перспектив для дальнейшего развития, однако существуют ограничения, связанные с финансированием, рисками, методическим обеспечением оценки инноваций

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационный потенциал, инновационный процесс, строительный комплекс, модель стратегического развития, рынок инноваций, технологические инновации, строительный сектор, проблемы инновационного развития, развитие строительных услуг

The article is devoted to technological innovations, problems of their implementation at the industry level and at the level of construction organizations. The factors hindering the introduction of innovations in the investment construction complex are identified. Measures of state support for this process are proposed. Recommendations are given for improving the mechanisms for introducing innovations in the investment construction complex. Technological progress determines the pace and strategic directions of construction development. Since the construction industry sets the pace of economic development and is an important sector of the economy of many countries of the world, there is no doubt about the relevance of the problem under study. The introduction of technologies has contributed to the dynamic development of construction services in the last few years in developed countries.

The purpose of the study is to analyze the prerequisites for the strategic development of construction based on scientific and technical development, as well as to identify growth restrictions in the regions of the country. The following research methods have been used by the author - system, situational, network approaches, modeling of socio-economic processes.

In the course of the study theoretical approaches to the development of construction in the conditions of scientific-technical progress were considered; a model of strategic development of the industry was presented, including legal documents, in particular the draft Strategy for construction until 2030. The transition to an innovative development path is a complex process that requires a unified policy at the regional and local levels.

The article reveals the problems of the construction complex innovative development and substantiates the factors that stimulate its transition to a new technological structure. Despite certain difficulties, the construction sector has many prospects for further development, but there are restrictions related to financing, risks, and methodological support for evaluating innovations

Key words: *innovative development, innovative potential, innovative process, construction complex, strategic development model, innovation market, technological innovations, construction sector, problems of innovative development, development of construction services*

Введение. Развитие ключевых отраслей экономики страны неразрывно связано с технологическим прогрессом. Сложные кризисные условия ведения финансово-хозяйственной деятельности являются ограничивающим фактором производственной деятельности со сложным бизнес-процессом, требующим значительных ресурсов и времени. Строительство относится к приоритетным сферам экономики, влияющим на обновление и модернизацию материально-технической базы в регионах, способствующим повышению качества жизни населения и решения социальных проблем. В сложившихся условиях экономическая эффективность строительных компаний существенно снижается, что в свою очередь оказывает влияние на трансформацию систем и технологий управления, смещение акцентов в сторону тактических и оперативных решений, формирование тактики и стратегии деятельности на региональных рынках.

Значимость отрасли для социально-экономического развития страны и необходимость стратегического подхода к ее устойчивому росту отражена в многочисленных научных публикациях отечественных и зарубежных авторов.

Можно выделить факторы эффективной стратегии развития строительства [3; 8; 9]:

- системное технологическое перевооружение отрасли, высокие темпы процесса модернизации в регионах страны;
- проектный подход, направленный на решение сложных социально-экономических задач;
- совершенствование государственных и рыночных механизмов разработки и

внедрения производственных инноваций на предприятия.

Результативный подход к обеспечению устойчивого роста строительных предприятий основан на реализации инновационных и инвестиционных проектов, связанных с получением экономических и рыночных преимуществ, введении новых продуктов, материалов, технологий в основные производственные процессы.

Особенность инноваций заключается в развитии материальных и управленческих технологий реализации стратегических решений в различных функциональных областях и стадиях строительства, объединенных научно-техническим прогрессом, междисциплинарным характером цифровых решений. Важным критерием для признания решения как инновационного является фундаментальное улучшение технологического или управленческого процесса в ходе его реализации.

Соответственный тип инноваций может быть представлен в разных категориях. Возможна следующая систематизация нововведений: по уровню новизны, объекту использования или модернизации, по масштабу, факторному анализу. Строительство в большей степени зависит от технологических инноваций. Технологические инновации являются результатом инновационной деятельности, которые представляют собой новый продукт или улучшение существующих продуктов, процессов или услуг. На основе анализа научной литературы можно выделить определенные элементы технологических инноваций [1; 2; 4; 5]:

- 1) формирование и разработка новых продуктов, технологий, материалов, совершенствование

шенствование оборудования, восстановление промышленных зданий, осуществление природоохранных мероприятий;

2) расширение производственных мощностей, диверсификация производственной деятельности, преобразования в структуре производственного цикла и изменение мощностей технических единиц, оборудования и подразделений;

3) изменение методов и приемов управления производственно-технологическим процессом.

Успешность инновации оценивается системой показателей, характеризующих технологический, производственный, коммерческий, социальный эффекты. В частности, коммерциализация и рыночное продвижение рассматриваются как завершающая стадия успешного инновационного процесса.

В промышленном производстве технологические инновации делятся на две группы: продукт и процесс. Актуальность использования инновационных технологий и материалов в строительстве определена некоторыми требованиями, которые обуславливают современный подход к проектированию и строительству [6; 7]:

- целесообразность и результат принимаемых решений на этапах проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта, оценки рациональности исполнения, образующихся в ходе строительства технических предложений проектировщиков, подрядчиков, контролирующих органов и участников рынка;

- оптимизация материально-технических и строительных затрат;

- реализация научно обоснованных нормативов и принципов проектирования, строительства и реконструкции компаниями-застройщиками;

- разработка и внедрение зеленых технологий в производство, обеспечивающих баланс интересов бизнеса, государства и населения;

- внедрение принципов и технологий энергосбережения зданий и сооружений;

- разработка новых технических решений, отвечающих критериям качества и безопасности.

По оценкам экспертов, если введение инноваций в промышленность будет слишком стремительным, безработица может значительно возрасти, поскольку изменит-

ся характер труда, его интеллектуализация и автоматизация. С другой стороны, инновации необходимы, в первую очередь, с позиции обеспечения конкурентоспособности государственной экономики, несмотря на то, что их активное внедрение может содействовать росту безработицы и эмиграции квалифицированных специалистов. В некоторых научных работах присутствует мнение, что технологические инновации в значительной мере стали причиной образования кризиса на рынках труда многих развитых стран. Другая точка зрения указывает на то, что инновации стимулируют капитализацию экономики. Внедрение инноваций повышает производительность труда, сокращает сроки строительства, повышает прибыль за счет снижения себестоимости и сокращения брака, что в свою очередь повышает привлекательность отрасли для отечественных и зарубежных инвесторов.

Капитал в государственной экономике способствует формированию новых рабочих мест в тех секторах, где можно заменить человеческий труд, что может быть проблематичным. Следовательно, в соответствии с данной позицией, инновации полезны для общества.

Методы исследования. Системный, ситуационный, сетевой подходы, моделирование социально-экономических процессов.

Результаты работы и область их применения. Управление процессом внедрения инноваций в строительной организации обусловлено гибкостью системы управления, эффективным информационным обменом между ее уровнями, инновационной политикой руководства. Проблема управления введением технологических инноваций обусловлена финансовыми, антикризисными и методологическими факторами, отсутствием системного и ситуационного подходов к выбору алгоритма задач, которые смогут обеспечить заданный стратегический результат.

Этапы разработки инновационной стратегии в строительной компании или организации предусматривают последовательность следующих шагов [4; 5]:

- проектирование инновационной политики и координация деятельности в этой сфере производственных подразделений;

- формирование проблемно-целевых групп для комплексного решения инновационных задач от идеи до ввода объектов в работу;

- разработка планов и программ для инноваций;
- обеспечение программ инновационной деятельности финансовыми и материальными ресурсами;
- рассмотрение проектов создания новой строительной продукции;
- обеспечение инновационной деятельности квалифицированным персоналом;
- контроль разработки новых продуктов и их введения.

Представим влияние системных факторов на реализацию стратегии развития отрасли до 2030 г., проект которой подготовлен

в мае 2019 г. на основании федерального законодательства (О плане мероприятий («дорожной картой») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 годы: [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 августа 2018 г. № 1697-р]; О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон [от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ]) (рис. 1).

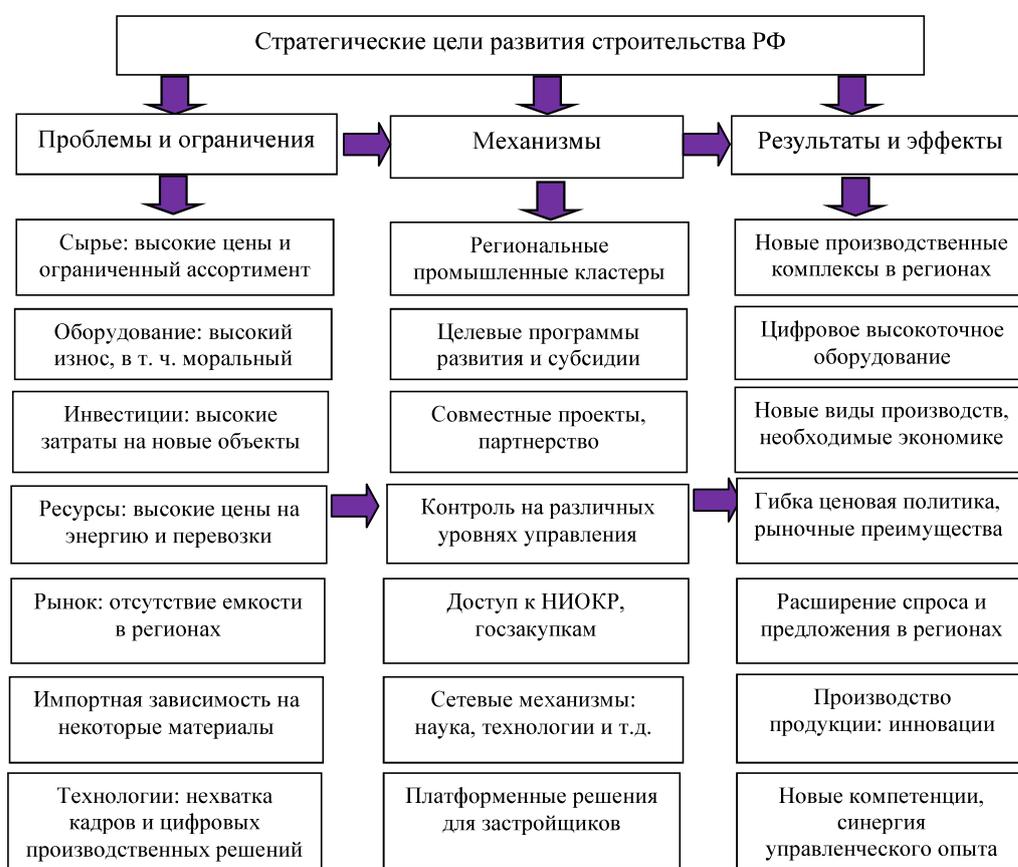

Рис. 1. Системный подход к реализации стратегии развития строительства в России (составлено автором) / Fig. 1. Systematic approach to the implementation of the construction development strategy in Russia (compiled by the author)

В соответствии с этой моделью процесс внедрения технологических инноваций должен в первую очередь обеспечивать комплексный анализ внутренней и внешней среды, а также анализ инновационного потенциала строительной организации, который

является определяющим фактором конкурентоспособности в современных рыночных отношениях.

Ценность и практическая значимость подхода обусловлена оценкой комплекса факторов и условий, которые оказывают зна-

чительное влияние на стимулирование регионального производства, в том числе на основе рыночных механизмов и их адаптации к производственным реалиям.

На данный момент строительство остается одной из самых консервативных сфер создания и внедрения инновационных продуктов. Это обусловлено рядом причин [6; 7]:

- длительный временной цикл эксплуатации построенных сооружений, что затрудняет оперативное выявление проблемных мест и недостатков инновационных технологий;

- повышенная ответственность строительных организаций за качество и надежность возводимых зданий и сооружений, поскольку от этого напрямую зависит безопасность жизни человека;

- определенные стандарты и технологии, которые используются в строительстве, связаны с длительным накоплением производственного опыта.

Отрасль строительства играет большую роль в социально-экономическом развитии любой страны, являясь важным фактором ее стабильности, а также служит материальной основой для непрерывного развития национальной экономики, решения жилищной проблемы и повышения материального и культурного уровня людей.

Строительство, несмотря на экономические трудности, долгое время было одной из самых стабильных и динамичных отраслей российской экономики (рис. 2).

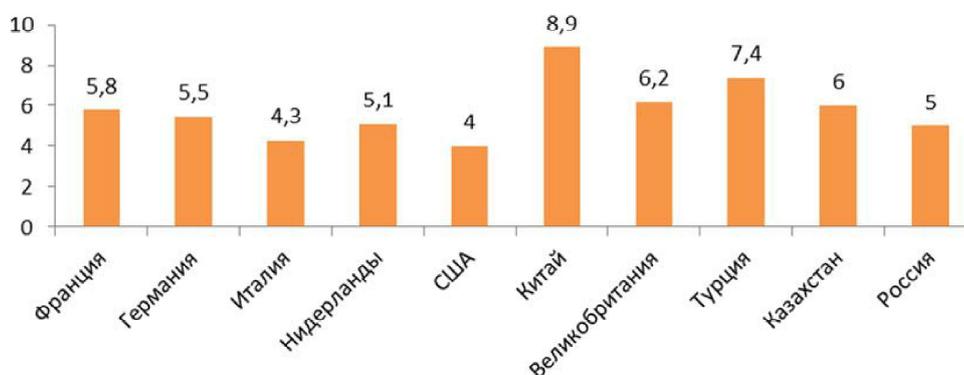

Рис. 2. Доля строительного сектора от ВВП в странах мира на 2019 г., % [9] / Fig. 2. The share of the construction sector from GDP in the countries of the world for 2019, %

Таким образом, по данным рис. 2 видно, что лидерами по доле строительства в структуре ВВП выступают такие страны, как Китай

(8,9 %), Турция (7,4 %), Великобритания (6,2 %) и Казахстан (6 %).

Рис. 3. Динамика объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», % к среднему значению 2017 г. в 2018–2020 гг. / Fig 3. Dynamics of the volume of work performed by type of activity «Construction», % of the average value by 2017 in 2018–2020 years

По данным рис. 3 можно сделать вывод, что объем строительных работ за исследуемый период имеет положительную тенденцию. Наибольший рост приходится на середину года, после чего наблюдается резкое снижение. Несмотря на нестабильность финансово-экономических показателей, эта отрасль всегда оставалась наиболее привлекательной для инвестиций.

Строительная отрасль считается достаточно капиталоемкой, она позволяет обеспечить значительное количество рабочих мест, а продукт ее создания предназначен для удовлетворения основных потребностей общества (жилье, инфраструктура, дороги и т. д.), поэтому наличие научно-технических и производственных возможностей помогает сформировать заказ для поиска лучших технологических решений, инновационных технических разработок, что сказывается на эффективности экономики в целом.

Инновационное развитие строительного сектора направлено на улучшение основных технико-экономических показателей формирования строительной продукции, в том числе снижение себестоимости объектов, уменьшение нормативных сроков строительства и повышение качества объектов. В результате возникает возможность наиболее оптимального использования инвестиций других секторов экономики в ее развитии в целом, в том числе инновационных [2].

В строительной деятельности выделяют несколько основных направлений инновационного развития [6]:

- 1) новые методы в управлении и организации строительного производства;
- 2) новые строительные технологии;
- 3) новшества в проектировании зданий и сооружений, транспортной системе и коммуникациям;
- 4) новые строительные материалы, изделия и конструкции.

Разработанный проект «Стратегии развития строительной отрасли до 2030 года» должен охватить сферы жилищного, промышленного и инфраструктурного строительства, рынок строительных материалов и строительной техники, предусмотреть внедрение инноваций. Цель реализации Стратегии – развитие эффективной, конкурентной, высокотехнологичной, открытой строительной отрасли, основанной на квалификации и обеспечивающей устойчивый рост комфорта

и безопасности среды жизнедеятельности, как отражено в таблице.

Инновационное развитие Пермского края основывается на двух базовых законах в сфере инновационной деятельности (Об инновационной деятельности в Пермском крае: закон Пермского края [от 11.06.2008 № 238-ПК (в редакции Законов Пермского края от 14.03.2016 № 611-ПК, от 23.08.2018 № 265-ПК)]; О науке и научно-технической политике в Пермском крае: закон Пермского края [от 02.04.2008 № 220-ПК (ред. 02.03.2015)]. Целью инновационной политики региона является реализация регионального инновационного и научно-технического потенциала в целях развития региональной экономики и повышения благосостояния региона.

В число ожидаемых результатов реализации инновационной политики в регионе входят:

1. Создание и развитие эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие участников инновационного процесса на всех этапах инновационного цикла.
2. Привлечение инвестиций в инновационную сферу, в том числе за счет эффективного сотрудничества с организациями инновационной инфраструктуры России.
3. Создание позитивного имиджа Пермского края как инновационно активного региона.
4. Увеличение удельного веса инновационной продукции, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями промышленного производства.
5. Увеличение удельного веса организаций, осуществляющих инновации, в общем числе обследованных организаций.
6. Увеличение количества инновационных территориальных или технологических (производственных) кластеров, функционирующих на территории Пермского края.

Инструменты реализации инновационной политики региона описаны в разделах «Инструменты реализации» и «Меры государственной поддержки».

В Пермском крае в развитии инновационного строительства активно принимает участие компания ООО «Инновации в строительстве», которая предлагает целый перечень самых современных, передовых техно-

логий и материалов в области строительства. Это теплоизоляционные, гидроизоляционные, огнеупорные, огнезащитные, звукоизоляционные и пароизоляционные материалы.

Вместе с тем достаточно сложно определить качество инновационных материалов, их долговечность и безопасность на начальных этапах строительства.

Прогноз объемов строительных работ в разрезе основных сегментов строительства (базовый сценарий), млрд руб. в текущих ценах / The forecast of construction work in the context of the main segments of construction (basic scenario), billion rubles at current prices**

Сегмент строительства	2017 г. (факт)	2018 г. (факт)	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2030 г.
Жилищное строительство	3506	3828	3631	4104	4683	6474	6953	7446	7705	9308
Капитальный ремонт в жилищном строительстве	170	170	179	187	195	202	210	218	227	254
Строительство в социальном секторе	212	250	267	309	355	402	427	453	471	566
Промышленное строительство	3016	3367	3361	3607	3893	4234	4687	5169	5595	7548
Инфраструктурное строительство	670	771	1085	1268	1374	1439	1426	1458	1521	1981
Совокупный объем работ по виду деятельности «Строительство»	7573	8386	8523	9475	10500	12752	13705	14744	15519	19656

* Составлено по документам: О плане мероприятий («дорожной карте») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации [от 16 августа 2018 г. № 1697-р]; О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон [от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ] / On the action plan («roadmap») for the development of competition in the sectors of the economy of the Russian Federation and the transition of certain areas of natural monopolies from the state of natural monopoly to the state of the competitive market for 2018-2020 years: Order of the Government of the Russian Federation [of August 16, 2018 No. 1697-r]; On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law [of June 28, 2014 No. 172-FZ]

Сложное положение дел в отрасли можно охарактеризовать следующими факторами: высокие затраты на внедрение инноваций; недоверие к инновациям со стороны покупателей; несовершенство нормативно-правовой базы, касающейся внедрения инновационных технологий в строительстве, устаревшие нормативы.

Заключение. Предпринимаемые меры по решению проблем во многом зависят от поддержки государства, установления стандартов, разработки методов управления рисками в строительстве, реализации приоритетных социальных и жилищных программ. Строительной отрасли необходима системная поддержка по формированию инновационной производственной и социальной инфраструктуры.

Анализ проблемы введения технологических инноваций в строительной отрасли позволил сделать следующие выводы: решение проблемы на уровне строительных организаций должно быть основано на интеграции инновационных процессов в систему управления, его методическая основа состоит в создании и работе концептуальной модели, предусматривающей согласование основных функций управления и работ по процессу введения технологических инноваций. Результаты партнерских программ по реализации инвестиционных и строительных проектов с ведущими отечественными и зарубежными производителями свидетельствуют о положительном влиянии рынка инноваций на строительство.

Список литературы

1. Володин В. М., Солдатова С. С. Специфические формы финансирования инновационных проектов в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2017. № 1. С. 24–31.
2. Генкин Е. В. Стратегические аспекты развития потенциала организаций инвестиционно-строительного комплекса // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2015. № 9. С. 137–141.
3. Комаров А. К., Горбачевская Е. Ю. К вопросу о совершенствовании процесса организации строительного производства // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2016. № 1. С. 28–34.
4. Конкин А. Н. Развитие предприятий строительного комплекса Пензенской области на основе внедрения инноваций // Друкеровский вестник. 2016. № 3. С. 238–243.
5. Колбасов И. В. Проблемы инновационного развития строительной отрасли в России // Проблемы современной экономики. 2017. № 8. С. 59–68.
6. Мухаметзянов З. Р., Разяпов Р. В. Разработка организационных решений на основе технологического взаимодействия между строительными работами и процессами // Научный журнал строительства и архитектуры. 2018. № 1. С. 65–71.
7. Скребова О. А. Концепция разработки конкурентоспособных инновационных стратегий организаций инвестиционно-строительного комплекса // Экономика и предпринимательство. 2018. № 11. С. 277–281.
8. Crowley F., Bourke J. The Influence of the Manager on Firm Innovation in Emerging Economies // International Journal of Innovation Management. 2018. Vol. 22, № 3. P. 95–111.
9. Czarnecki, L., Deja, J., Furtak, K., Halicka, A., Kapliński, O., Ka-szyńska, M., Kruk, M., Kuczyński, K., Szczehowiak, E., & Śliwiński, J. (2017). Idee kształtujące innowacyjne wyzwania techniki budowlanej. Kierunki rozwoju. Materiały Budowlane, 2017. № 7. P. 34–39.

References

1. Volodin V. M., Soldatova S. S. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskie nauki* (News of higher educational institutions. Volga region. Economics), 2017, no. 1, pp. 24–31.
2. Genkin E. V. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvenny universitet upravleniya)* (Bulletin of the University (State University of Management)), 2015, no. 9, pp. 137–141.
3. Komarov A. K., Gorbachevskaya E.YU. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost* (Institutions News. Investment. Construction. Realty), 2016, no. 1, pp. 28–34.
4. Konkin A. N. *Drukerovskiy vestnik* (Drucker Bulletin), 2016, no. 3, pp. 238–243.
5. Kolbasov I. V. *Problemy sovremennoy ekonomiki* (Problems of the modern economy), 2017, no. 8, pp. 59–68.
6. Mukhametzyanov Z. R., Razyapov R.V. *Nauchny zhurnal stroitelstva i arhitektury* (Scientific journal of construction and architecture), 2018, no. 1, pp. 65–71.
7. Skrebova O. A. *Ekonomika i predprinimatelstvo* (Economics and entrepreneurship), 2018, no. 11, pp. 277–281.
8. Crowley F., Bourke J. *International Journal of Innovation Management* (International Journal of Innovation Management), 2018, vol. 22, no. 3, pp. 95–111.
9. Czarnecki L., Deja J., Furtak K., Halicka A., Kapliński O., Kaszyńska M., Kruk M., Kuczyński K., Szczehowiak E., & Śliwiński J. (2017). *Idee kształtujące innowacyjne wyzwania techniki budowlanej. Kierunki rozwoju. Materiały Budowlane* (Idee kształtujące innowacyjne wyzwania techniki budowlanej. Kierunki rozwoju. Materiały Budowlane), 2017, no. 7, pp. 34–39.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Оборин Матвей Сергеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрнотехнологический университет им. Д. Н. Прянишникова г. Пермь, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, сельский туризм, экономика курортного дела, экономика туризма, экономика АПК, устойчивое развитие региона, сфера услуг
resreachin@rambler.ru

Matvey Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov; professor, World and Regional Economics department, Economic Theory, Perm State National Research University; professor, Management department, Perm State Agrarian-Technological University named after D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, rural tourism, economy of resort business, economy of tourism, economy of AIC, sustainable development of the region, sphere of services

Образец цитирования _____

Оборин М. С. Стратегические факторы технологического прогресса строительства в регионах страны // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 102–110. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-102-110.

Oborin M. Factors of innovative growth of the construction industry in Russia // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 102–110. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-102-110.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2020 г.

Статья принята к публикации: 09.11.2020 г.

УДК 338.012

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-111-120

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СФЕРЫ УСЛУГ: ПРЕИМУЩЕСТВА И УГРОЗЫ**DIGITALIZATION OF THE SERVICE ECONOMY: ADVANTAGES AND THREATS**

Н. П. Тарханова,
Южно-Уральский
государственный
университет (НИУ),
г. Челябинск
tanape@mail.ru

N. Tarkhanova,
South Ural State University
(National Research
University), Chelyabinsk

В. А. Романов,
Северо-Кавказский институт – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
г. Пятигорск
rv-ilt@mail.ru

V. Romanov,
North Caucasus Institute – branch of RANEPA,
Pyatigorsk

Число предприятий, использующих цифровые технологии, стремительно растет. Не является исключением и сфера услуг. Статья посвящена вопросам использования цифровых технологий в сфере услуг. Авторы рассмотрели преимущества и угрозы, которые несет цифровизация.

В результате выполненного анализа уточнены понятия «цифровая экономика» и «сфера услуг», обоснована необходимость цифровизации. Указаны преимущества, получаемые за счет использования инновационных технологий как для отрасли, так и для отдельных предприятий: использование новых бизнес-моделей и форм ведения бизнеса; повышение доступности и возможности продвижения услуг на рынке вплоть до мирового; появление новых видов услуг; применение управляющих систем, заменяющих человека. Для отдельно взятого предприятия сферы услуг преимущества от внедрения цифровых технологий могут выразиться в выходе на оптимальный сегмент потребителя; определении потребности клиента в тех или иных услугах; проектировании более гибких услуг; повышении качества обслуживания за счет улучшения контроля бизнес-процессов; минимизировании времени выхода услуг на рынок; сокращении издержек за счет ускорения бизнес-процессов; минимизации издержек; повышении доступности услуг через распространение информации в социальных сетях; исключении посредников в доставке услуг потребителю и сокращении издержек, уменьшении количества персонала, выполняющего рутинные операции.

Цифровизация не только дает выгоды, но и несет угрозы. К ним можно отнести разного рода мошеннические схемы, неразвитость нормативной базы, сокращение числа занятых и изменение рынка труда. Как следствие, возрастание требований к планированию на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях. В противном случае можно потерять преимущества от внедрения цифровых технологий

Ключевые слова: цифровизация; сфера услуг; информатизация; автоматизация; бизнес-процессы; конкурентоспособность; технологические преимущества; угрозы для бизнеса; структурная перестройка; социальные последствия

Recently, the number of businesses using digital technologies has increased. The service sector is no exception. The article is devoted to the use of digital technologies in the service sector. The authors reviewed the advantages and threats of digitalization.

As a result of the analysis, the concept of “digital economy” and “service sector” is clarified, and the need for digitalization is justified. The advantages obtained through the use of innovative technologies, both for the industry and for individual enterprises, are indicated. In relation to the industry, this will include: the use of new business models and forms of doing business; increasing the availability and promotion of services on the market up to the world; the emergence of new types of services; the use of control systems that replace humans. As a result of the analysis, the concept of “digital economy” and “service sector” has been clarified, and the need for digitalization is justified. For a single service enterprise, the benefits of implementing digital technologies can be expressed in: reaching the optimal consumer segment; determining the customer’s need for certain services;

designing more flexible services; improving the quality of service by improving control of business processes; minimizing the time for services to enter the market; reducing costs by accelerating business processes; minimizing costs; increasing the availability of services through the dissemination of information in social networks; eliminating intermediaries in the delivery of services to the consumer and reducing costs, reducing the number of personnel performing routine operations.

Digitalization provides not only the benefits but also pose a threat. These include various types of fraudulent schemes, an underdeveloped regulatory framework, a reduction in the number of employees, and changes in the labor market. As a result, there are increasing requirements for planning at the strategic, tactical and operational levels. Otherwise, the benefits of implementing digital technologies may be lost

Key words: digitalization; services; informatization; automation; business processes; competitiveness; technological advantages; threats to business; structural adjustment; social consequences

Введение. В период пандемии коронавируса дальнейший толчок к развитию получила цифровая экономика. Это связано с реализацией Указа Президента РФ «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В частности обозначено, что на втором этапе необходимо использование цифровых, интеллектуальных производственных технологий, роботизированных систем. Получается, что при планировании мероприятий по формированию бизнеса в современных условиях важно понимать, что может принести цифровизация. Этим обусловлена актуальность рассматриваемой проблематики.

Цель работы – выявление преимуществ и угроз, которые несет цифровизация применительно к сфере услуг.

Задачи:

- уточнить понятие «цифровизация»;
- доказать, что цифровизация – это новейший путь ведения бизнеса в сфере услуг;
- охарактеризовать конкурентные преимущества и проблемы, которые получит бизнес при использовании новых электронных и цифровых технологий в сфере услуг.

Объект – цифровизация бизнеса; предмет – использование цифровых технологий в сфере услуг.

Методология и методы исследования. В процессе исследования применены такие методы, как гипотетико-дедуктивный – чтобы доказать или опровергнуть положение о необходимости цифровизации в сфере услуг; анализ разных точек зрения на цифровизацию и сферу услуг; мониторинг по занятости в сфере услуг с целью принятия определенных управленческих решений.

Относительно цифровизации имеется достаточное количество публикаций, мнени-

я авторов о которых очень разные. Цифровая экономика (*Digital Economy*) нацелена на использование цифровых и электронных технологий. Это, по существу, система таких экономических отношений. По определению Всемирного банка: цифровизация – система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на цифровых и информационно-коммуникационных технологиях. По мнению аналитиков *Gartner*, цифровая экономика – это создание, потребление и управление ценностью, связанной с цифровыми продуктами, услугами и активами в организациях. Имеются и другие определения, например:

1) это экономика, зависящая от цифровых технологий [5];

2) это рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в интернете [7];

3) это экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства [10].

Цифровая экономика является основным источником роста. Ее использование будет стимулировать конкуренцию, инвестиции и инновации, что приведет к улучшению качества услуг, расширению выбора для потребителей, созданию новых рабочих мест [6].

Какое бы определение не было дано, суть остается одна. Основное назначение цифровизации состоит в росте производительности труда и снижении издержек производства. Это, по существу, промышленная революция, которая повлечет смену экономической парадигмы; новое видение бизнеса, последовательное улучшение всех бизнес-процессов на длительный срок; переход

к производству без использования человеческого труда или с минимальной его эксплуатацией.

Вследствие рассмотрения вопроса о цифровизации применительно к сфере услуг следует уточнить данное понятие. Существуют разные определения сферы услуг. Например, это комплекс предприятий, учреждений, организаций и видов деятельности, занятых производством всего многообразия услуг, система отраслей народного хозяйства, продукты, потребительная стоимость которых выражается в предоставлении удобств [4]. Сектор

услуг представлен в основном предприятиями питания, размещения, торговли, связи, банковскими, страховыми, консалтинговыми и др. При этом происходит неуклонное расширение спектра услуг, и соответственно появляются новые виды предприятий. В этой сфере важно понять, чего хочет потребитель. На рис. 1 графически показана сфера услуг РФ.

Вклад сферы услуг в добавленную стоимость составляет более 50 % от ВВП. В табл. 1 показана ее динамика за период 2015–2019 гг. [2].

Рис. 1. Структура сферы обслуживания в РФ / Fig. 1. The structure of the service sector in Russia

Таблица 1 / Table 1

Добавленная стоимость сферы услуг / Added value of the service sector

Годы / Years	Добавленная стоимость сферы услуг, % от ВВП / Service sector value added in a percentage of GDP
2015	56,1
2016	57
2017	56
2018	53,5
2019	54

Анализ данных таблицы показал, что доля сферы услуг в процентном отношении к ВВП страны с 2016 г. неуклонно снижается. В 2019 г. потери составили 3 %. Такая тенденция ставит на повестку дня вопрос о путях повышения эффективности. Сделать это возможно через цифровые технологии. Применительно к сфере услуг использование таких технологий рассмотрено у авторов *N. Kryvinska; Sebastian Kaczor, Christine Strauss; Michal Greguš* [8], *Glenn Parry, Oscar Bustinza, Ferran Vendrell-Herrero, Nicholas O'Regan* [9], *A. I. Vlasov; V. A. Shakhnov; S. S. Filin; A. I. Krivoshein* [14], *G. Westerman; D. Bonnet; A. McAfee* [12].

Результаты исследования и область их применения. Сфера услуг оперирует большими объемами информации, ее обработка требует определенных ресурсов, чем и объясняется необходимость инновационных решений и обращение к цифровой трансформации бизнес-процессов для их оптимизации и сокращения издержек. С этой целью стоит обратить внимание на автоматизацию процессов предприятия – производственных, управленческих и коммуникативных. Однако автоматизация в случае перехода на цифровую экономику предполагает не просто передачу функций, выполняемых работниками (например, автоматическое составление заявки на продукты, необходимые по меню на предприятии питания), но и оптимизацию процессов (за счет анализа меню и выбора наиболее востребованных блюд). В этом случае технологии помогают оптимизировать процесс переработки данных и принятия управленческих решений, а именно выбрать из значительного массива информации наиболее востребованную, понять предпочтения потребителя на основе переработки большого массива данных, это позволит уменьшить затраты на маркетинговые исследования, освободить работников от рутинной работы и перераспределить нагрузку. Если предприятие небольшое (малая гостиница), то необходимо экономии средств просто не позволит воспользоваться услугами маркетологов. Однако, применяя разного рода программы автоматизации бизнес-процессов, можно получить конкурентные преимущества для отрасли за счет:

- внедрения новых бизнес-моделей и форм ведения бизнеса;

- повышения доступности и возможности продвижения услуг на рынке вплоть до мирового;

- появления новых видов услуг, например каршеринга, и, как следствие, изменения структуры отраслей;

- применения управляющих систем, заменяющих человека.

Если рассматривать отдельные предприятия отрасли, то преимущества от внедрения цифровизации могут выразиться в следующих моментах:

- в выходе на оптимальный сегмент потребителя;

- определении потребности клиента в тех или иных услугах;

- проектировании более гибких услуг;

- повышении качества обслуживания за счет улучшения контроля бизнес-процессов;

- минимизировании времени выхода услуг на рынок;

- сокращении издержек за счет ускорения бизнес-процессов посредством улучшения логистики (сфера торговли и транспорта);

- минимизации издержек за счет мониторинга процессов, например, снижения хищений в отеле, ресторане;

- повышения доступности услуг через распространение информации в социальных сетях;

- исключения посредников в доставке услуг потребителю и сокращения, таким образом, издержек;

- уменьшения количества персонала, выполняющего рутинные операции.

Технологические преимущества цифровизации:

- накопление и обработка больших объемов информации;

- возможность ведения различной аналитики, например, определение оптимальной ассортиментной политики предприятия;

- использование баз данных разными отделами предприятия размещения, питания, транспортного обслуживания и др.;

- пересмотр организационной структуры предприятия (сокращение должностей, неполная занятость, работа на дому).

Наряду с явными преимуществами для бизнеса в условиях цифровизации имеют место скрытые и явные угрозы. К ним, в частности, можно отнести:

- вопрос сохранности баз данных клиентов;

- увеличение числа вредоносных программ;
- отставание научных разработок в части программного обеспечения, в результате чего приходится использовать разработки низкого уровня; как следствие – частые проблемы в использовании и интерпретации результатов, например, анализа данных;
- появление различного рода схем мошенничества, связанных с неразвитостью законодательной базы.

Решение о применении цифровых технологий связано с определенными проблемами. К ним относится недостаток средств на проведение модернизации, закупки оборудования. Например, небольшому предприятию питания сложно приобрести компьютерную программу за десятки или сотни тысяч рублей, как следствие – настороженность бизнеса. Следствием модернизации бизнес-процессов является снижение коли-

чества занятых, увеличение уровня безработицы и необходимость переобучения кадров. Это, безусловно, таит угрозу. Необходимо учитывать размер ущерба и вероятность его наступления. Сфера услуг поглощает большое количество низко квалифицированных трудовых ресурсов и зачастую решает социальные проблемы в регионах.

В исследовании рассмотрена динамика численности занятых в разных отраслях сферы обслуживания за период 2005–2018 гг. Внедрение разного рода программ в развитие бизнеса и фрагментарная цифровизация имела место в эти периоды. Нужно понимать, что необходимость инноваций хотя бы частично принята.

Динамика занятых в некоторых сферах обслуживания за период с 2005 по 2017 гг. представлена на рис. 2. Данные получены путем расчетов на основе материалов Федеральной службы государственной статистики.

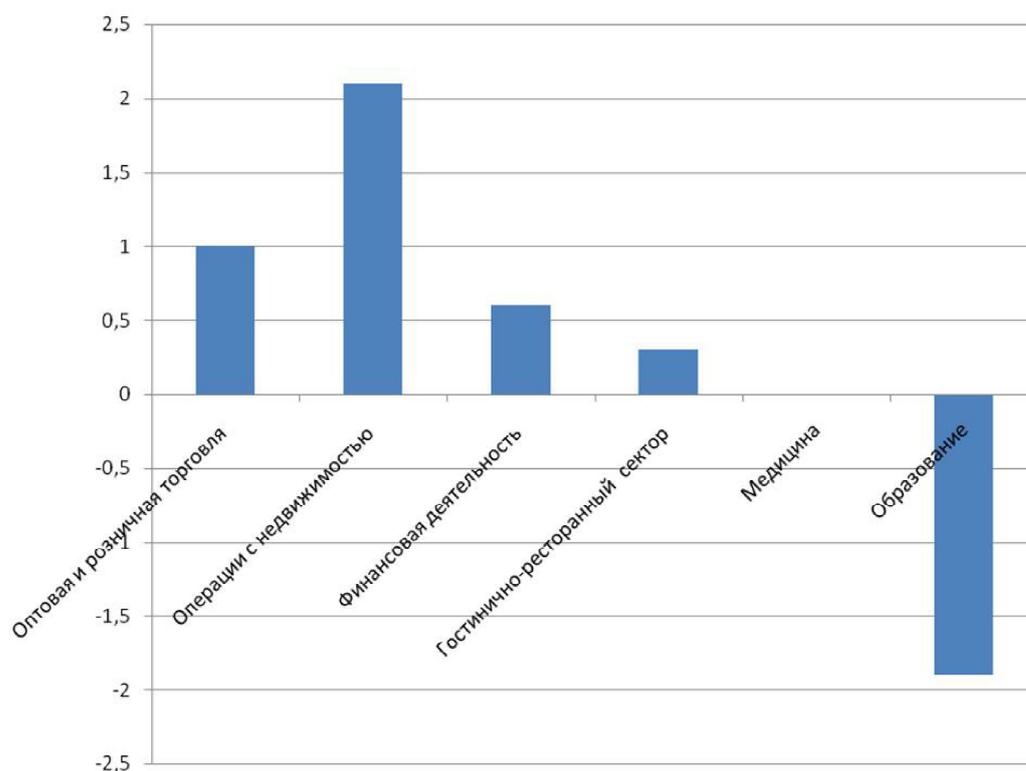

Рис. 2. Число занятых в разных отраслях сферы обслуживания за период 2005–2017 гг. /
Fig. 2. Number of employees in various service sectors for the period from 2005 to 2017

Анализ показал, что все рассмотренные отрасли сферы услуг, за исключением медицины и образования, показали прирост числа занятых.

Динамика занятых в 2017, 2018 гг. в некоторых секторах сферы услуг показана в табл. 2, 3.

Таблица 2 / Table 2

Динамика занятости в сфере предоставления некоторых услуг в 2017, 2018 гг. /
Dynamics of employment in the provision of certain services in 2017, 2018

Численность тыс. чел / Size Number of thousand people	Отрасли / Industries					
	Специалисты-техники в области ИКТ / Specialists-technicians in the field of ICT	Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием / Employees engaged in the preparation and execution of documentation, accounting and maintenance	Служащие общего профиля и обслуживающие офисную технику / General employees and maintenance of office equipment	Служащие сферы обслуживания населения / Public service employees	Служащие в сфере обработки числовой информации и учета материальных ценностей / Employees in the field of numerical information processing and inventory accounting	Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности / Employees of the service and trade sector, protection of citizens and property
2017						
Всего / in total	229	2331	557	529	773	11383
Мужчин / men	188	371	54	96	164	3494
Женщин / women	41	1960	503	432	609	7889
2018						
Всего / in total	195	2428	550	527	873	11611
Мужчин / men	164	417	55	97	218	3646
Женщин / women	31	2010	495	430	654	7966

Таблица 3 / Table 3

Численность работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности в 2017, 2018 гг. / Number of employees in the service and trade sector, protection of citizens and property in 2017, 2018

Численность тыс. чел / Size Number of thousand people	Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности / Employees of the service and trade sector, protection of citizens and property						
	Работники сферы индивидуальных услуг / Employees in the field of individual services	Продавцы / Salesmen	Работники, оказывающие услуги по индивидуальному уходу / Employees who provide individual care services	Работники служб, осуществляющих охрану граждан и собственности / Employees of services that protect citizens and property	Прислуга и уборщики / Servants and cleaners	Помощники в приготовлении пищи / Assistants in the cooking	Уличные торговцы и другие некавалифицированные работники, оказывающие различные уличные услуги / Street vendors and other unskilled workers who provide various services
2017							
Всего / in total	2614	5586	809	2374	1172	138	25
Мужчин / men	406	933	39	2116	73	18	11
Женщин / women	2208	4653	770	258	1099	120	14
2018							
Всего / in total	2588	5736	814	2474	1167	135	20
Мужчин / men	404	999	37	2205	72	14	10
Женщин / women	2184	4737	777	269	1095	121	10

Анализ показывает, что занятость в 2017, 2018 гг. по разным отраслям сферы обслуживания различна. Отрицательную динамику, показали: специалисты-техники, их стало на 14,85 % меньше; служащие общего профиля и обслуживающие офисную технику – 1,26 %; служащие сферы обслуживания населения потеряли 0,4 %. На наш взгляд, сокращение связано с перераспределением работников и переходом на аутсорсинг.

Среди отраслей, показавших положительную динамику, служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием, прибавили 4,16 %. Число работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности увеличилось на 2 %. Последний сектор представлен разными отраслями, их динамика различна. При этом доля увеличения в разных секторах разная в сфере индивидуальных услуг. Так, потеряли 1 % занятых работники сферы индивидуальных услуг, число продавцов уменьшилось на 16,7 %, прислуги и уборщиков в 2018 г. стало меньше на 0,5 %, а помощников в приготовлении пищи – на 2,2 %.

В то же время число тех, кто оказывает услуги по индивидуальному уходу, увеличилось на 0,6 %, а осуществляющих охрану граждан и собственности – на 4,2 %.

При рассмотрении динамики занятых по гендерному признаку за 2017 и 2018 гг. отмечено, что величина прироста рабочей силы у женщин меньше, чем у мужчин. Так, доля служащих в сфере обработки цифровой информации и учета материальных ценностей среди женщин увеличилась всего на 7,38 %, в то время как среди мужчин – на 32,92 %; а среди работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности рост доли занятых у мужчин составил 4,35 %, а среди женщин – всего 0,97 %. Доля занятых специалистов-техников у мужчин уменьшилась на 13 %, а у женщин – на 24,4 %. Число служащих общего профиля, обслуживающих офисную технику, среди мужчин увеличилось на 1,85 %, в то время как среди женщин сократилось на 11,6 %. Отсюда можно сделать вывод, что «женская занятость» в сфере услуг подвержена большим изменениям.

В период пандемии коронавирусной инфекции наблюдался рост числа занятых в сфере интернет-торговли. В некоторых городах возникли проблемы с доставкой товаров

вследствие нехватки курьеров. Этот факт показателен. Сфера услуг быстро приспосабливается к изменениям рынка. По прогнозам аналитиков, в ближайшие 20 лет исчезнет потребность в турагентах, т. к. на сайтах туроператоров сам клиент может сделать заказ тура. Согласно исследованиям, 43,9 % рабочих мест можно сократить, если в России будет применена одномоментная автоматизация [1]. Конечно, появление роботов-водителей и уборщиков может вытеснить этот сегмент рынка занятости. Однако полная замена человека невозможна, т. к. такие эксперименты уже были и вызвали недовольство гостей, в частности, в гостинично-ресторанном бизнесе. В то же время эта сфера активно применяет цифровые технологии. На наш взгляд, большие возможности имеются в предоставлении охранных услуг.

Опрос среди руководителей малого и среднего бизнеса, работающих в сфере услуг, показал, что вследствие использования инновационных технологий число занятых существенно изменится (1...2 %). Аналитика, представленная Бюро трудовой статистики США, дает прогноз не более 10 % [3]. Однако подсчеты производились в целом для всех отраслей экономики. Структурная перестройка сферы услуг – это непреложный факт, и с ним нельзя не считаться. Сфера услуг, приспосабливаясь к изменившимся условиям, меняет рынок занятости, который вынужден реагировать на вызовы современности. Однако речь идет скорее о высвобождении ресурсов для выполнения других видов работ и оказания услуг, уменьшения доли рутинных операций в сфере услуг и о передаче процессов на автоматизацию. Это обусловит спрос на повышение уровня квалификации. Например, вместо 3...4 уборщиков оставим одного, но работа будет механизирована и это потребует других навыков.

Таким образом, на повестке дня будут стоять вопросы о перераспределении высвободившихся ресурсов и их последующего переобучения, а это значит, что необходима продуманная взвешенная политика в этом вопросе. Прежде всего, важна аналитика в области востребованных профессий, в решении вопросов, связанных с организацией обучения, разработкой нормативно-правового законодательства, например, в области нормирования труда вследствие неполной занятости, использования дистанционных

форм работы и др. Важно решать эти вопросы быстро, чтобы не допустить значительного разрыва во времени, что может повлечь рост социальной напряженности.

Заключение. Резюмируя сказанное, отметим, что преимущества от цифровизации для сферы услуг очень обширны и приведут к таким новым трендам, как:

- появление новых видов услуг;
- большая глубина доступа к услуге (получение ее независимо от того, где находится потребитель, и времени заказа);
- формирование новых форм взаимоотношений между поставщиком и потребителем;
- проникновение сферы услуг в отрасли, относящейся к промышленности.

Применение информационных технологий позволит сфере услуг получить дополнительные конкурентные преимущества, в том

числе за счет трансформации бизнес-процессов. Это касается как отрасли в целом, так и отдельных предприятий. Наряду с позитивными моментами цифровизация таит угрозы, связанные со структурной перестройкой, развитием новых схем мошенничества и сокращением занятости, что ставит на повестку дня вопросы планирования на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях. Обращает на себя внимание несовершенство нормативно-правового регулирования, необходимость разработки программ, связанных с обучением и переподготовкой кадров и решения разного рода социальных проблем. Последние вызваны перераспределением ресурсов вследствие структурной перестройки сферы услуг. Решение данных проблем крайне важно, в противном случае можно потерять преимущества от внедрения цифровых технологий.

Список литературы

1. Земцов С. П. Потенциальная роботизация и экономика незнания в регионах России. URL: https://www.iер.ru/files/news/zemtsov_10.04.18.pdf (дата обращения: 05.09.2020). Текст: электронный.
2. Добавленная стоимость сферы услуг в процентах от ВВП. URL: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (дата обращения: 10.08.2020). Текст: электронный.
3. Кашепов А. В. Совместное потребление как фактор изменений в экономике и занятости населения. Текст: электронный // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 8-2. С. 210–218. URL: <https://www.vaael.ru/ru/article/view?id=1277> (дата обращения: 05.09.2020).
4. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1990. С. 637.
5. European Commission (2017). Digital Single. Market. Policy. Country information — United Kingdom. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/country-information-united-kingdom> (дата обращения: 10.08.2020). Текст: электронный.
6. European Commission (2018a) Digital Economy. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/research-topic/digital-economy> (дата обращения: 10.08.2020). Текст: электронный.
7. Fayyaz S. (2018). A review on measuring digital trade & e-commerce as new economic statistics products. The 16th Conference of IAOS. URL: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (дата обращения: 13.08.2020). Текст: электронный.
8. Kryvinska N., Kaczor S., Strauss C., Greguš M. Servitization Strategies and Product-Service-Systems. Conference: IEEE 10th World Congress on Services - SERVICES 2014. At: Anchorage, Alaska, USA. URL: https://www.researchgate.net/publication/264004999_Servitization_Strategies_and_Product-Service-Systems (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
9. Parry Glenn, Bustinza Oscar, Vendrell-Herrero Ferran, O'Regan Nicholas. Internationalization of Product-Service Systems: Global, Regional or National Strategy? Foresight and STI Governance, vol. 10, no 1, pp. 16–29. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/03/28/1128067370/2-Parry%20et%20al%20-%2016-29.pdf> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
10. The Economist (2014). Technology Isn't Working. URL: <https://www.economist.com/news/special-report/21621237-digital-revolution-has-yet-fulfil-its-promise-higher-productivity-and-better> (дата обращения: 10.08.2020). Текст: электронный.
11. Vlasov, A. I., Shakhnov, V. A., Filin, S. S., Krivoshein, A. I. Sustainable energy systems in the digital economy: concept of smart machines, Entrepreneurship and Sustainability. 2019. Issues 6. 1975–1986. URL: [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4\(30\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(30)) (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
12. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. The Nine Elements of Digital Transformation. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements/> (дата обращения: 11.10.2020). Текст: электронный.

References

1. Zemtsov S. P. *Potential robotization and the economy of ignorance in the regions of Russia* (Potential robotization and the economy of ignorance in Russian regions). Available at: https://www.iep.ru/files/news/zemtsov_10.04.18.pdf (date of access: 05.09.2020). Text: electronic.
2. *Dobavlennaya stoimost sfery uslug v protsentah ot VVP* (Added value of the service sector as % of GDP). Available at: <https://utmagazine.ru/posts/10567-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-14-sfera-uslug> (Date of access: 10.08.2020). Text: electronic.
3. Kashpov A. V. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* (Bulletin of the Altai Academy of Economics and law), 2020, no. 8-2, pp. 210–218. Available at: <https://www.vaael.ru/ru/article/view?id=1277> (Date access: 05.09.2020). Text: electronic.
4. Kotler F. *Osnovy marketinga* (Fundamentals of marketing). Moscow: Progress, 1990, p. 637.
5. *European Commission (2017). Digital Single Market. Policy. Country information – United Kingdom* (European Commission (2017). Digital Single Market. Policy. Country information – United Kingdom). Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/country-information-united-kingdom> (Date of access: 10.08.2020). Text: electronic.
6. *European Commission (2018a) Digital Economy* (European Commission (2018a) Digital Economy). Available at: <https://ec.europa.eu/jrc/en/research-topic/digital-economy> (Date access: 10.08.2020). Text: electronic.
7. Fayyaz S. (2018). *A review on measuring digital trade & e-commerce as neweconomic statistics products. The 16th Conference of IAOS* (A review on measuring digital trade & e-commerce as neweconomic statistics products. The 16th Conference of IAOS). Available at: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (Date access: 13.08.2020). Text: electronic.
8. Kryvinska N., Kaczor S., Strauss C., Greguš M. *Servitization Strategies and Product-Service-Systems. Conference: IEEE 10th World Congress on Services - SERVICES 2014. At: Anchorage, Alaska* (Servitization Strategies and Product-Service-Systems. Conference: IEEE 10th World Congress on Services - SERVICES 2014. At: Anchorage, Alaska). Available at: https://www.researchgate.net/publication/264004999_Servitization_Strategies_and_Product-Service-Systems (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.
9. Parry Glenn, Bustinza Oscar, Vendrell-Herrero Ferran, O'Regan Nicholas. *Internationalization of Product-Service Systems: Global, Regional or National Strategy? Foresight and STI Governance* (Internationalization of Product-Service Systems: Global, Regional or National Strategy? Foresight and STI Governance), 2016. 03/28, vol. 10, no 1, pp. 16–29. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/03/28/1128067370/2-Parry%20et%20al%20-%2016-29.pdf> (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.
10. *The Economist (2014). Technology Isn't Working* (The Economist (2014). Technology Isn't Working). Available at: <https://www.econo-mist.com/news/special-report/21621237-digital-revolution-has-yet-fulfill-its-promise-higher-productivity-and-better> (Date access: 10.08.2020). Text: electronic.
11. Vlasov A. I., Shakhnov V. A., Filin S. S., Krivoshein A. I. *Sustainable energy systems in the digital economy: concept of smart machines, Entrepreneurship and Sustainability Issues 6: 1975-1986* (2019. Sustainable energy systems in the digital economy: concept of smart machines, Entrepreneurship and Sustainability. 2019. Issues 6: 1975–1986). Available at: [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4\(30\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(30)) (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.
12. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. *The Nine Elements of Digital Transformation* (The Nine Elements of Digital Transformation). Available at: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements> (Date access: 11.10.2020). Text: electronic.

Коротко об авторах

Тарханова Наталья Петровна, канд. геогр. наук, доцент кафедры туризма и социально-культурного сервиса. Институт спорта туризма и сервиса Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет), г. Челябинск, Россия. Область научных интересов: экологические проблемы природопользования, экономика туризма, информационные технологии в сфере сервиса
tanape@mail.ru

Романов Вадим Александрович, канд. экон. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права. Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Пятигорск, Россия. Область научных интересов: цифровая экономика, информационные системы в экономике, информационные технологии, цифровизация
rv-ilc@mail.ru

Briefly about the authors

Natalia Tarkhanova, candidate of geographical sciences, associate professor, Tourism and Socio-Cultural Service department, Institute of Sports Tourism and Service, South Ural State University (Research University), Chelyabinsk, Russia. Research interests: environmental problems of nature management, tourism Economics, information technologies in the service sector

Vadim Romanov, candidate of economic sciences, associate professor, State, Municipal Administration and Law department, North Caucasus Institute, Branch of RANEPА, Pyatigorsk, Russia. Sphere of scientific interests: digital economy, information systems in the economy, information technology, digitalization

Образец цитирования

Тарханова Н. П., Романов В. А. Цифровизация экономики сферы услуг: преимущества и угрозы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 111–120. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-111-120.

Tarkhanova N., Romanov V. Digitalization of the service economy: advantages and threats// Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 111–120. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-111-120.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020 г.
Статья принята к публикации: 06.11.2020 г.

УДК 336.14

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-121-131

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ****IMPROVEMENT OF THE QUALITY ASSESSMENT METHODOLOGY OF MUNICIPAL FINANCE
MANAGEMENT**

Ж. Б. Тумунбаярова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
tzhargal@list.ru

Zh. Tumunbayarova,
Transbaikal State University, Chita

И. В. Бочкарева,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
inessabochkareva@mail.ru

I. Bochkareva,
Transbaikal State University, Chita

Е. А. Деревцова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
e_derevczova@mail.ru

E. Derevtsova,
Transbaikal State University, Chita

Проблема повышения качества управления государственными и муниципальными финансами очень актуальна. Цель исследования – попытка обоснования необходимости совершенствования методики оценки качества управления муниципальными финансами.

Одна из задач – проверка гипотезы: муниципальные образования с населением, вовлеченным в процессы инициативного бюджетирования, наиболее эффективно осуществляют управление муниципальными финансами.

Объектом исследования являются муниципальные образования Забайкальского края.

В процессе исследования осуществлен анализ региональных правовых актов, касающихся оценки качества управления муниципальными финансами, а также анализ оценки в разрезе некоторых муниципальных образований (городских округов) Забайкальского края.

Анализ показал, что методика оценки качества управления муниципальными финансами субъектов РФ основана на показателях, характеризующих состояние муниципальных финансов, и не полностью охватывает показатели качества управленческих решений местных органов власти. В результате анализа выявлена корреляционная зависимость между качеством управления финансами муниципального образования Забайкальского края и степенью вовлеченности населения в бюджетный процесс.

В работе сделан вывод о необходимости совершенствования существующей методики оценки качества управления муниципальными финансами. Предлагается методика, основанная на трех группах показателей – состояние муниципальных финансов, уровень исполнения муниципальных программ (национальных проектов), качество управления муниципальными финансами. В целях повышения финансовой дисциплины и прозрачности бюджетного процесса авторами предлагается ввести в муниципальные образования пилотный проект по развитию инициативного бюджетирования

Ключевые слова: муниципальные финансы; инициативное бюджетирование; прозрачность; бюджетный процесс; муниципальные районы; консолидированный бюджет; Забайкальский край; управление финансами; качество управления; эффективность расходов бюджета

The problem of improving the quality of state and municipal finance management is very urgent at the present time. The purpose of the study is an attempt to substantiate the need to improve the methodology for assessing the quality of municipal finance management.

One of the tasks is to test the hypothesis: municipalities with the population involved in the processes of initiative budgeting are most efficient in managing municipal finances.

The object of the study is the municipalities of the Transbaikal region.

In the course of the study, an analysis of the regional legal acts concerning the assessment of the quality of municipal finance management was carried out, as well as an analysis of this assessment in the context of some municipalities (urban districts) of the Transbaikal region.

The analysis showed that the methodology for assessing the quality of municipal finance management in the constituent entities of the Russian Federation is based on indicators characterizing the state of municipal finance and does not fully cover indicators of the quality of local authorities' management decisions. The analysis also revealed a correlation relationship between the financial management quality of the municipal entity of the Transbaikal region and the degree of population involvement in the budget process.

The article concludes that it is necessary to improve the existing methodology for assessing the quality of municipal finance management. The method based on 3 groups of indicators - the state of municipal finances, the level of municipal programs (national projects) implementation, the quality of municipal finance management is proposed. In order to improve financial discipline and transparency of the budgetary process, the author proposes to introduce a pilot project to develop initiative budgeting in municipalities

Key words: *municipal finance, initiative budgeting, transparency, budget process, municipal districts, consolidated budget, Transbaikal region, financial management, quality of management, efficiency of budget expenditures*

Введение. Одним из главных направлений проводимой в настоящее время бюджетной реформы в России является повышение прозрачности работы государственных властей, повышение эффективности и результативности, а также качества управления государственными и муниципальными финансами. Изучение вопросов внедрения концепции прозрачности в государственном секторе весьма активно проводится [6; 7; 13; 15; 17] согласно Порядку осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами, утвержденному Приказом Министерства финансов РФ от 3 декабря 2010 г. №552 по следующим направлениям [17]:

- 1) бюджетное планирование;
- 2) исполнение бюджета;
- 3) управление государственным долгом;
- 4) финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями;
- 5) управление государственной собственностью и оказание государственных услуг;
- 6) прозрачность бюджетного процесса;
- 7) индикаторы, характеризующие выполнение указов Президента Российской Федерации.

Оценка осуществляется в баллах и проводится в несколько этапов:

- проведение по каждому направлению оценки консолидированного бюджета муниципального района или бюджета городского округа;
- расчет комплексной оценки качества.

Проводимая оценка качества управления финансами позволяет выявить финансовые возможности муниципальных образований, сильные и слабые стороны в их деятельности путем определения наилучшего и наихудшего показателя качества управления финансами.

Перспективным направлением в сфере управления государственными и муниципальными финансами становится внедрение в практику управления бюджетных процессов передовых технологий, обеспечивающих качественное предоставление услуг, что напрямую связано с повышением эффективности бюджетных расходов и качества финансового менеджмента. При осуществлении бюджетирования, ориентированного на результат, становится актуальной оценка качества управления муниципальными финансами со стороны местных жителей, прямых потребителей муниципальных услуг. В связи с этим существует необходимость в совершенствовании существующей методики определения эффективности управления муниципальными финансами.

Анализ правовых актов показал, что основным недостатком существующей методики оценки качества управления муниципальными финансами (финансового менеджмента) является неполный охват всех сфер управления муниципальными финансами. Так, например, из семи направлений, указанных в Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами, на уровне муниципаль-

ных образований наиболее представлены показатели, отражающие состояние муниципальных финансов. Менее проработанными являются показатели эффективности расходов, качества управленческих решений, прозрачности бюджета.

Цель – привести основания необходимости совершенствования методики оценки качества управления муниципальными финансами.

Объект исследования – муниципальные образования Забайкальского края.

Одна из задач – проверка гипотезы: муниципальные образования с населением, вовлеченным в процессы инициативного бюджетирования, наиболее эффективно осуществляют управление муниципальными финансами.

База данных и методы исследования. В ходе исследования проведен анализ исполнения консолидированных бюджетов Забайкальского края, Республики Бурятия, Амурской области, Иркутской области за 2017–2019 гг.; сравнительный анализ комплексной оценки качества управления финансами муниципальных образований. Использовались данные официальных сайтов органов исполнительной власти субъектов РФ; статистические данные; информация администрации губернатора Забайкальского края о количестве субъектов территориально-общественного самоуправления и их деятельности; данные опроса, проведенного

в исследовании К. И. Галыниса, Ж. Б. Тумунбаяровой, О. А. Барановой «Перспективы вовлеченности населения Забайкальского края в практики инициативного бюджетирования» [4].

Результаты исследования. В Забайкальском крае мониторинг качества управления финансами (финансового менеджмента) проводится с 2010 г. на основе Приказа Министерства финансов Забайкальского края от 11 мая 2010 г. № 84-пд «Об утверждении методики балльной оценки качества финансового менеджмента главных распорядителей средств бюджета Забайкальского края».

Исходя из приказа Министерства финансов Забайкальского края от 27 декабря 2016 г. №314-пд, оценка управления финансами производится на основе таких аспектов, как бюджетное планирование, исполнение бюджета, управление муниципальным долгом, управление муниципальной собственностью, внутренний финансовый аудит, прозрачность бюджетного процесса.

В табл. 1 представлены рейтинговые оценки некоторых муниципальных районов Забайкальского края. Как видно, на протяжении 2012–2017 гг. г. Чита обладала наибольшей эффективностью управления муниципальными финансами из предложенной выборки. Объясняется это особенностями методики оценивания – наибольшие баллы г. Чита получает, в основном, по разделу «прозрачность бюджета».

Таблица 1 / Table 1

Оценка качества управления муниципальными финансами муниципальных районов Забайкальского края / Assessment of the quality of municipal finance management in municipal districts of the Transbaikal Territory**

Муниципальное образование / Municipality	Рейтинговая оценка, баллов / Rating score, in points							Динамика оценки за 2011–2018 гг., % / Dynamics of assessment for 2011–2018
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	
ГО «Город Чита»	53,7	49,8	55	49,6	40,4	56	57,9	+7,8
Читинский район / Chita district	42,9	44,5	32,3	33,9	24,3	34,7	39,5	-7,9
Агинский район / Aginsky district	42	40,2	40,5	32,9	34,2	39,6	49,2	+17,1
Могойтуйский район / Mogyoytuysky district	45,9	44,8	49,9	31,2	36	45,2	59,2	+28,9
Балейский район / Baleysky district	36,4	39	33,5	32,14	26,9	41	42,6	+17

* Таблица составлена на основе данных Мониторинга муниципальных образований.

После 2014 г. рейтинговая оценка практически по всем муниципальным районам значительно сократилась, что связано с ростом муниципального долга, а следовательно, с недофинансированием расходных обязательств в период кризиса и падения доходов населения, выявленным на основе расчетов статистических данных Росстата, Забайкалкрайстата.

Падение качества управления муниципальными финансами в некоторых муниципальных образованиях (г. Чита, Читинский район, Балейский район) продолжилось вплоть до 2016 г. Отметим, что по Агинскому и Могойтуйскому районам в это время рейтинговая оценка увеличилась.

За анализируемый период в целом динамика рейтинговой оценки характеризуется как положительная. По Читинскому району произошло незначительное сокращение оценки на 7,9 %. Наибольший рост за 2012–2018 гг., по оценке, показали те районы, в которых развивается одна из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления – ТОСы.

Согласно определению Федерально-го закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, под территориальным общественным самоуправлением (ТОС) понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Так, лидер Забайкальского края по числу зарегистрированных ТОСов – Могойтуйский район, улучшил оценку качества управления муниципальными финансами почти на 29 %, а в 2018 г. получил оценку выше, чем г. Чита. На втором месте Агинский район с темпом прироста 17,1 %. Отметим, что городское поселение «Агинское», являющееся отдельным муниципальным образованием, в 2018 г. вошло в число субъектов с наивысшей оценкой качества управления муниципальными финансами. На третьем месте Балейский район, который улучшил оценку на 17 %, однако она все еще характеризуется как низкая.

Таким образом, анализ оценки качества управления финансами муниципальных районов Забайкальского края позволил

сформулировать следующую гипотезу: муниципальные образования с населением, вовлеченным в бюджетные процессы, наиболее эффективно осуществляют управление муниципальными финансами.

В связи с этим механизмы вовлечения местного населения в бюджетный процесс использованы в качестве инструмента повышения качества управления муниципальными финансами. Существуют различные практики участия местного населения, называемые общим термином «инициативное бюджетирование». Под данным термином следует понимать совокупность прав и способов инициативного участия жителей муниципального образования, в том числе путем софинансирования расходов, а также через иные организованные формы осуществления местного самоуправления, в выборе приоритетных направлений развития своей территории, подлежащих обеспечению и финансированию за счет расходов местных бюджетов (в части решения вопросов местного значения и исполнения иных полномочий органов местного самоуправления, предусмотренных отраслевым законодательством и относящихся к правам органов местного самоуправления), с возможностью их софинансирования за счет средств регионального и федерального бюджетов через осуществление, в том числе, общественного контроля за их обеспечением и осуществлением.

В частности, исследовательский центр инициативного бюджетирования отмечает достаточно много позитивных эффектов от внедрения практик самоорганизации местного населения [3; 12]:

- во-первых, повышение прозрачности расходов бюджета, повышенный общественный контроль благодаря распространению информации о ходе бюджетного процесса в открытых дискуссиях, освещению в СМИ;
- во-вторых, выявление приоритетных проблем и поиск их решений;
- в-третьих, повышение качества жизни населения за счет реализации социально значимых проектов (благоустройство, озеленение, пожарная безопасность и т.д.).

Развитие местных сообществ и степень вовлеченности граждан в бюджетный процесс зависит от многих факторов, изучению которых посвящена работа К. Галыниса, Ж. Тумунбаяровой, О. Барановой «Перспективы вовлеченности населения Забайкальского

края в практики инициативного бюджетирования». Метод исследования – формализованный опрос (1043 человек) и кластерный анализ. В работе муниципальные образования Забайкальского края были разделены на три кластера, критериями разделения стали специализация муниципального района, ко-

эффициенты бюджетной самодостаточности и средний доход на душу населения.

В результате выявлено, что основной мотивацией для участия в решении проблем территориального значения для всех кластеров является наличие публичной отчетности использования средств.

Таблица 2 / Table 2

Причины заинтересованности респондентов в участии решения проблем и готовность внести свой вклад [5] / Reasons for respondents' interest in participating in problem solving and willingness to contribute [5]

Показатель / Indicator	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер
Что бы заинтересовало участвовать? / What would be interesting to participate?			
Возможность выдвигать проблему / Possibility to put forward a problem	19,8	30,9	24,2
Возможность голосовать за проблемы / The ability to vote for problems	39	36	33
Возможность участвовать в разработке проекта / The opportunity to participate in the development of the project	11,8	17,77	25,5
Публичная отчетность по использованию средств / Public reporting on the use of funds	44,4	44	49,2
Возможность контролировать реализацию работ / The ability to control the implementation of work	17,6	26	28,5
Вклад населения в проекты по решению проблем местного значения / Community contribution to projects to address local issues			
Трудовое участие в проекте / Labour participation in the project	52,3	44,6	41,8
Совмещение трудового и финансового вклада / Combining labour and financial contributions	27	31,1	39,9

Во втором и третьем кластерах также наблюдается наибольшее число респондентов, которых интересует активная форма мониторинга проектов – это возможность участия в разработке проекта (25,5 % и 17,7 % соответственно) и возможность непосредственного контроля за ходом исполнения проекта (28,5 % и 26 % соответственно). Стоит отметить, что в третий кластер входит Агинский район – лидер по охвату ТОСами населения и эффективности исполнения бюджета. Во второй кластер входят п. Агинское, Могойтуйский, Балейский, Дульдургинский, Приаргунский районы. В первый кластер входят г. Чита, Читинский район и др.

Наибольшую заинтересованность в решении проблем проявляют респонденты из третьего кластера. В частности, из 372 человек 208 готовы решать проблемы (56 %). Кроме того, именно в третьем кластере наблюдается наибольший процент людей, го-

товых внести трудовой и/или финансовый вклад (58,2 %, или 121 человек). Во втором кластере процент немного ниже и составил 55 % (107 человек). Наименьший процент людей, готовых вносить денежные средства или личное присутствие в реализации проектов, зафиксирован в первом кластере. (43 %, или 94 человек) (рис. 1).

Основной причиной нежелания участвовать в процессах инициативного бюджетирования во всех кластерах является перекалывание ответственности на местную администрацию. Вариант «проблемы территории проживания должна решать местная администрация» указали 54,6 % в первом кластере, 49,8 % во втором и 40,2 % в третьем.

Таким образом, можно увидеть связь между оценкой качества управления муниципальными финансами и уровнем вовлеченности населения в практики инициативного бюджетирования.

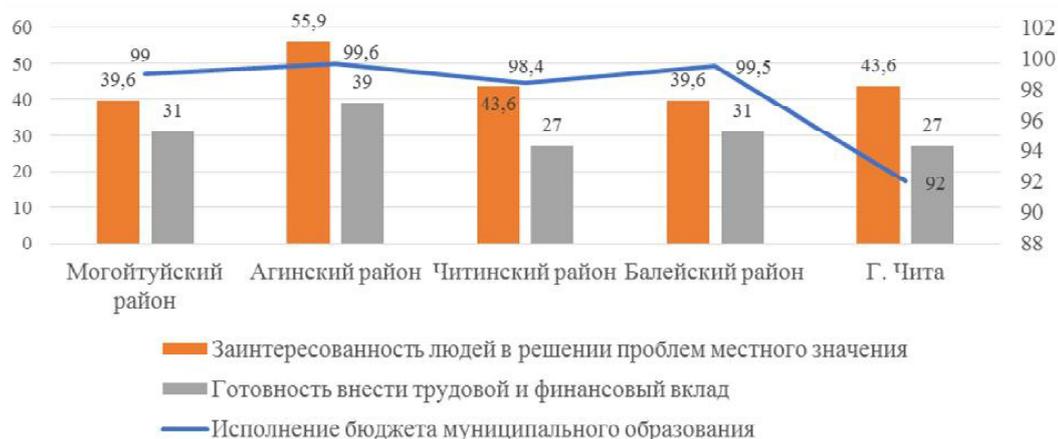

Рис. 1. Показатели исполнения бюджета и заинтересованности местного населения в процессах инициативного бюджетирования, % / Fig. 1. Indicators of budget execution and the interest of the local population in the processes of proactive budgeting, %

Наибольший процент исполнения бюджета наблюдается у тех муниципальных образований, где опрос показал большую степень заинтересованности населения в решении проблем местного сообщества.

Результаты проведенного анализа показывают, что развитие процессов инициативного бюджетирования позитивно влияют на исполнение бюджета муниципального образования. В Агинском районе выявлен наибольший процент заинтересованности в решении проблем местного значения. Следствием этой заинтересованности стало развитие субъектов ТОС и других форм инициативного бюджетирования, которые, в свою очередь, способствуют повышению прозрачности бюджетного процесса, позволяют контролировать ход исполнения бюджета и реализации социально важных проектов. Однако нужно понимать, что развитие субъектов ТОС зависит от деятельности органов местного самоуправления. Результаты исследования степени вовлеченности населения в практики инициативного бюджетирования, проведенного Ж. Б. Тумунбаяровой и К. И. Галынисом, показали, что вероятность вовлечения населения и применения инструментов инициативного бюджетирования зависит от уровня активности местных администраций, с одной стороны, и населения – с другой [4].

На рис. 2 предлагается систематизация существующей оценки качества управления муниципальными финансами. Все показатели разделены на три группы: показатели со-

стояния муниципальных финансов, оценка реализации федеральных и муниципальных программ/национальных проектов, показатели качества управления муниципальными финансами.

К показателям состояния муниципальных финансов относятся: уровень исполнения бюджета, показатели бюджетной сбалансированности и бюджетной обеспеченности, уровень просроченной кредиторской задолженности и муниципального долга.

Индикативная оценка представляет качественную оценку реализации государственных и муниципальных программ, а также реализации национальных проектов, осуществляемую органами власти исходя из официальных методик.

Показатели качества управления финансами – это показатели, оценивающие уровень управления финансовыми инструментами муниципального образования. К ним относится оценка финансовой дисциплины (с помощью показателей, оценивающих качество бюджетного планирования, качество предоставляемых муниципальных услуг); оценка соблюдения правил, установленных Бюджетным кодексом РФ; оценка управления муниципальной собственностью; оценка уровня прозрачности бюджета. К последней группе относится не только осуществление публикаций нормативно-правовых актов, разъяснений, бюджетной отчетности в сети Интернет, но и уровень вовлеченности населения в бюджетные процессы.

Рис. 2. Методика оценки качества финансового менеджмента муниципальных образований /
Fig. 2. Methodology for assessing the quality of financial management of municipalities

В целях повышения финансовой дисциплины, прозрачности бюджетного процесса авторами предлагается ввести в бюджеты муниципальных образований пилотный проект по развитию инициативного бюджетирования (табл. 3). Предполагается, что существующие

ТОСы в регионах будут способствовать реализации национальных проектов и существующих муниципальных программ. Данные проекты будут проводиться в тех регионах, где зафиксирован наибольший уровень вовлеченности населения в бюджетный процесс.

Таблица 3 / Table 3

Программа по развитию инициативного бюджетирования на территории Забайкальского края* /
Program for the development of initiative budgeting in the territory of the Transbaikal Territory*

Цель / purpose	Совершенствование механизмов решения вопросов местного значения на территории муниципального образования через создание модели вовлечения граждан в процесс формирования и распределения бюджетных средств / Improvement of mechanisms for resolving issues of local importance on the municipal territory through the creation of a model for involving citizens in the process of forming and distributing budget funds
Задачи программы / Program objectives	Повышение уровня знаний в области бюджетного законодательства и управления муниципальными финансами и общей гражданской активности населения / Increasing the level of knowledge in the field of budget legislation and municipal finance management and general civic engagement of the population Создание механизма действенной обратной связи между гражданами и органами власти, позволяющего учитывать мнение населения при проведении бюджетной политики / Creation of an effective feedback mechanism between citizens and authorities, which allows taking into account the opinion of the population when conducting budgetary policy Повышение уровня финансовой дисциплины благодаря развитию процессов вовлечения местного населения и осуществлению общественного контроля / Increasing the level of financial discipline through the development of processes for involving the local population and the implementation of public oversight Создание инструмента мониторинга и проведения социологических обследований по оценке эффектов внедрения практик инициативного бюджетирования / Creation the tool for monitoring and conducting sociological surveys to assess the effects of introducing initiative budgeting practices

Окончание табл. 3

Срок реализации / Implementation period	2 года / 2 years
Объемы и источники финансирования / Funding volumes and sources	400 тыс. р. – внебюджетные источники (средства самообложения граждан) / 400 thousand rubles - self-taxation of citizens 600 тыс. р. – бюджет муниципального района / budget of municipal district
Ожидаемые результаты / Expected results	Реализация не менее пяти общественно значимых проектов в муниципальных образованиях / Implementation of at least 5 socially significant projects in municipalities Повышение уровня информированности о возможности участия населения в бюджетный процесс муниципального образования / Raising awareness of the public participation possibility in the budget process of the municipality
	Создание и поддержка информационного ресурса в сети Интернет о практиках вовлечения населения на территории Забайкальского края / Creation and support of an information resource on the Internet about the practices of involving the population in the Transbaikal region Разработка методических рекомендаций по созданию субъектов местного самоуправления, проведение консультаций и семинаров / Development the guidelines for the creation of local self-government entities, consultations and seminars

* Составлено авторами

При этом необходимо ввести систему оценки эффективности субъектов ТОС. Данная система будет основана на индикаторах, представленных на рис. 3.

Рис. 3. Методика оценки эффективности деятельности ТОС / Fig. 3. Methodology for assessing the effectiveness of territorial public self-government

Лучшие ТОСы будут выбраны в результате конкурса и получат дополнительное финансирование из местного бюджета или бюджета субъекта в виде грантов, субсидий и др.

Для оценки эффективности деятельности субъектов инициативного бюджетирования применяются количественные показатели и относительные показатели, как, например, уровень удовлетворенности на-

селения (%) от установленного объема или количества.

Поскольку данный проект будет действовать в пилотном режиме, эффективность деятельности субъектов ТОС здесь не должна рассматриваться в строгом понимании этого термина. Прежде всего, эксперты и непосредственно получатели социально значимых услуг должны оценить результативность работы, способность организовать общественные работы, до конца разрешить ту или иную проблему и т.д.

Предлагаемая методика оценки эффективности субъектов инициативного бюджетирования: позволит провести комплексную оценку деятельности ТОС и степень их участия в социально-экономическом развитии территории муниципального образования; даст возможность оценить эффективность как отдельного субъекта ТОС в пределах города, микрорайона, так и в целом по муниципальному образованию; позволит местным органам власти получать актуальную и досто-

верную информацию о степени вовлечения населения в социально-экономическое развитие муниципального образования в целях оптимизации расходов бюджета; полученные результаты могут стать основой для механизма постоянного мониторинга исполнения муниципальных проектов и программ.

Результаты проведения оценки качества управления муниципальными финансами по предложенной методике позволят:

1) формировать рейтинг муниципальных образований в целях повышения качества управления муниципальными финансами;

2) стать основным критерием при проведении конкурсов на получение дополнительного финансирования из вышестоящих бюджетов;

3) принять оперативные и качественные решения по управлению муниципальными финансами;

4) повысить уровень информированности о существующих практиках вовлечения населения в бюджетный процесс.

Список литературы

1. Афанасьев А. Понятие эффективности бюджетных расходов: теория и законодательство // Финансовый журнал. 2016. №1. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/1/stftii_1/fm_2016_1_06.pdf. (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
2. Бычков С. Развитие методологии и практики оценки качества финансового менеджмента главных администраторов средств федерального бюджета // Финансовый журнал. 2018. № 1. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodologii-i-praktiki-otsenki-kachestva-finansovogo-menedzhmenta-glavnyh-administratorov-sredstv-federalnogo-byudzheta>] (дата обращения: 11.10.2020). Текст: электронный.
3. Вагин В. Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 38. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/initiativnoe-byudzhetrovanie-i-smezhnye-praktiki>] (дата обращения: 20.09.2020). Текст: электронный.
4. Гальнис К.И., Тумунбаярова Ж.Б., Баранова О.А. Перспективы вовлеченности населения Забайкальского края в практики инициативного бюджетирования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. №4. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-perspektivy-razvitiya-initiativnogo-byudzhetrovaniya-v-munitsipalitetah-zabaykalskogo-kрая>] (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
5. Глотова И. Качество управления финансами: региональный аспект // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 12. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-upravleniya-finansami-regionalnyu-aspekt-1>] (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
6. Голованова Н.В. Оценка открытости (прозрачности) бюджетной системы: обзор международного и российского опыта // Финансовый журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-otkrytosti-prozrachnosti-byudzhethnoy-sistemy-obzor-mezhdunarodnogo-i-rossiyskogo-opyta> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
7. Гузь Н.А. Формирование открытой и прозрачной информации об управлении общественными финансами: опыт США // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-otkrytoy-i-prozrachnoy-informatsii-ob-upravlenii-obschestvennymi-finansami-opyt-ssha> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
8. Дикаева Ж. Оценка эффективности управления государственными финансами в регионах России // Российский экономический интернет-журнал. 2016. № 2. URL: [<https://meps.econ.vsu.ru/meps/article/download/1390/1343>] (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.

9. Михеев В.В. Финансовый менеджмент в муниципальном секторе // Практика муниципально-го управления. 2010. № 7. URL: <http://www.rb-centre.ru/upload/iblock/7ef/7ef9a76c8af8edb65e653bdd46839233.pdf> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
10. Поляк Г.Б. Финансовое обеспечение социальной сферы. М.: Финансы и статистика, 2009. 189 с.
11. Протасеня С.И. Эффективность бюджетных расходов в рамках модели бюджетирования, ориентированного на результат: теория и законодательство // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-byudzhetyh-rashodov-v-ramkah-modeli-byudzhetirovaniya-orientirovannogo-na-rezultat-teoriya-i-zakonodatelstvo> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
12. Тимохина Е. Оценка степени участия граждан в принятии бюджетных решений в регионе как инструмент экономической политики // Проблемы современной экономики. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-stepeni-uchastiya-grazhdan-v-prinyatii-byudzhetyh-resheniy-v-regione-kak-instrument-ekonomicheskoy-politiki> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
13. James E. Alt, David Dreyer Lassen. Transparency, Political Polarization, and Political Budget Cycles in OECD Countries // American Journal of Political Science. 2006, July, Vol. 50, Issue 3, pp. 530–550. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00200.x> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
14. Jens Kromann Kristensen, Martin Bowen, Cathal Long, Shakira Mustapha. PEFA, Public Financial Management, and Good Governance. URL: <https://www.pefa.org/sites/default/files/resources/downloads/9781464814662.pdf> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
15. Liucija Birskyte. Determinants of Budget Transparency in Lithuanian Municipalities // Public Performance & Management Review. 2019. Vol. 42. Issue 3. P. 707–731. URL: <https://doi.org/10.1080/15309576.2018.1507915> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.
16. Teresa M. Harrison, Djoko SigitSayogo. Transparency, participation, and accountability practices in open government: A comparative study // Government Information Quarterly. 2014. October. Vol. 31, Issue 4. P. 513–525. URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.08.002> (дата обращения: 16.10.2020). Текст: электронный.

References

1. Afanasiev A. *Finansovy zhurnal* (Financial Journal), 2016, no. 1. Available at: https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/1/stftii_1/fm_2016_1__06.pdf. (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
2. Bychkov S. *Finansovy zhurnal* (Financial Journal), 2018, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodologii-i-praktiki-otsenki-kachestva-finansovogo-menedzhmenta-glavnyh-administrativnyh-sredstv-federalnogo-byudzheta> (Date of access: 11.10.2020). Text: electronic.
3. Vagin V. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* (Financial Analytics: problems and solutions), 2016, no. 38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativnoe-byudzhetrovanie-i-smeshnye-praktiki> (Date of access: 20.09.2020). Text: electronic.
4. Galynis K.I., Tumunbayarova Zh.B., Baranova O.A. *Vestnik Zabayskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikalian State University), 2020, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-perspektivy-razvitiya-initsiativnogo-byudzhetrovaniya-v-munitsipalitetah-zabaykalskogo-kрая> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
5. Glotova I. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* (Financial Analytics: problems and solutions), 2014, no. 12. Available at: [<https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-upravleniya-finansami-regionalny-aspekt-1>] (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
6. Golovanova N.V. *Finansovy zhurnal* (Financial Journal), 2015, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-otkrytosti-prozrachnosti-byudzhetyh-sistemy-obzor-mezhdunarodnogo-i-rossiyskogo-opyta> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
7. Guz N.A. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* (Economy. Taxes. Law), 2016, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-otkrytoy-i-prozrachnoy-informatsii-ob-upravlenii-obschestvennymi-finansami-opyt-ssha> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
8. Dikaeva Zh. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal* (Russian economic online journal), 2016, no. 2. Available at: <https://meps.econ.vsu.ru/meps/article/download/1390/1343> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
9. Mikheev V.V. *Praktika munitsipalnogo upravleniya* (Municipal administration practice), 2010, no. 7. Available at: <http://www.rb-centre.ru/upload/iblock/7ef/7ef9a76c8af8edb65e653bdd46839233.pdf> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.
10. Polyak G.B. *Finansovoe obespechenie sotsialnoy sfery* (Financial support of the social sphere). Moscow: Finance and statistics, 2009, 189 p.

11. Protasenyа S.I. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2018* (News of the Saint-Petersburg State Economic University. 2018). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-byudzhetyh-rashodov-v-ramkah-modeli-byudzhetrovaniya-orientirovannogo-na-rezultat-teoriya-i-zakonodatelstvo> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.

12. Timokhina E. *Problemy sovremennoy ekonomiki. 2018* (Problems of modern economy. 2018). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-stepeni-uchastiya-grazhdan-v-prinyatii-byudzhetyh-resheniy-v-regione-kak-instrument-ekonomicheskoy-politiki> (Date of access: 16.10.2020). Text: electronic.

13. James E. Alt, David Dreyer Lassen. *American Journal of Political science* (American Journal of Political science), 2006, July, vol. 50, Issue 3, pp. 530–550. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00200.x> (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.

14. Jens Kromann Kristensen, Martin Bowen, Cathal Long, Shakira Mustapha. *PEFA, Public Financial Management, and Good Governance* (PEFA, Public Financial Management, and Good Governance). Available at: <https://www.pefa.org/sites/default/files/resources/downloads/9781464814662.pdf> (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.

15. Liucija Birskyte. *Public Performance & Management Review* (Public Performance & Management Review), 2019, vol. 42, Issue 3, pp. 707–731. Available at: <https://doi.org/10.1080/15309576.2018.1507915> (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.

16. Teresa M. Harrison, Djoko Sigit Sayogo. *Government Information Quarterly* (Government Information Quarterly), 2014, October, vol. 31, Issue 4, pp. 513–525. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.08.002> (Date access: 16.10.2020). Text: electronic.

Коротко об авторах

Тумунбаярова Жаргал Баировна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и бухучета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: теория финансов, малое предпринимательство, институциональная экономика, tzhargal@list.ru

Бочкарева Инесса Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и бухучета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: стратегическое планирование, методические подходы оценки и выбора стратегии развития inessabochkareva@mail.ru

Деревцова Екатерина Андреевна, аспирант, Забайкальский государственный университет; специалист 1-го разряда, Межрайонная ИФНС России № 2 по г. Чита, Россия. Область научных интересов: государственный бюджет, межбюджетные отношения, инициативное бюджетирование, эффективность расходов e_derevczova@mail.ru

Briefly about the authors

Zhargal Tumunbayarova, candidate of economic sciences, associate professor, Economics and Accounting department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Scientific interests: theory of finance, small business, institutional economics

Inessa Bochkareva, candidate of economic sciences, associate professor, Economics and Accounting department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Scientific interests: strategic planning, methodical approaches of evaluation and selection of development strategy

Ekaterina Derevtsova, postgraduate, Transbaikal State University; specialist of the 1st category, Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 2, Chita, Russia. Scientific interests: state budget, interbudgetary relations, initiative budgeting, cost efficiency

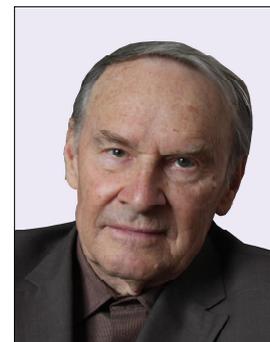
Образец цитирования

Тумунбаярова Ж. Б., Бочкарева И. В., Деревцова Е. А. Совершенствование методики оценки качества управления муниципальными финансами // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 121–131. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-121-131.

Tumunbayarova Zh., Bochkareva I., Derevtsova E. Improvement of the quality assessment methodology Of municipal finance management // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 121–131. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-121-131.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 12.11.2020 г.

**КИРДЯШКИН АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,
ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ЗАБАЙКАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Родился 20 мая 1937 г. в селе Разино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области.

А. Г. Кирдяшкин – известный специалист в области теплофизики и ведущий ученый в области исследования конвекции в различных оболочках Земли – геодинамике. Научная деятельность имеет два взаимосвязанных этапа – период работы в Институте теплофизики СО АН СССР (1961–1982) и в Институте геологии и геофизики СО АН СССР (с 1982 г. по настоящее время в Институте геологии и минералогии СО РАН).

Основное направление работ в Институте теплофизики – исследование гидродинамики и теплообмена при тепловой гравитационной конвекции. Им проведены экспериментальные и теоретические исследования гидродинамики и теплообмена в условиях свободной конвекции в горизонтальных слоях при ламинарной ячеистой конвекции и при развитом турбулентном режиме. По результатам этих исследований в 1966 г. им защищена кандидатская диссертация (канд. техн. наук) «Трение и теплообмен при тепловой гравитационной конвекции и в поле центробежных сил».

Выполнен цикл работ по исследованию ламинарных течений и устойчивости в замкнутых слоях жидкости различной ориентации в условиях тепловой гравитационной конвекции. Экспериментально измерены осредненные поля скорости и температуры в турбулентном свободно-конвективном пограничном слое у отдельной вертикальной пластины в большом объеме и в плоском вертикальном слое жидкости, а также пространственно-временные корреляционные функции и энергетические спектры пульсации температуры в вязком подслое и во внешней части пограничного слоя. Эти эксперименты, до настоящего времени единственные по комплексному измерению температуры и скорости, позволили построить модель свободно-конвективного турбулентного пограничного слоя. В 1976 г. А. Г. Кирдяшкиным защищена диссертация на соискание степени доктора технических наук «Структура тепловых гравитационных течений вблизи поверхности теплообмена».

Результаты этих исследований имеют фундаментальный характер и находят разнообразные приложения в геодинамике. Предметом изучения геодинамики являются силы, возникающие в гравитационном поле Земли, и их проявление в различных ее оболочках. Геодинамика – относительно молодая область наук о Земле, включает изучение гидродинамики, тепло- и массообмена глубинных оболочек Земли в гравитационном поле, а также процессы тепломассообмена в различных геодинамических структурах. Геодинамические исследования требуют от специалиста знания процессов тепло- и массообмена в гравитационном поле, знания петрологии, геохимии и геофизики рассматриваемых геодинамических обстановок.

Начиная с 1982 г., А. Г. Кирдяшкин – старший научный сотрудник (в Институте геологии и геофизики СО АН СССР), далее – заведующий лабораторией Физического и химического моделирования геологических процессов Института геологии и минералогии СО РАН. В настоящее время является ведущим научным сотрудником указанной лаборатории. А. Г. Кирдяшкин продолжил исследования тепловой гравитационной конвекции в направлении геодинамических задач и роста кристаллов в земных условиях. Его работы на этом этапе научной деятельности посвящены решению ряда основных геодинамических задач, рассматриваемых современной мировой геологической наукой, таких как экспериментальное и теоретическое моделирование тепловой и гидродинамической структуры конвективных течений в астеносфере и нижней мантии; соотношение пространственных и временных масштабов верхне- и нижнемантийных конвективных течений; теплофизический анализ генезиса и структуры трансформных разломов; моделирование тепло- и массообмена в астеносфере в окрестности осей срединно-океанических хребтов; выяснение тепловых и геодинамических условий существования и устойчивости зон субдукции; экспериментальное и теоретическое моделирование

мантийных термохимических плюмов, определение их тепловой структуры и гидродинамической и времени их существования. На основании полученных результатов теплофизического моделирования д-р. техн. наук А. Г. Кирдяшкиным совместно с академиком РАН Н. Л. Добрецовым построены базовые модели мантийной конвекции в задачах геодинамики.

По результатам экспериментального и теоретического моделирования тепловых гравитационных течений в верхней мантии Земли А. Г. Кирдяшкиным опубликована монография «Тепловые гравитационные течения и теплообмен в астеносфере» (Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 81 с.), в которой на основании экспериментального и теоретического моделирования найдены поля скорости и температуры в астеносфере, тепловые потоки через литосферу, силы, приложенные к океанической литосфере. Установлено, что трансформные разломы возникают над опускающимися астеносферными потоками конвективных валов, которые существуют у охлаждаемой поверхности (кровли) литосферы и оси валов перпендикулярны оси срединно-океанического хребта. Показано, что толщина подъемного астеносферного течения у оси хребта составляет 1/4 толщины астеносферы. Структура плоского астеносферного течения под океанической литосферой определяется в основном горизонтальным градиентом температуры.

Результаты работ по экспериментальному и теоретическому моделированию позволили установить условия существования, гидродинамическую и тепловую структуру двухслойной мантийной конвекции. На основании экспериментально полученных профилей скорости и температуры, а также картины течения в двухслойной системе жидкостей (когда толщина верхнего маловязкого слоя много меньше толщины нижнего высоковязкого) показано, что тепловая и гидродинамическая структура конвективных течений в нижней мантии соответствует структуре течения в отдельном горизонтальном слое, подогреваемом снизу. Также показано, что конвекция в верхней мантии происходит при наличии горизонтального градиента температуры, возникающего на границе раздела верхней и нижней мантии, где конвективные течения противоположно направлены. При известных в настоящее время теплофизических параметрах верхней и нижней мантии горизонтальные размеры конвективных ячеек в верхней (более тонкой и менее вязкой) равны горизонтальным размерам ячеек нижней мантии, а горизонтальные размеры ячеек в нижней мантии соизмеримы с ее толщиной. Обнаружена строгая корреляция восходящих и нисходящих потоков в верхней и нижней мантии, когда восходящие течения в верхнем слое расположены над подъемными течениями в нижнем, так же как опускающиеся течения в нижнем слое расположены строго под опускающимися в верхнем. На основе экспериментальных результатов и теоретических расчетов с учетом петрологических «реперов» построено распределение температур в восходящих и нисходящих ветвях течений в верхней и нижней мантии; получены оценки максимальных скоростей этих течений – порядка 10 см/год в верхней мантии и 1...2 см/год в нижней мантии; уточнена общая схема коррелируемых восходящих и нисходящих потоков в верхней и нижней мантии.

Экспериментально и теоретически показана (совместно с А. А. Кирдяшкиным) правомерность моделирования мантийных течений на жидкостях со значениями критерия Прандтля Pr (отношения кинематической вязкости к коэффициенту температуропроводности), больших 45. Экспериментально определена граница турбулентного режима течения в горизонтальном слое при свободной конвекции, которая не зависит от Pr , начиная с $Pr = 45$, и характеризуется постоянным значением критерия Рэлея ($Ra = 10^6$), определяющего соотношение тепловых гравитационных сил и сил трения. Показано, что при известных на сегодня теплофизических параметрах нижней мантии (число Прандтля 10^{23}) режим нижнемантийной конвекции – турбулентный. Найдены временные периоды высокочастотных турбулентных пульсаций конвективных движений в нижней мантии. Эти периоды составляют 450 млн лет и соответствуют периодичности крупнейшего геологического цикла «от Пангеи до Пангеи». Выяснено, что периоды низкочастотных тепловых пульсаций, связанные с перестройкой структуры конвективных ячеек в нижней мантии, соизмеримы с возрастом Земли.

Ученым проведено теоретическое и экспериментальное моделирование, возникающих при выплавлении канала в окружающем твердом кристаллическом массиве пород над локальным источником тепла. Термохимические плюмы формируются на границе ядро-мантия при наличии теплового потока из внешнего ядра в локализованной области поступления химиче-

ской добавки, понижающей температуру плавления нижней мантии до величины ниже температуры границы ядро-мантия. Происходит плавление мантийного вещества и подъем плюма вследствие плавления. Определена мощность теплового источника плюма в зависимости от его размеров, температуры и параметров расплава. Для случая предельного осредненно-стационарного режима течения в канале плюма, когда всё тепло отводится в окружающий массив, оценена предельная высота проплавления канала при постоянной мощности источника. Экспериментально показано, что для мантийных плюмов характерно наличие нестационарных свободно-конвективных течений в канале выплавления в режиме пограничного слоя. Экспериментально показано смещение потоков от одной стенки канала выплавления плюма к другой, в результате чего канал плюма представляет собой бегущую волну с винтовым вращением, с амплитудой отклонения от оси вращения порядка двух диаметров канала. Эти результаты подтверждаются на примере мантийных плюмов (Гавайского и Исландского в океанах). Оценено время подъема плюма от границы ядро-мантия до земной поверхности в зависимости от вязкости плюмового расплава и мощности теплового источника, расположенного на ядро-мантийной границе. Это время составляет менее 5 млн лет, то есть установлено, что время подъема термохимического плюма через мантию в геологическом масштабе незначительно. На основе лабораторного и теоретического моделирования рассмотрены геодинамические условия излияния расплава из канала плюма на поверхность. Также лабораторное моделирование термохимических плюмов показало, что при постоянной температуре плавления окружающего массива диаметр выплавленного канала плюма не изменяется с высотой. В том случае, когда поднимающийся плюм достигает «тугоплавкого» слоя, температура плавления которого выше, чем температура расплава в канале плюма, формируется грибообразная голова плюма.

Методами экспериментального и теоретического моделирования А. Г. Кирдяшкиным показано, что мантийные термохимические плюмы являются регуляторами теплового режима Земли. В зависимости от тепловой мощности мантийного плюма, передающейся от подошвы плюма, расположенной на ядро-мантийной границе, плюм при выходе на дневную поверхность проявляет себя по-разному: как алмазоносный плюм, как плюм, образующий грибообразную голову вблизи дневной поверхности, и ответственный за создание крупных интрузивных тел – батолитов, или как образующий крупные магматические провинции (КМП). Показано, что плюмы малой мощности, не вышедшие на дневную поверхность и остановившиеся на глубине 100...150 км при их групповом расположении могут быть ответственными за образование крупных поднятий земной поверхности (горных хребтов и плато).

Одним из ключевых процессов в геодинамике является субдукция океанической литосферы. Моделирование зоны субдукции показало, что под зоной субдукции существуют нисходящие нижнемантийные течения, которые определяют общую структуру ячейки конвекции в нижней мантии. Определены условия существования и устойчивости субдукции, основным регулятором которой является относительно маловязкий аккреционный клин. Найдены закономерности саморегулирования размеров клина при изменении скорости субдукции и силы давления между континентом (островной дугой) и опускающейся плитой.

На основе экспериментального и теоретического моделирования установлено, что угол наклона субдуцирующей литосферной плиты определяется соотношением горизонтальных градиентов температуры в океаническом и континентальном крыле субдукции. Оценены по величине силы, действующие в зоне субдукции, и коэффициент трения на границе субдуцирующей плиты с континентальным крылом субдукционной зоны и удельный тепловой поток от трения.

Помимо геодинамического моделирования А. Г. Кирдяшкиным выполнен большой цикл работ по экспериментальному и теоретическому моделированию тепло- и массообмена в процессах минералообразования: в ячейках высокого давления при росте алмаза, при гидротермальном синтезе минералов, при направленной кристаллизации в кристаллизаторах типа «лодочка» и «ампула» в поле периодически изменяющихся центробежных сил, а также предложена модель и получено решение задачи о тепломассообмене при формировании железомарганцевых конкреций на морском дне.

Результаты геодинамических исследований А. Г. Кирдяшкина опубликованы в монографии Н. Л. Добрецова и А. Г. Кирдяшкина «Глубинная геодинамика» (Новосибирск: Изд-во

СО РАН, НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. 299 с.). В книге представлены взаимосвязанные общей целью разделы: основы геодинамического моделирования; авторские результаты моделирования и их геодинамические приложения; рассмотрен ряд примеров конкретных геодинамических обстановок, хорошо согласующихся с данными теплофизического моделирования, и, как следствие, постановка новых задач в области геодинамики. Последовательно рассмотрены теплофизические модели процессов спрединга, рифтинга, субдукции. Переработанная и дополненная монография "Deep-Level Geodynamics" издана на английском языке в 1998 г. (A. A. Balkema, Rotterdam/Brookfield, 328 p.).

В 1997 г. за цикл трудов «Глубинная геодинамика» д-ру техн. наук, заведующему лабораторией А. Г. Кирдяшкину (в авторском коллективе) присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники. В 2001 г. опубликована книга Добрецов Н. Л., Кирдяшкин А. Г., Кирдяшкин А. А. «Глубинная геодинамика», переработанная и дополненная (Новосибирск: Изд-во СО РАН: ГЕО. 409 с.).

В 2008 г. А. Г. Кирдяшкину присуждена Государственная награда Российской Федерации (удостоверение к Государственной награде Российской Федерации З № 201163) и присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В 1991-2001 гг. А.Г. Кирдяшкин читал студентам геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета курс лекций по геодинамике «Геодинамические процессы и их моделирование».

Работы А. Г. Кирдяшкина опубликованы в 155 статьях в ведущих международных и российских научных журналах.

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

1. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Согласие на публикацию необходимо подтвердить личной подписью каждого автора в конце статьи. Рекомендуемый объем статьи – 0,5...1 печ. л. (8...16 с.). В объем рукописи включены аннотация и список литературы. Публикация статьи платная – 335 р. за одну страницу машинописного текста (интервал 1,5; размер шрифта – 14). Оплата производится после утверждения текста статьи редакционным советом. Для сотрудников ЗабГУ, аспирантов и докторов всех вузов публикация статей – за счет средств университета. Почтовые услуги за пересылку авторского экземпляра составляют 200 р. (реквизиты для оплаты можно найти по ссылке http://zabgu.ru/php/page.php?query=rekvizity%27_zabgu в платеже необходимо отметить «за услуги РИК»). Копию квитанции об оплате высылать на электронный адрес rik-romanova-chita@mail.ru.

1.2. Редакционная коллегия оставляет за собой право на научное и литературное редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Присланные рукописи авторам не возвращаются.

1.3. Редакция научного журнала «Вестник Забайкальского государственного университета» осуществляет независимое рецензирование статей. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в редакцию (с пометкой «исправленная») в течение 10 дней, в противном случае она будет отклонена. Доработанный вариант статьи рецензируется и рассматривается заново.

1.4. Материалы статьи предоставляются:

а) по электронной почте: rik-romanova-chita@mail.ru;

б) на почтовый адрес: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Забайкальский государственный университет, редакция журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»;

в) непосредственно в редакцию (корпус 01, каб. 320).

По вопросам публикации статей обращаться к главному редактору журнала – Романовой Нелли Петровне – по тел.: (3022) 21-88-73; факс (3022) 41-64-44; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

2. Комплектность и форма предоставления авторских экземпляров

2.1. Предоставляемые материалы должны содержать:

– научное направление;

– шифр УДК;

– фамилию, имя, отчество автора (соавторов) (полностью) (на русском и английском языках);

– название статьи (на русском и английском языках);

– аннотацию – 200–250 слов (на русском и английском языках). В аннотации должны быть отражены: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; результаты работы и область их применения; выводы. По аннотации читатель должен определить, стоит ли обращаться к полному тексту статьи для получения более подробной, интересующей его информации;

– ключевые слова или словосочетания – не менее 10 (на русском и английском языках);

– основную часть. Текст статьи должен иметь следующую структуру: актуальность, объект, предмет, цель, задачи, методология и методы исследования, разработанность темы, результаты исследования, выводы.

– список литературы (не более чем 5-летней давности) 15 источников (правила оформления см. в п. 2.4);

– сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы, город, страна, контактный телефон и e-mail, почтовый адрес с индексом (для отправления журнала) (на русском и английском языках);

– научные интересы автора (авторов) (на русском и английском языках);

– цветную фотографию автора (авторов) на белом фоне (деловой стиль) в электронной версии в формате *.JPG, *.BMP или *.TIFF, размер файла до 1 MB;

– рецензию научного руководителя, консультанта или специалиста, занимающегося темой заявленного исследования (оригинальная или электронная версия). В рецензии должна быть указана контактная информация рецензента;

– экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия) (образец – на сайте www.zabgu.ru);

– результат оригинальности текста, проверенного на плагиат желательного в системе «Антиплагиат» (info@antiplagiat.ru) (необходимо предоставить сведения об оригинальности текста).

2.2. Общие правила оформления текста

Статью на электронном носителе следует сохранять под именем, соответствующим фамилии первого автора, набирается в программе Microsoft Office Word.

Рекомендуется соблюдать следующие установки:

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см; ориентация – книжная; перенос – автоматический. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – на нижнем поле. Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Формат бумаги – А4.

Для акцентирования элементов текста рекомендуется использовать курсив. Выделение текста жирным шрифтом и подчеркивание не допускается.

2.3. Формулы, рисунки, таблицы

При использовании формул (кроме заголовка статьи и аннотации) рекомендуется применять Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы – курсивом; для греческих букв и символов – шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman (использование букв русского алфавита в формуле нежелательно). Размер символов: обычный – 14 пт, крупный индекс – 10 пт, мелкий индекс – 7 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 14 пт. Экспозиции элементов формул в тексте следует оформлять в виде формул. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, $A = a \cdot v$, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки необходимо выполнять с разрешением 300 dpi; предоставлять в виде отдельных файлов с расширением *.JPG, *.BMP, *.TIFF и распечаткой на бумаге формата А4 с указанием имени файла. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Схемы и графики выполнять во встроенной программе MS Word или в MS Excel с предоставлением исходного файла. Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Рисунки необходимо предоставлять в цветном виде. Название рисунков должно быть на русском и английском языках.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте. Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещены над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 12 кегль. Таблицы не нужно прикреплять в отдельных документах. Заголовок и содержание таблиц предоставлять на русском и английском языках. Английская версия содержания таблиц оформляется через слэш (/).

2.4. Список литературы

Ссылки на источники в тексте статьи следует оформлять в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы, который для оригинальной статьи – не менее 10 источников.

Список литературы необходимо составлять в алфавитном порядке. Алфавитный порядок ссылок нумеруется. Не допускается выносить ссылки из текста вниз полосы. В списке литературы не должно быть наименований учебной литературы, диссертаций и литературы без авторства (конституция, законы, о них только говорится в тексте). Самоцитирование не допускается. В списке должно быть не менее двух источников на иностранном языке.

Список литературы предоставлять в двух вариантах: на русском языке (ГОСТ 7.0.5. – 2008. Библиографическая ссылка), а также НЕОБХОДИМО повторять русскоязычный список литературы полностью в романском алфавите (для зарубежных баз данных), согласно следующим требованиям:

– авторы (транслитерация), название источника (транслитерация, курсивом; в круглых скобках перевод на английский язык), выходные данные с обозначениями на английском языке либо только цифровые. Заглавия статей опускаются, т.к. в аналитической системе они не используются (достаточно указать название журнала) (подробная информация оформления библиографического списка см. на сайте www.zabgu.ru).

Пример описания статьи из журналов:

Polyanchikov Yu.N., Bannikov A.I., Kurchenko A.I. Vestn. Saratovsk. Gos. Tekhn. Univ. (Saratovsk State Technical University), 2007, no. 1 (23), P. 21-24.

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi» (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow, 2007, P. 267-272.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ссылка на Интернет-ресурс:

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011)

2.5. Правила транслитерации

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020

Том 26. № 9

Главный редактор Н. П. Романова
Литературный редактор Т. Р. Шевчук
Технический редактор И. В. Петрова
Подписано в печать 30.11.2020
Дата выхода в свет 08.12.2020
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 13,4
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Бум. тип. № 2
Гарнитура основного
текста «Pragmatica»
Усл. печ. л. 16,0
Заказ № 20194

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30